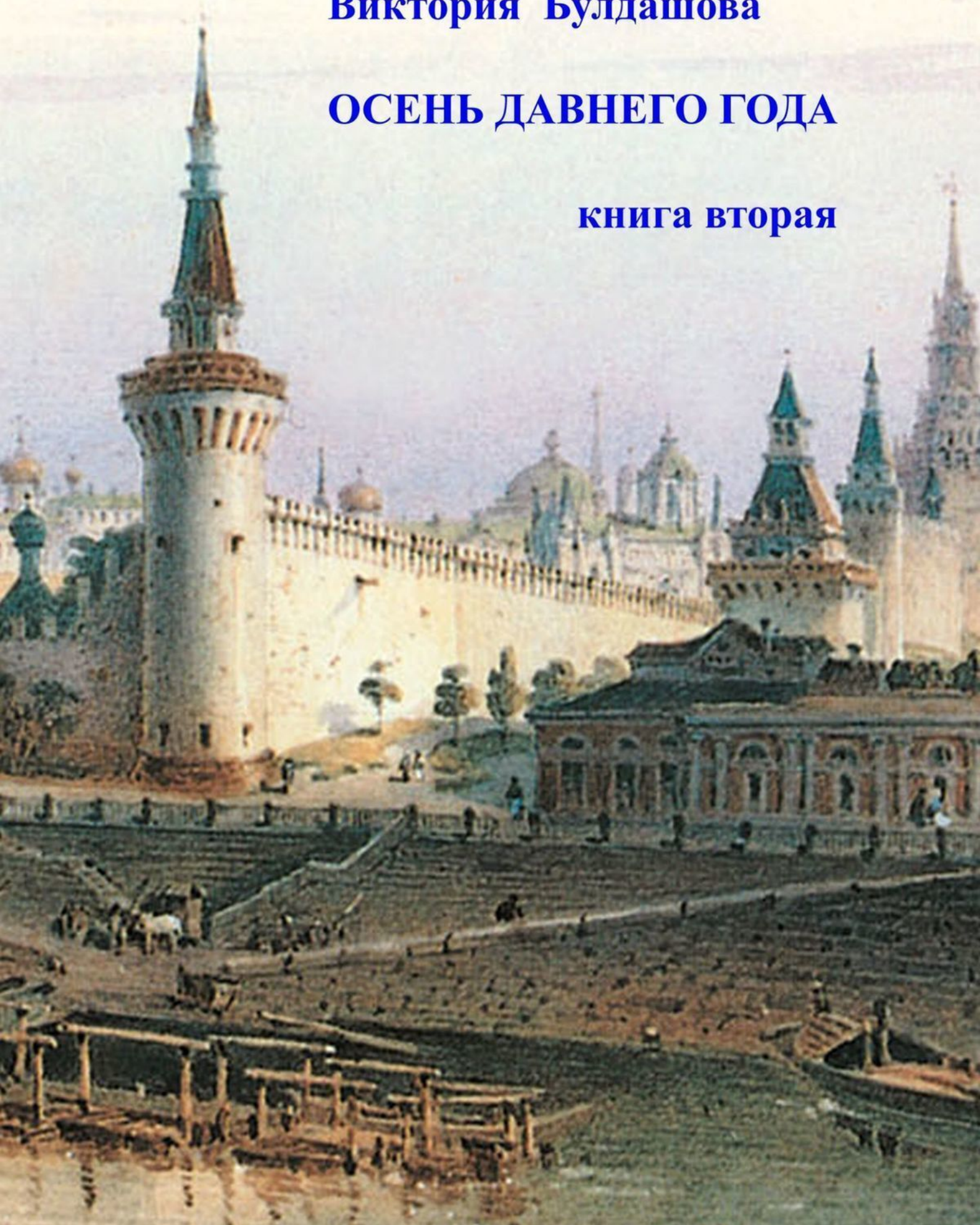

Виктория Булдашова

ОСЕНЬ ДАВНЕГО ГОДА

книга вторая

Виктория Булдашова

Осень давнего года. Книга вторая

«Издательские решения»

Булдашова В.

Осень давнего года. Книга вторая / В. Булдашова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502642-2

Приключения Иры, Светы и Саши — теперь уже семиклассников —
продолжаются! Они прямо из школы попадают в чудесную страну Нелживию,
где сражаются с монстрами и учатся ещё крепче дружить. Но оказывается, что
путь ребят лежит ещё дальше — в Москву 17 века.

ISBN 978-5-00-502642-2

© Булдашова В.
© Издательские решения

Содержание

1. Секрет Акимова	6
2. Несмешной Потешный городок	48
3. Поиски ускользающей истины	80
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Осень давнего года Книга вторая

Виктория Булдашова

© Виктория Булдашова, 2021

ISBN 978-5-0050-2642-2 (т. 2)

ISBN 978-5-0050-2545-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Секрет Акимова

За воротами, на пустой деревенской улице, было безветренно. Стояла тишина. Над Преображенским висело черное низкое небо. Наша троица шагала вперед, утопая ногами в рыхлой пыли. Все понуро молчали. Что и говорить, лопухнулись мы, как глупые котята. Не поддались Страху. Отогнали от Дормидонтова семейства Жестокость, Зависть и Ложь – а с последней-то из них о-очень долго пришлось повозиться! – и совершенно забыли про Жадность. А она взяла и сделала всех нас вместе с Кириллом Владимировичем. Проглотила будущего купца целиком и не подавилась, обжора. Получается, что по нашей вине будет страдать не только Дормидонт – его-то, упрямого себялюбца, не особенно и жалко! Но вот Аграфена Михайловна, Параша, Афанасий... Их ждет незавидная доля – жизнь под гнетом бесчувственного скопидома. Впереди, сверкая в темноте, как зеркала, летели серебряные бабочки. Они дожидались нас, сидя на крыше беседки. Как только прелестные проводницы вспорхнули и устремились к нам, беседка растворилась в темноте. Теперь, как заверил Кирилл Владимирович, бабочки будут показывать нам дорогу в Пресбург, потому что знают, куда мы спешим. Скворец дремал на Сашкином плече. Взъерошив перья и склонив голову, птица чуть покачивалась в такт нашему движению. Иноземцев, правда, упорно порывался завести разговор с Кириллом Владимировичем. Мальчишка обращался к нему:

- А вот скажите, пожалуйста... – но тут же смолкал под наше с подружкой шипенье:
- Ты что, не видишь, что он устал?
- Дай нашему гида поспать!

Сплошной полосой тянулись справа высокие тыны из толстых кольев. Мелькали крепко запертые ворота. Вот впереди показалась причудливая громада царского дворца, окруженная купама деревьев и кустов. Залаяли собаки. Бабочки, словно испугавшись, ринулись вперед и пропали в ночном мраке. Зато мои ноги, наоборот, будто бы налились свинцом и не хотели двигаться. Я начала отставать от друзей. Они же, встревоженные исчезновением из виду проводниц, не заметили этого и прибавили шагу. «Надо отдохнуть немного», – подумала я.

Только куда бы поудобнее присесть? Скамеек на улице что-то не наблюдается. Ага, вот! Вдоль дороги выкопана водосточная канавка. Сяду-ка я на ее край и опущу усталые ноги на травянистое дно. Отлично! Но что это? Я слышу топот. За нами кто-то бежит?! Я оглянулась назад. Вроде бы все спокойно. И тут самым краем глаза я заметила, как на противоположной стороне улицы, через дорогу, мелькнула тень! Простучали мимо, удаляясь, шаги – и неясная фигура исчезла вдаль. Надо немедленно предупредить своих! Я вскочила – откуда только взялась эта внезапная резвость? – и помчалась догонять друзей. Ох, как долго тянулись справа от дороги сады и высокие башни Преображенского дворца! Я совсем запыхалась, когда вбежала наконец в березовую рощу, раскинувшуюся за ним. Впереди слышались знакомые голоса. Значит, надо еще немного поднажать!

Саня, Светка и Кирилл Владимирович ждали меня на поляне, посреди которой виднелось несколько пеньков. На самом высоком из них стоял скворец и что-то вещал скрипучим голосом. Ковалева с Иноземцевым сидели в некотором отдалении от гида – на срубках двух росших рядом деревьев. Уф, я наконец добралась до друзей! Сашка и Светка радостно замахали мне. Я подскочила к ребятам и тоже устроилась на пеньке. Птица кивнула мне и продолжила речь:

– Отвечаю на твой вопрос, Александр: почему превращение Дормидонта Ильича в жабу было неизбежным? А потому, мой юный друг, что, если человек готов отдать все богатства души за деньги и чины, ему уже никто не поможет. Квакушка радостно является на зов только что состоявшегося скряги, и – пожалуйста! – колдовство совершается. Человек сливается с Жадностью и сам становится чудовищем.

– Ну да, Санек, – сказала я. – Вспомни: сначала ты жабу ногой назад в ведро загнал. А она оттуда вылезла – и опять к Дормидонту. Селянин стал жрать все подряд со стола...

– От жадности, – встала Светка. – Затем змея попыталась отбить у сестры добычу – и не смогла, потому что квакуха оказалась сильнее. Афанасий бросил в жабу чашей. Долго искал гадину, чтобы выкинуть ее из дома. Но зеленуха под шумок снова нырнула в ведро. И ее, между прочим, сверху накрыл Страх!

– Но Жадность тихонько вылезла из воды и перебралась поближе к Дормидонту, – хлопнула я себя рукой по лбу. – Так вот кто прятался под лавкой у наших ног – холодный и влажный!

– Да я это давно понял, Костина, – пробурчал Сашка. – Еще когда мы из дому вышли, а кругом оказалось сухо. Никаких следов дождя! А ты говорила: кошка под ним промокла и пришла в избу греться.

Скворец резюмировал:

– Поймите, ребята: многие сегодняшние речи и поступки Дормидонта Ильича, продиктованные, на первый взгляд, Завистью, Жестокостью и Ложью, на самом деле имеют одну причину – всевозрастающую Жадность. И квакуха отлично знала это. Не добившись успеха с первых трех попыток, жаба на время отползла. Она сделала вид, что уступает поле боя сестрам. И родственницы оправдали ожидания Жадности: монстрихи своими нападками вымотали Дормидонта Ильича до полного отупения. А когда вы, ребята, вынесли из дома Ложь, жаба спокойно взяла себе свое. А именно – поглотила изнемогающего от алчности Дормидонта Ильича. Квакушка победила! – потому что иначе и быть не могло. Ее жертва сама хотела этого. Единомышленники, что называется, нашли друг друга.

Я откашлялась:

– Извините, пожалуйста, что я перебиваю Вас, Кирилл Владимирович. Но за нами кто-то следит. Шпион пробежал мимо меня по улице. Лазутчик, наверное, скрывается где-то рядом!

Высокий куст рядом со моим пеньком шевельнулся. Скворец пророкотал:

– Не беспокойся, Ирина. Все идет своим чередом. Опасности нет.

– А я еще хотел узнать, Кирилл Владимирович, – хмуро спросил Сашка, – кто же сейчас на самом деле царица? Понятно, что Петр не может править, – он еще маленький. Тогда почему вдова, его мать, – кантуется здесь, в Преображенском? А в Кремле живет царевна-государыня – ну, та, которой хочет служить мелкая дурочка Параша? И отчество у Софьи – Алексеевна, как у Петра. Значит, она царю – сестра? Тогда почему правит вместо своей матери? Ведь царица Наталья Кирилловна жива-здоровая. Почему же она уступила дочке трон и уехала из Москвы?

– Ты прав, Александр, но лишь отчасти. Царевна – действительно сестра юного государя, но не полнородная, а лишь единокровная.

– Как это?! – удивился Иноземцев.

– Да так, – раздраженно застрекотала Светка. – У Петра и Софьи один отец – царь Алексей Михайлович, и разные мамы. Надо было, Санек, на уроках истории слушать учителя, а не балду гонять!

– Я давным-давно не... Но тему пока все равно догнать не могу.

– Сейчас поймешь, Александр, – ободрил мальчишку скворец. – Софья – дочь ныне покойного царя от его первого брака с Марией Ильиничной Милославской. Она давно умерла. Алексей Михайлович снова женился – на Наталье Кирилловне Нарышкиной, которая и родила ему сына Петра, будущего Российского императора. Интересно то, что сейчас на троне официально находятся сразу двое царей – Петр и Иван, родной брат Софьи Алексеевны. Царевна же, из-за малолетства государей, исполняет при мальчиках роль регентши, управляет страной от их имени.

– И что, это еще долго продлится? – недовольно поинтересовался Иноземцев.

Из-за куста послышался треск веток: будто кто-то хочет подойти поближе к нашей компании, но не решается обнаружить себя. Э-э-э, да ведь нас подслушивают!

– Кирилл Владимирович... – встревожилась я.

– Знаю, что ты хочешь сказать, Ир-рина, – сердито оборвал меня скворец. – Погоди делиться своими наблюдениями. Я же объяснил: поводов для беспокойства пока нет. А тебе, Александр, ответчу: не слишком долго.

За кустом раздалось взволнованное сопенье. Наш тайный спутник, как мне показалось, просто задыхался от желания услышать, что дальше скажет птица. Вы спросите, почему я не встала и не посмотрела, кто прячется за кустом? Честно скажу: меня удерживало на пеньке какое-то странное чувство отвращения к шпику. Ну, вот до дрожи не хотелось Ирине Костиной видеть подлого соглядатая!

– Через несколько лет, – продолжал скворец, – начнется распря между Петром и Софьей. Повзрослевший царь – уже женатый человек, а это по обычаю 17 века приравнивалось к совершеннолетию – заявит о своих правах на престол. У его сестры не будет больше никаких законных оснований для продолжения регентства. Но царевна не захочет расстаться с властью. Нарастающая вражда между Кремлем и Преображенским разразится грозой. В ночь с седьмого на восьмое августа 1689 года к Петру из Москвы прискачут двое стрельцов. Они сообщат молодому царю о том, что на него готовится покушение. В эту самую рошу и прибежит в одной рубашке напуганный юноша. Сюда же ему принесут одежду и седло, приведут коня. Петр вместе с несколькими телохранителями верхом помчится в Троице-Сергиев монастырь, где попросит у архимандрита крова и защиты. Утром в лавру придут мать и жена царя в сопровождении всего потешного войска, которое к тому времени из Петровой забавы превратится в серьезную силу. Междоусобица между братом и сестрой разгорится с новой силой. Постепенно все сторонники Софьи Алексеевны оставят ее, перебегут к молодому царю. Бывшая регентша будет заключена в Новодевичий монастырь, из которого уже не выйдет. Петр Первый станет полноправным монархом, прозванным потом в народе Великим.

– Коа-акс! – грянуло из-за куста. – Складно ба-аешь ты, черный демон, да пра-авду ли?!

– Истинную правду, – подтвердил Кирилл Владимирович. – И хватит уже, Дормидонт Ильич, скрывать от нас. Выходите! Только перестаньте, пожалуйста, квакать, сделайте одолжение! Вы все же больше человек, чем земноводное, вот и постарайтесь вести себя соответственно.

Плотный шквал ворвался в лесок и загудел между березами. Мы прижались друг к другу. Взъерошенный скворец слетел с пня и спикировал нам под ноги. Вихрь прогнал тучи с неба, и с синего свода глянули яркие звезды. Кругом посветлело. Ветер утих. Из-за куста донесся шорох, дрогнули ветви, и перед нами нарисовалась нелепая фигура отца семейства. Дормидонт бормотал, как в бреду:

– Вот оно что! Скоро, значит, конец настанет власти государыни-царевны. Получается, надо уже сейчас ближе к мальчишке-царю подбираться, чтобы в люди выйти, деньги приобрести. А как? Опять, получается, через Афоньку. Другого-то пути для нашего рода нет. Только отрок мой своенравный и имеет нынче доступ к Петру Алексеичу. Уж придется ради будущего возвышения простить его, щенка. Ну, да поглядим. Скоро утро. Пойду-ка я в Потешный городок – будто бы кожи продать офицерам на сапоги. Где у меня кусок-то? Ага, вот, за пазухой лежит. В толпе стоя, воинским строем вроде как любуюсь, сам все и увижу. Может, наследник мой строптивый уже сегодня передумает отцу противиться, да и возьмет-таки на себя перед государем вину Воротникова? И хоть двадцать-то рубликов, да наши будут! Но про помощь бесовскую – очень даже возможную! – тоже забывать не след. Да, не след! Такой-то счастливый случай – с адскими силами встретиться да суметь богатство у них себе выпросить – один разок мне, бедняку, за всю жизнь сегодня и выпал. Не пропущу я его, уж не пропущу!

Вы представляете себе жабу, передвигающуюся на задних лапах? Вот то-то и оно! В звездном сиянии зеленая оболочка полумужчины-полуземноводного высвечивалась еще омерзительнее. А глаза будущего купца – это была отдельная история! Прикиньте, желтые гля-

делки-блюдца на человеческом лице с громадным ртом до ушей! А перепончатые лапы, выглядывающие из рукавов длинной рубахи, а под их бугристой кожей – четко видные кисти рук! Это походило на страшный сон. Обстановку разрядила Ковалева. Ее, как оказалось, новый облик бывшего крестьянина ничуть не испугал. Светка даже нашла его забавным!

– Хороши же Вы теперь, Дормидонт Ильич, – хихикнула моя подружка. – Настоящий красавец! А чего это Вам вздумалось за нами бегать? Я, Ира, Сашок и Кирилл Владимирович – не цари и не бояре. Какая же конюху от такого общества может быть выгода?

Крестьянин огорченно вздохнул:

– От тебя, демоница озорная, уж подлинно – никакой. Ты только и годишься, что на проказы – пляски глупые устраивать, песни горланить да на крылах волшебницы неучтиво кататься. И подруга твоя речистая, и парнишка, и ты, оборотень черный, – все вы как только могли вредили нынче нашему роду. Кхо-кхо- кхо-о-о... Не дали мне, бедняку горькому, и семье моей несчастной к богатству и чести подвигнуться. Кха-кха-а-а... Один среди вас был добрый дух – полный и округлый отрок. Он спас меня от аспида ужасного, железом грохочущего. Схватил гада за шею, вынес из дома – и вся недолга! Недаром же Мурлышенька-красавица за ним следом побежала. А она знаете какая?

– Знаем-знаем, – отмахнулась я. – И умная, и верная, и воров отгоняющая, и вообще самая лучшая кошка на свете.

Дормидонт всплеснул плоскими лапами:

– Вот и припустил я за вами, нечистики, почти сразу как вы ушли – только рубаху да лапти поскорее натянул, чтобы не нахолодало мне по дороге, осень же стоит на дворе. Чаял я, что тот малец ждет вас где-нибудь поблизости – вот я с ним и встречусь! Да не сбылись мои надежды. И видом не видать здесь отрока чудесного – людского избавителя от чудищ поганых!

– А сами-то Вы кто? – усмехнулся Иноземцев. – Чем лучше змеи железной? И вообще, для чего Вам сдался наш Антоха? Он, конечно, без базара, – отрок чудесный, но...

– Ой, ребята, вы здесь! Как хорошо, что я вас нашел!

На полянку откуда-то слева выскочил Акимов. Рядом с Антоном – нога к ноге – неслась Мурлышенька. Добежав до нас, мальчишка со вздохом облегчения плюхнулся на свободный пенек. Кошка запрыгнула к пончику на колени. Повела носом, настороженно повернула голову к своему старому хозяину. Пончик, не замечая жабы-Дормидонта, взволнованно верещал:

– А я ждал-ждал на крыльце, пока вы выйдете – понял, что бесполезно. Тут еще кошечка мне: «Мяу!» – предупреждает, значит, что кто-то идет. Я – быстро с крыльца, за стеной дома притаился. Смотрю, Афанасий из дома выскакивает, как ошпаренный, а в руках у него – Жестокость. Пробежал он к забору, ка-ак размахнется – и ящерицу наружу вышвырнул! Та немного пыхнула огнем – видно было, как блеснуло за воротами – поднялась метра на три от земли и унеслась куда-то по воздуху. Пацан руки отряхнул, сплюнул – да тут же опять на крыльцо! Я кое-как успел пригнуться, чтобы он меня не увидел. Ну, Афоня в дом забежал, а я думаю: надо поскорее отсюда линять, чтобы вас опять не подвести. Свистнул Мурлышеньке, и пошли мы с ней по селу шататься. Пока, думаю, друзей жду, поглазею по сторонам, рассмотрю хорошенько настоящий царский дворец – когда и где еще такое увидишь? И что вы думаете? Как только я его начал обходить, из-за угла выскакивает Ленчик и орет:

– Савва Романович, идите сюда! Вот он, дезертир Тоха! – и ко мне.

Уже и руки вытянул, чтобы меня поймать. Я хоть от шефа и ломанулся сразу! Но не убежал бы, конечно, – сами знаете, какие у Шуки ноги длинные. Мурлышенька меня спасла – бросилась навстречу Ленчику и, кажется, поцарапала его. Во всяком случае, завыл он как резанный. Потом, слышу, страус командует:

– Взво-од, справа заходи! А я проведу разведку от лужайки. Надо возвращать вашего товарища в строй, чтобы он вконец не избаловался! Ишь, бездельник, и от группы Кирилла Владимировича отбил, и к нам не вернулся. Приказываю: редкой цепью – вперед!

– Да уж понятно, что редкой, – фыркнула Ковалева, – откуда ей частой-то быть? С двумя новобранцами – Ленькой да Пашкой?

– Да, хорошо, что их так мало вместе с прапорщиком, – поежился Антон. – Я и кошечка сразу дунули от дворца подальше, вот нас и не сцапали. А теперь, если прапорщиков взвод сюда пришкандыбает, с меня взятки гладки – я нахожусь под началом Кирилла Владимировича. Вы ведь не будете возражать, да?

Акимов посмотрел на скворца. Тот отрицательно покачал головой. Мальчишка радостно выдохнул и стал осматриваться. Увидев в нескольких шагах от себя умильно сложившего перед собой лапы будущего купца, вскочил с пенька. Свалившаяся на землю кошка заворчала. Антошка вытянул руку вперед, ткнул пальцем в человека-жабу и прошептал:

– Эт-то кто?

– Перед тобой, Антон, Дормидонт Ильич, – спокойно ответил пончику скворец.

– А п-почему он т-такой безобразный?

– Потому что главу семейства, мой юный друг, обуяла Жадность. Она поглотила несчастного человека целиком, без остатка.

– Но как это могло произойти? – расстроился мальчишка. – Я же видел с печки: жаба отстала от Дормидонта Ильича, вернулась в ведро. Да потом ее еще Страх сверху накрыл!

– Как вернулась, так и опять из ведерка вылезла, и в конце концов сожрала скрягу, – объяснила я. – Не надо было ей в глаза заглядывать и от алчности корячиться!

– Ты, демоница глупая, незнамо что болтаешь и духу доброму на меня клеветишь, – с обидой возразил селянин, вглядываясь в меня. – Я только и хочу, что взять свое, мне по справедливости положенное, но отчего-то в руки не дающееся. Хотя нет, знаю отчего: враги у несчастного Дормидонки все отнимают! Сначала вон соседский мальчишка, сегодня ночью – вы, бесенята егозливые. И вот дожил я, считай, почти до седины, а как был бедняком прегорьким, так и остался. О-о-ой, неужто и в землю скоро лягу в холщовой рубахе, кои одни с малолетства лишь и ношу? А шелковых-то одежд я даже в руках не держал никогда! Помогите мне, молю тебя, маленький доброхот! Э-э-э...

К нашему удивлению, Дормидонт зарыдал и протянул растопыренные лапы к Акимову. Антошка попятился:

– А я-то здесь при чем? У меня нет шелковой рубашки, а то бы я ее Вам, конечно, подарил. Жалко, что ли, для человека, если он так плачет – да еще внутри жабы, как в тюрьме, сидит?

Крестьянин покачал головой:

– Вот и ты, чудесное дитя, вслед за этими чертенятами меня, божье творение с душой бессмертной, жабой называешь. Лучше скажи от чистого сердца: готов ли ты, отрок, змей укрощающий, оказать помощь мне, человеку бездолному? Ведь тебе это ничего не стоит! А я! – я, как ты прикажешь, от всего отрекусь, все отдам, лишь бы богатым быть!

– Да какую помощь-то? – изумился пончик. – О чем Вы говорите?

Кошка, до сих пор стоявшая в отдалении, подбежала к Акимову, встала у его правой ноги и сердито зашипела на Дормидонта. Крестьянин взвыл:

– Мурлышенька, родная моя! Ты-то почему на меня восстаешь? Рази не любил я тебя, не кормил, не холил, как вельми редкий хозяин домашнюю скотину обихаживает?

– Не удивляйтесь, Дор-рмидонт Ильич, – проскрипел скворец. – Пр-росто Мур-рлышенька ясно видит, что Вы тепер-рь – совсем не тот человек, котор-рого она любила и уважала. Скажу больше: она *знает*, что ее бывший хозяин сейчас собир-раетесь сделать, и осуждает его за это, и даже жалеет о том, что дома защищала его от змеи. Ведь Вы, несмотря на ее храбрые усилия, все же поддались чудовищу – пусть и др-ругому – но не менее стр-рашному! Кошки – мудр-рые и чувствительные животные. Мур-рлышенька отчетливо понимает, что пр-

режней счастливой жизни Вашей семьи – а значит, и ее тоже – пр-ришел конец. И случилось это по собственной воле Дормидонта Ильича!

Крестьянин топнул ногой, обутой в огромный лапоть:

– Тварь неблагодарная! Ишь чего, судить меня вздумала! Но сейчас не время с тобой разбираться. Как бы нужный час не упустить. Чую я, он вот-вот настанет, а мы с тобой, добрый дух, пока еще не на верном месте. Идем скорее! Тут недалеко болотце есть, образовалось лет пять назад после большого разлива Яузы. Там и поговорим. Молю тебя, не медли!

И человек-жаба, странно подскакивая, заспешил к выходу из рощи. Акимов повернулся к скворцу:

– Кирилл Владимирович, посоветуйте, что мне делать. Не могу понять, куда и зачем Дормидонт Ильич меня зовет. И еще: он сейчас был груб с Мурлышенькой, которая за его душу с Завистью воевала! Это мне совсем не нравится! Но, с другой стороны, человек вроде бы помощи просит. Как отказать?

– Иди с ним, Антон, – кивнула птица. – Вам с кошкой ничто плохое не грозит, можешь мне поверить. А вот для того, чтобы ты смог разобраться в самом себе, это будет весьма поучительный разговор.

– Не бойся, Антоха, ты не будешь с ним один на один. Мы за вами пойдем и не дадим скупердюю нашего товарища обидеть, – пообещал Сашка.

Акимов коротко выдохнул и вместе с Мурлышенькой побежал за Дормидонтом. Мы немного подождали, пока они скроются за березами, и двинулись следом. Скворец сидел на плече у Светки. Серебряные бабочки опять показывали нам дорогу. Лесок скоро кончился. Впереди расстилалась низина с несколькими чахлыми деревьями. Ковалева повертела головой и сказала:

– Кажется, я знаю, куда мы идем. Видите, вон там справа кустов много и вода блестит? Это, наверное, и есть болотце, о котором вещал жадюга. Вот только зачем оно ему сдалось, непонятно? Будто нельзя было на прежнем месте Антону свою просьбу выложить! И вообще: как наш пончик сумеет помочь человеку-жабе занять кучу денег? Смехота!

Мне показалось, что скворец на плече моей подружки чуть слышно вздохнул. Светка не ошиблась в направлении движения: бабочки летели именно туда. Устало путаясь ногами в сухой траве, мы наконец добрались до болота и притаились за кустами. Впереди, у самой кромки воды, послышался возмущенный голос главы семейства:

– Ты не прикидывайся, не прикидывайся светлым серафимом! Ишь, не знает он, зачем мы сюда пришли!

– Но я, Дормидонт Ильич, и правда не могу просечь, чего Вам надо, – уныло отвечал Антошка.

Впереди меня две пожелтевшие ивы лишь чуть-чуть смыкались между собой. Я осторожно развела ветви и посмотрела в образовавшееся «окно». Светка и Сашка сблизили свои головы с моей и сделали то же самое. На мерцающей поверхности болота были смутно видны два силуэта в профиль: сгорбленный губастый – крестьянина и кругленький – Акимова.

– Почему-то кошки рядом с ними нет, – шепотом заметила я.

– Противно ей находиться рядом с квакухой, – предположил Иноземцев. – Тем более, если жаба – еще недавно любимый киской хозяин, ставший сквальгой.

– Значит, никто сейчас пончика от жмота не охраняет, – озабоченно протянула Ковалева. – Придется нам подойти к ним ближе, а то мало ли что.

Это было резонно. Наша троица, вместе со скворцом, стараясь не шуметь, полезла вперед сквозь ивовые заросли. Но, похоже, мы зря опасались стать обнаруженными: Акимову и Дормидонту было абсолютно не до нас, они спорили!

– Ты что, малец, не веришь мне?! – вопил крестьянин. – Думаешь, я по недомыслию затеял договор с тобой заключать? И вот сейчас, будто бы, испугаюсь греха неотмолимого и сбегу отсюда?

Антон махал руками:

– Какой договор? Что еще за грех неотмолимый? Вы, наверное, не в своем уме, да?!

– Смотри-и же, глупый неве-эра! – проблеяла жаба, вдруг сильно раздавшись в рост и ширину.

Фигура будущего купца совершенно пропала в огромном пузыре, чуть отсвечивающим желто-зеленым в лучах звезд. О, кажется, их стало больше, и сияют они еще ярче – небо усыпано блестящими точками, словно драгоценными камнями. Какая красота!

– Кирилл Владимирович, что это он делает? – потрясенно спросила рядом со мной Ковалева. – Может, Дормидонт и правда спятил?!

Я взглянула: ну и дела! Квакуха зачем-то рвала с себя ремень, опоясывающий рубаху. Ремень не поддавался – где ж его так просто не расстегнешь перепончатыми лапами! Жаба нетерпеливо квакала. Наконец кожаный поясок лег на землю. Земноводное принялось стаскивать рубашку.

– Э-э-э, Дормидонт Ильич, – хихикнул Антошка. – Вы решили поплавать? Я уважаю, конечно, Вашу закалку – но ведь уже осень. Вода, наверное, холоднющая – ух!

Скакуха бросила наземь рубаху. Лихо притопнув, скинула лапти и потянула с себя вниз штаны.

– Послушайте, уважаемый хлебобоб, – забеспокоился Акимов. – Может, не стоит совсем-то заголяться? А если сюда девочки придут? Они ваче-то собирались, вместе с Земой и Кириллом Владимировичем! Неприлично же получится, Дормидонт Ильич! Верю я, верю, что Вы – крутой Супермен. В ледяном болоте запростяк купаетесь, как я дома в ванне. Эй, а это зачем?!

Жаба выворачивала наизнанку снятую одежду и вновь напяливала ее на себя. Вот земноводное, кряхтя, подняло с земли лапти, повертело их так и сяк. И надело: правый лапоть – на левую ногу, левый – на правую. Хлопнуло себя по лбу:

– О-о-ой, как же я забыл-то, бестолко-о-овый!

Дормидонт торопливо стянул один лапоть. Полез за пазуху, вытащил наружу нательный крест – он ярко блеснул в свете звезд. Потом человек-жаба зачем-то переложил крест из правой лапы в левую и, наклонившись, сунул его в лапоть. Довольно ухнув, снова обулся. Подошел вплотную к Акимову.

– Кирилл Владимирович, – в тревоге прошептала я, – что все это значит?

– Скоро поймешь, Ирина, – вздохнул скворец. – Потерпи еще немного. И даю слово: то, что произойдет, тебя не обрадует.

– Коа-акс, коа-акс! – будущий купец схватился за голову. – Остоло-оп я, дурбень-сторо-осовый! Полага-ается ведь еще встать на перевернутую ико-ону. Я ить ее из киота-то выынул, обернул в холсти-инку. А потом заспеши-ил – как бы вас, бесеня-ат, из виду не упустить! – и под руба-аху сунуть запа-амятовал. Так на столе святой образ и оста-авил, рохля парши-ивый!

Антошка оторопело попятился:

– Да зачем мне икона-то Ваша? Оставьте ее себе и молитесь на здоровье.

– Не сме-эйся надо мной, несча-астным, дух предобрый! Думаешь, мне невдоме-ок, что тогда наш договор настоящей си-илы иметь не будет? Ох, прости мне, скудоу-умному, промах ненамеренный!

Жаба, шлепая губами, упала на колени перед Акимовым. Тот отпрыгнул назад, повернулся и хотел бежать от полоумного Дормидонта. Новоиспеченный конюх схватил мальчишку за пиджак и заквакал:

– Не оста-авь меня милостью своей, чудный о-отрок! Исполни мою про-осьбу пренизкую. Несмотря на то, что сплхова-ал я, не осердись на недотепу бестолко-ового. Договорись со мною по-че-эстному, без обма-ана.

– О чем?! Пустите меня, Дормидонт Ильич! – отчаянно вырывался Антошка.

– Ты не сомнева-айся, малец. Я гото-ов.

– К чему?!

Жаба выпустила из лапы полу Акимовского пиджака, встала на ноги. Оглянувшись по сторонам, пробормотала:

– Где здесь за-апад-то? Никак не могу смики-итить. Ага, Потешный городок стоит там, получается – к востоку от дворца. Значит, мне в противополо-ожную сто-орону повернуться на-адо. Смотри же и слу-ушай, дьяволенок недове-эрчивый!

Колыхнувшись водянистой тушей, Дормидонт старательно выпрямился. Из его глаз вылетели пучки желтых искр. «Прожекторы» селянин направил в лицо Акимову. Тот поспешно отвернулся. Дормидонт молитвенно сложил перед собой руки и заголосил:

– Стою перед тобой, духом ада, я, раб Божий Дормидонт. Реку тебе в тверезом уме и твердой памяти: отрекаюсь я от Бога-Вседержителя, от святой нашей православной церкви...

– Что Вы несете, Дормидонт Ильич?! – изумился Акимов, взглянув прямо в горящие жабыи зенки. – Разве в 17 веке можно такое вслух говорить, хотя бы Вы и были атеистом? Услышит сейчас кто-нибудь случайно, и тогда Вам несдобровать!

– А хоть и услышат, мне на это наплевать! – возопил глава семейства. – Я ведь вот-вот, сей же миг, богатым сделаюсь, лишь только положенные слова до конца произнесу! Тогда на меня и донести-то побоятся. А если понадобится, я и судей, и писцов всех куплю и безвинным голубем в глазах людских останусь! Как известно, с сильным не борись, с богатым не судись. Знаю, испытываешь ты, бесенок, крепок ли я в принятом решении? Так убедись, нечистый дух! Стало быть, отрекаюсь я, окромя Бога и церкви, от рода своего бездельного и семьи своей пустоголовой да блаженной...

– Остановитесь, Дормидонт Ильич, прошу Вас, – хрипло сказал Акимов, вытянув руку к осатаневшему от жадности крестьянину и отгораживаясь от него поднятой ладонью.

Откуда-то справа, почти из-под наших ног, выскочила Мурлышенька и бросилась к Дормидонту. Добежав до хозяина, кошка с визгом прыгнула прямо в его жабыю морду. Вцепившись в огромный рот земноводного, принялась передними и задними ногами закрывать его. Бах! – из пасти земноводного вылетел длинный язык. Он отбросил зверька на несколько метров вперед. Мурлышенька, взыв, упала на какой-то куст и закачалась на его вершине.

– Как я о тебе-то забы-ыл, скотина неблагода-арная? – проквокал Дормидонт. – От тебя тоже отрека-аюсь, поелику понял: животинка ты в хозяйстве бесполе-эзная. Ни мя-аса от тебя, ни пера-а, ни яиц, ни молока-а. Зачем тогда, спра-ашивается, и держать в доме тебя, дармое-эдку?

Кошка спрыгнула на землю, с достоинством подошла к Антону и встала у его ноги.

– Вот-во-от, – продребезжала жаба. – Как только мы сейчас с бесе-онышем договор подмахне-ом, отправляйся вместе с ним прямо в а-ад, в геенну о-огненную!

– Никакого договора у Вас со мной не будет! – крикнул Акимов. – Вы только что отказались от своей семьи – а чем она перед Вами виновата? А еще отреклись от Мурлышеньки – лучшей кошки на свете! Я после этого и знать Вас не хочу, не то что договариваться о чем-то. Будьте же человеком, возьмите свои слова обратно! Не предавайте тех, кто Вас любит!

– То ись как не будет? – заволновался Дормидонт. – Я же все сделал: от благ духовных отказался, что вслух и заявил! Давай мне за это в обмен три... Нет, пять. Нет, семь мешков золота. Да, бессмертную душу свою я тоже тебе отдаю без возражения. Надо о сем деле бумагу подмахнуть, но это уж по твоей части. Я неграмотный, бумаги и перьев у меня в доме отродясь

не было. А крови на подпись я сей же час добуду, нож с собой захватил, когда сюда побежал. Ты только сначала грамотку-то накарябай, а то что ж я буду понапрасну рудой истекать?

– Истекайте Вы там себе чем хотите, – рассердился Антон, – а от меня отстаньте. Нет у меня золота. И если б и было, я не дал бы его Вам, жмоту зеленому! И куда, интересно, ребята запропалились? Обещали прийти и где-то провалились. Но ничего, я их сам найду. Двигаем, Мурлышенька!

Дормидонт шагнул вперед и схватил мальчишку за шиворот:

– Коас, коакс, коакс! От меня не ускользне-ошь! Коли ты черте-онок, значит, должен свои обя-азанности справлять, и на этом то-очка.

В воздухе просвистел большой пучок каких-то растений – кажется, это были камыши – и влетел в рот жабы, забив его до отказа. Дормидонт крикнул, заморгал и начал шумно плевать.

– Да какой я Вам чертенок? Хватит уже нести лабуду, – Акимов, пинаясь, старался вырваться из жабьих лап. – Протрите свои желтые гляделки! Я мальчик, учусь в пятом классе, а не грешников в аду поджариваю, как Вы считаете!

– А ну-ха, дай похмотреть полухше, – еле ворочающимся языком забормотал Дормидонт. Он уже почти освободился от камышинок. – Тьфу, напасть окаянная, откуда только она взялась у меня во рту?

– Это Вас Нелживия наказывает, – Акимов рванулся изо всех сил, но человек-жаба не выпустил пончикова воротника – наоборот, крепче сжал его пупырчатými лапами, – за наглое вранье. Нелживия – справедливая страна, она обмана не допускает, так и знайте!

– Что еще за Нелживия такая? – пытело земноводное, поворачивая перед собой в разные стороны Антона. – Не слыхал я о подобной стране. Да стой же смирно! Неужто я обознался и ты – не демон? Неужто?!... Взгляну-ка я на отрока поближе. Ошибки нет! Все у отрока на должном месте – как сам я от стариков в пору малолетства слыхал. А ну, оголец, отвечай мне искренно! Ты – молодой человек, безбородый, красивый. Верно?

– Мг-мм, – растерялся Акимов. – Ну, в общем, да.

– Явился ты ночью, когда православным отрокам строго-наскоро спать положено. Предстал посреди мира земного в грозу, – стало быть, при падении на нас с небес гнева Господня. Да еще не один из преисподней вылез, а вместе с другими демонами и с черным оборотнем. Одежа на тебе странная. Ни люди московские, ни даже немцы таковую не носят. Правильно?

– Правильно, – согласился Акимов. – Но ведь мы в своем 21 веке тоже иначе, чем вы, одеваемся.

– Не пойму я, что ты там мелешь. По мне, так все мы живем в век царствования царевны-государыни Софьи Алексеевны. Дальше. Пришедший к человеку дьявол – обязательно бесшабашный, то есть смелый просто до удивительной крайности юноша. И правда, чего ему бояться? Власти земные над темным духом силы не имеют, в застенок его не потащат. А если кто и вздумает это сделать, дьявол раз – и вырвется из его рук, и к себе в ад упорхнет. Ищи его! Ты вот, чудесный отрок, таков и есть: железного змия не испугался, взял да и выволок его из дома, аки старую веревку. Разве человеку подобное под силу? Отвечай!

– Под силу, – ехидно ответил Антошка, – когда он другого человека спасает, а не о мешках с золотом думает, понятно?

– Э, не болтай чепухи! – гневно заколыхалось земноводное. – Как можно о деньгах не думать, коли их у меня нет? Теперь еще что? Ага, взор горящий, пронзительный! Это у тебя, демон, имеется в лучшем виде – вон как ты на меня глазами сверкаешь, будто в ярости бесовской пожрать Дормидонта Ильича готов сей же миг!

– Больно надо жабами питаться. Я пельмени люблю и сметану деревенскую, – проворчал Акимов.

– Ты мне глаза-то не отводи, не на такового напал! Силы адовы, вашей чертячьей шайке помощники, в нынешнюю ночь чуть меня заживо не сглодали. Добром прошу: пиши, как положено, договор. Я его подмахну, ты мне золото выдашь. И распроцаемся мы до самой моей земной смертушки – тогда уж, знамо дело, ты опять прилетишь – за грешной душой Дормидонта Ильича. Но это еще когда будет! А до тех пор поживу я всласть – сытым, пьяным да важным. Живо доставай бумагу и перо, пока я тебя, упрянца, в болото не опустил! А здесь трясина знатная, глубокая. Тебе из нее нипочем не выбраться. Шевелись, нечистик, ну!

Антон в ответ быстро повернул голову и укусил жабу за бугорчатую лапу. Та взвизгнула, схватила Антона под мышки, вздернула вверх и поволокла к воде. Мурлышенька, до сих пор молча сидевшая у ног Акимова, замыкала и побежала следом.

– Пора, ребята! – каркнул Кирилл Владимирович. – Заступитесь за товарища, спасите его от смерти!

Мы вывалились из-за кустов, подлетели к Дормидонту, который успел к этому времени до колен затолкать Акимова в болотную жижу. Не сомневайтесь, Мурлышенька была уже на месте! Кошка стояла на задних лапах и, рыча, рвала когтями толстый зад обнаглевшего земноводного. Штаны и подол рубахи будущего купца были расплосованы в клочья, на отрепьях проступила кровь. Жаба ухала от боли, но своего занятия не оставляла. Антон, как мог, отталкивал от себя ее лапы и лез на берег. Но силы были, конечно, неравны: мальчишка не смог бы долго противостоять взрослому мужчине, хотя и обтянутому зеленой кожей! Так что мы прибыли очень вовремя. Скворец, по своему обыкновению, сел земноводному на голову, прямо между желтых глаз, и начал долбить клювом выпуклый жабий лоб. Ну и треск пошел над болотом! Представьте, даже закрякали неподалеку в камышах потревоженные утки! Саня повис на одной скакухиной лапе, мы со Светкой – на другой. Под тяжестью троих «бесенят» Дормидонт сел на землю и возмущенно заквикал, выпустив пончика. Кошка отскочила назад и победно взревела. Мы оставили жабу кричать дальше, а сами протянули руки Антону, уже погрузившемуся в трясину почти по пояс. Несколько дружных рывков – и Акимов был на берегу! Мальчишка еле успел отпрыгнуть от Дормидонта, снова протянувшего к нему жадные лапы.

– Коа-акс! Врешь, не уйде-ошь! – булькала жаба. – Сначала де-энежки отдай, а потом лети-и куда тебе надо – хоть за моря-окия-аны, хоть в геену о-огненную! Вот я тебе сейчас голове-онку-то упрямую сверну-у, чтоб знал напере-од, как от договоров отка-азываться! О-о-о, прокля-атый о-оборотень, опять он меня клюе-от прежесто-око!

Скворец, в последний раз звонко ударив земноводное в лоб, взлетел с жабьей головы и сел Антону на плечо.

– Дор-рмидонт Ильич, – строго сказала птица, – р-разве Вы до сих пор-р не поняли, что из Вашей затеи ничего не выйдет? Несмотря-ря на свое пр-редательство веры и семьи, золота Вы не получите. И Антона мы в обиду скопидому больше не дадим. Так что отпр-равляйтесь отсюда восвояси, пока не поздно. И помните, что Вы все-таки – человек!

Желтые зенки скряги радостно блеснули:

– Ты пра-ав, оборотень! Хоть вы, адские выкормыши, вместе меня осилили, дело еще не кончено. Эх, не надо мне было с нечистиками связываться. Человеку надо ить на человека и надеяться. Ничего! Хоть небольшие деньги – да будут сегодня, может, и мои. Взбрыкнул нынче Афонька, посмел со мною, отцом, дерзновенно спорить! Но теперь-то, наверное, одумался, паршивец. Не безголовый же он вовсе, чтобы из-за красных словес явную выгоду из рук выпустить. Прощевайте, демоны пустомельные, на одни лишь козни только и годные. Счастливо, так сказать, оставаться! Побегу-ка я скорееича в другое место – богатое да доходное. Что здесь с вами попусту лясы точить? Глядишь, и не поспеешь к нужному-то часу!

Дормидонт заливисто квакнул, встряхнулся и затрусил от нас на задних лапах влево по берегу болота.

– Куда он посквозил? – недоуменно спросил Иноземцев. – Что еще за богатое место жмот придумал?

– Да разве дело в этом?! – закричала Светка. – Ну, при чем здесь, Санек, *куда?* Главное – *каким* он прилетит в то самое место! А я знаю каким: жадным, подлым, диким типом, не думающим ни о чем, кроме денег. Вы представляете, сколько горя он принесет своей семье – и не только ей, а еще многим людям? У Дормидонта же сейчас вместо глаз – золотые монеты, которые он так хочет поскорее загрести, причем любым путем. А мы – мы не смогли помочь несчастному. Отдали человека Жадности. Взяли и отдали, не поняв, что она его продолжает подстерегать. Где была моя голова?! Почему я такая тупая?!

Светка всхлипнула. Мне тоже захотелось плакать. В самом деле: мы очень старались спасти Дормидонтово семейство от чудовищ – и почти добились желанной цели. Но жаба нас все-таки обскакала, проглотила наивного крестьянина – и до чего отвратительный тип из него получился! Да, как ни крути, а наши усилия пошли прахом.

– Не печальтесь, сударыни, – пророкотал Кирилл Владимирович. – Вы вместе с Александром и Антоном трудились не напрасно. Я ведь уже говорил, что из четырех сестер самая гадкая и опасная – Ложь. А от нее – вкупе с Завистью и Жестокостью – спасено сейчас немалое семейство Дормидонта Ильича. Да, этим людям предстоят тяжелые испытания. Но надежда на лучшее всегда остается, можете поверить старой птице!

– Что с ними будет, Кирилл Владимирович? – робко спросил Антошка. – Расскажите, пожалуйста.

– Дормидонт Ильич скоро станет одним из лучших конюхов в хозяйстве Преображенского дворца, через год дослужится до звания старшего. Самостоятельно выучится грамоте и счету. Путем строжайшей экономии, за счет полуголодного существования своих домашних, станет копить деньги на занятие торговлей. В его доме не будет больше иных интересов и разговоров, кроме как о будущих барышах. Афанасий, послужив сначала фузилером, будет переведен молодым царем в бомбардиры – за прилежание и особые способности к воинскому делу. Позже Петр Алексеевич не раз еще отметит таланты Афанасия – и похвалами перед строем, и денежными наградами.

В значительной мере благодаря этим щедрым дарам – а Афанасий все получаемые на службе деньги отдавал отцу – средства на суконную торговлю скоро были накоплены. Оставалось еще получить разрешение от государя на открытие купеческого дела. Однажды, начиная вместе с Петром Алексеевичем бомбы для стрельбы из мортир, – а царь любил делать это самолично – Афанасий, уловив удобную минуту, бил ему челом, прося позволить Дормидонту Ильичу перейти из конюшенного звания в купеческое. Петр Алексеевич улыбнулся и похлопал своего бомбардира по плечу. Разрешение было дано. Глава семейства закупил разнообразные ткани, открыл лавку – сначала в Преображенском, а потом и в Москве, на Красной площади, в Суконном ряду. Дело пошло весьма успешно, Дормидонт Ильич быстро разбогател. Правда, Аграфена Михайловна не увидела торгового расцвета своего супруга. Она к этому времени уже отошла в мир иной, не пережив нищего существования и скарденных попреков Дормидонта Ильича за каждый кусок хлеба. А также, увы, женщина не вынесла ужасных истязаний, которые ей пришлось терпеть от мужа. Глава семейства называл любые расходы по хозяйству «несбережением» и бил за них супругу смертным боем – потому что, мои юные друзья, вслед за Жадностью в людях часто поселяется Жестокость. Вот и к Дормидонту Ильичу вернулась когтистая алая ящерица. А потом его вновь посетила – и, к сожалению, осталась жить в новом купеческом доме железная Зависть. Она тоже решила поддержать жабу на пути приобщения торговца к человеческим порокам. Это оказалось для змеи довольно просто: новоявленному члену Гостиной сотни постоянно казалось, что и товар у соседей лучше, чем у него, и покупателей у них больше, и, соответственно, доходы выше. Но теперь сестры действовали хитрее: они *всегда* сохраняли полную невидимость и для Дормидонта Ильича, и для окружающих его

людей. Конечно, мы с вами, друзья, обязательно заметили бы их и не оставили бы потерявшего себя человека без помощи. Но, к сожалению, ни вас, ни меня уже не будет в Москве на переломе 17 и 18 веков.

Одна только Ложь так и не показалась Дормидонту Ильичу на глаза – закопанная Александром у забора в спичечном коробке, стрекоза сумела освободиться из заточения очень нескоро, лет через десять, когда фанерные стенки ее камеры окончательно сгнили от талой воды и дождей. К тому времени слава главы семейства – как чуть ли не самого честного и неподкупного купца во всей Москве – достигла огромной высоты. Ложь подумала-подумала и решила не рисковать больше своей свободой, поэтому оставила Дормидонта Ильича в покое.

– А как же Афанасий? – спросил Иноземцев. – Получился из него классный артиллерист?

– Да, Александр. Петр Алексеевич был очень доволен успехами юноши в мортирном деле, его старанием, упорными трудами в достижении наиболее точной стрельбы. Надо сказать, что сама бомбардирская сотня, собранная юным царем, была поначалу еще не артиллерийской командой, а, так сказать, его походным двором. Молодые люди стали приближенными государя в потешных играх. Позже бомбардиры стали совершать вместе с возмужавшим Петром Алексеевичем учебные походы, а потом и далекие путешествия – например, в Архангельск, по Белому морю. В числе молодых спутников царя был, разумеется, и Афанасий.

– Что с ним случилось потом? Бомбардир прославился в сражениях? – в голосе Сашки явно слышалось нетерпение.

– К сожалению, Афанасий погиб во время первого Азовского похода Петра Первого. Русское войско осадило турецкую крепость. Царь сам командовал обстрелом двух каменных башен, расположенных несколько выше Азова, по обоим берегам Днепра. Их требовалось срочно занять. Русская артиллерия действовала успешно, но и неприятель не дремал. На каланчах турки установили пушки, которые надежно простреливали все окружающее пространство, не давая войскам Петра подойти ближе. Прилетевшим шальным ядром был убит Афанасий Дормидонтович, опытный и талантливый артиллерист.

– А башни?! Их взяли? – сдерживая слезы, спросил Иноземцев.

– Да, одну за другой. Четырнадцатого и шестнадцатого июля 1695 года русским удалось занять обе каланчи. Это и стало главным успехом первого Азовского похода под предводительством Петра Первого.

– Вот, – мрачно сказала Светка, – из-за каких-то башен погиб красивый и смелый парень. И следа от него в веках, конечно, не осталось?

– Да, Светлана, об Афанасии Дормидонтовиче нет упоминаний ни в одном историческом документе. Но этот человек, поверь мне, не исчез бесследно в толщах времени. За три года до Азовского похода юноша женился на преображенской крестьяночке Марии, которой едва-едва исполнилось к тому моменту шестнадцать лет. Афанасий венчался с ней вопреки воле Дормидонта Ильича, желавшего, чтобы сын сочетался браком непременно с купеческой дочерью. Торговец не простил молодому человеку своеволия. И сказал Афоне: «Ничего из нажитых мною денег ты на обзаведение семейным хозяйством не получишь. Отдам вам, так и быть, наш старый деревенский дом – достаточно будет для неслушника с лапотной красавицей». И, действительно, светлолика, статна и добра была юная жена Афанасия Дормидонтовича – настоящая героиня русской сказки! Через год у супругов родился сынок Демидушка.

– Значит, когда погиб его отец, мальчику было только два годика? – всхлипнула Ковалева. – Он ведь, наверное, даже не успел запомнить своего папу, бедный малыш!

– Так оно, к сожалению, и вышло. Подраставший Демид знал об Афанасии Дормидонтовиче только по рассказам матери и, конечно, гордился им – одним из первых артиллеристов Петровской эпохи, безвременно павшим в бою с турками.

– А что случилось с Парашей? – спросила я. – И вообще, почему они оба с братом позволяли Дормидонту избивать их маму? Почему не заступались за несчастную женщину?

– Афанасий, состоя в команде бомбардиров, много дней проводил на службе. Разумеется, приходя домой на короткие побывки, он не разрешал отцу поднимать руку на мать. Но ведь ты понимаешь, Ирина, что в остальное время Дормидонта Ильича, снедаемого Жадностью и подстрекаемого Жестокостью, не останавливал никто. Параша могла только плакать, видя мучения своей мамушки, и на коленях умолять отца прекратить побои. Тот, разумеется, и не думал слушать дочь. Его сердце, угрызаемое ящерицей, все уменьшалось. В нем не оставалось места для любви и милосердия к близким. Когда же Аграфена Михайловна окончательно слегла – у измученной женщины были переломаны кости и отбиты внутренние органы – обязанности по ведению домашнего хозяйства и, самое главное, «сбережения по хозяйству» полностью легли на плечи девочки. А ведь ей и было-то всего неполных четырнадцать лет! Параша должна была ухаживать за умирающей матерью, работать в огороде, кормить птицу, доить корову, носить воду, топить печь, готовить, стирать, убирать, шить, ткать.

– Да еще и постоянно экономить, как требовал «добрый» папаша, – вставила Светка. – Девочка, наверное, ходила голодная, босая и оборванная. А Дормидонт ее, конечно, постоянно ругал...

– И бил не стесняясь, как перед этим Аграфену Михайловну, – зло продолжил Саня, – Так ведь, Кирилл Владимирович?

Птица вздохнула:

– Вы догадливы, мои дорогие друзья. Да, Параше в то время жилось горько. Но у нее еще оставались радости. Любовь матери, ее ласки, задушевные разговоры вдвоем, пока отец справлял свою службу в дворцовой конюшне, – все это наполняло дни девочки добром и светом. Через год, когда Аграфены Михайловны не стало и обрадованный Дормидонт Ильич заявил: «Ну, наконец-то одним ртом меньше!», Парашенька впала в отчаяние. Она ожесточилась, почти перестала выходить из дома. Суровые выговоры и попреки в расточительстве, которые она каждый день выслушивала от отца, девочка принимала равнодушно. Скрашивали теперь ее жизнь только долгожданные побывки брата – но и они становились все более редкими. Служба в «бомбардирах второй статьи» – требовала от Афанасия постоянного присутствия в Потешном городке, участия вместе с государем в артиллерийских упражнениях, маневрах, походах. А нет ничего страшнее для юной девушки, друга, как чувствовать себя нелюбимой и никому не нужной! Но тут судьба, кажется, улыбнулась Параше. Пойдя однажды в лавку за солью, затворница встретила того самого Фролку, сына кузнеца, которого недавно при вас Дормидонт Ильич подозревал в тайном проникновении в сени. Увидев на улице Парашу, Фрол – к тому времени уже статный семнадцатилетний парень – радостно подскочил к ней и выпалил: «Здравствуй, свет-Прасковья Дормидонтовна! Какой же ты красавицей стала!» Девушка вспыхнула и попыталась было обойти сына кузнеца стороной. Но Фрол, влюбленно глядя ей в глаза, прошептал: «Не бойся меня, душа-девица. Не враг я тебе и не охальник какой. Выходи лучше на закате за ворота. Дозволь мне хоть немного поговорить с тобой, полюбоваться на красу твою ненаглядную!» Сама не зная почему, Параша кивнула и бросилась бежать от парня по улице. Вечером состоялась их первая встреча. Скоро влюбленные не могли уже жить друг без друга. Их свидания продолжались целый год. Дормидонт Ильич, увлеченный стяжательством и начавший уже весьма прибыльно торговать сукнами, ни о чем не догадывался. Наконец однажды в мае, когда в Преображенском душисто зацвели сады, Фрол сказал Параше: «Жди, милая. Завтра приду с отцом тебя сватать. Невмоготу мне больше врозь с тобой, лебедушкой белой, жить. Батюшка мой, Назар Егорыч, не противится нашему браку. Он рад будет умелую хозяйку в дом взять. Так ты смотри, вечером принарядись и никуда не выходи. А я уж явиться не премину!»

– И что? – обрадованно спросила Ковалева. – Они поженились и жили счастливо?

– К сожалению, нет, Светлана. Дормидонт Ильич пришел в ярость и выгнал сватов. При этом новоявленный купец кричал на всю улицу, что не позволит всякой бедняцкой

рвани и близко подойти к своей дочери. Параша рыдала, умоляла отца выдать ее за Фрола. Но потерявший уже большую часть сердца Дормидонт Ильич был непреклонен. Попробовал было вступить за сестру пришедший на побывку Афанасий. «Замолчи, потатчик! – крикнул на него отец. – Я лучше знаю, какой ей муж нужен». Велел Параше собирать вещи. Девочка горестно покорилась: она поняла, что бесчувственный к страданиям дочери отец ни за что не позволит ей соединиться в браке с любимым человеком. Через неделю Дормидонт Ильич, закрыв лавку в Преображенском, вместе с Парашей переехал в Москву. Афанасий остался в селе: его каждодневно призывала к себе бомбардирская служба государю. Отец с дочерью поселились в наспех купленном домике. Дормидонт Ильич приобрел себе новую лавку на Красной площади и вновь начал торговлю сукнами. Потекли тоскливые дни. Параша ничего не могла с собой поделывать: как она ни старалась, а не могла забыть Фролку – красивого да ласкового. Прошел год после их с отцом переезда в стольный град. Однажды, придя вечером домой, Дормидонт Ильич заявил Параше: «Есть у меня один человек на примете – не чета Фролке худародному. Настоящий жених! И уж я позабочусь, чтобы вскорости все свершилось по моей воле, а не по девичьей блажи!» Осенью Парашу выдали замуж за сына обедневшего московского дворянина, подьячего Поместного приказа Тимофея Никитича Ярославского. Его прадед еще в середине 16 века получил земельный надел: знатник, согласно указу царя Ивана Грозного, вошел в число знаменитой «избранной тысячи» – наиболее преданных государю служилых дворян. С тех пор прошло больше ста лет, Ярославские по-прежнему владели своим поместьем. Но дела их шли хуже и хуже. Почему? По одной причине: представители этого рода отличались редкостной скупостью.

– Ну, тогда все ясно, – кивнула Ковалева. – Тимофей и Дормидонт были родственными душами и решили объединиться. Только несчастная Параша-то здесь при чем?! Ей ведь, кажется, всего пятнадцать лет на тот момент было?

– Да, по современным понятиям Параша была еще ребенком, но в 17 веке подобные браки считались обычным делом. Уж очень хотелось Дормидонту Ильичу породниться со знатными людьми! Момент для этого был благоприятный. Тимофей Никитич, вслед за отцом – упорным скрягой, продолжал разорять собственных крестьян, морить их голодом и назначать крепостным непомерные оброки. Оттого хлебопашцы бежали из его поместья год от года все более безудержно. Работников, таким образом, у дворянина уже почти не осталось. По этой причине значительная часть земель не обрабатывалась, зарастала бурьяном, и их пришлось продать. Доходы сильно упали, и Тимофей Никитич по настоянию своего отца пошел служить в Поместный приказ, чтобы, состоя его чиновником, вернуть себе утраченные надель, а самое главное – сыскать и возвратить в поместье беглых крепостных. К тому времени, как этот человек стал мужем Прасковьи Дормидонтовны, он был уже «поверстан» жалованьем – правда, небольшим: шесть рублей в год.

– Ну и жалованье! – засмеялся Акимов. – Это же ватще смешные деньги.

– Начинаящим подьячим тогда больше не платили, – пояснил скворец, – а первые несколько лет они работали в приказах вообще даром, за одни лишь приношения просителей. Но Тимофей Никитич, собственно, и не надеялся на доходы по службе. Он усиленно искал себе богатую невесту. Главное затруднение подьячего состояло в том, что боярышень и дворянок с большим приданым родители не спешили почему-то выдавать за него – человека родовитого и достойного. Пусть и бедного, но еще довольно молодого...

– А насколько молодого? – не утерпев, спросила я.

– Ярославскому не исполнилось и сорока, когда он женился на Параше.

– Уй! – протянула Ковалева. – Ничего себе жених предпенсионного возраста!

– Да, на прекрасного юношу он не был похож. С Дормидонтом Ильичом подьячий познакомился в лавке в Суконном ряду у Кремля, где предпочитал покупать себе атлас и тафту на верхнее платье. Приветливый хозяин заведения торговал честно, гнилых тканей не подсо-

вывал, покупателей не обсчитывал. Рад был почтительно потолковать со знатными людьми. От него Тимофей Никитич и узнал, что торг у купца идет хорошо, что Дормидонт Ильич открывает послезавтра уже третью лавку, что сынок его Афанасий – в милости у государя, что есть и дочь-невеста – красивая, кроткая и бережливая. Жадный подьячий заинтересовался услышанным. Обоюдовыгодное знакомство было продолжено. Скоро приказной служащий получил приглашение посетить новый дом купца в Замоскворечье и познакомиться с добронравной Прасковьей Дормидонтовной. В назначенный день гость явился. Учтиво поклонился молодой хозяйке, преподнес ей корзиночку заморских плодов, персиками называемых. И что же? Тучный, одышливый, с неприятно бегающими по сторонам глазами, Тимофей Никитич решительно не понравился Параше. Но отец заявил ей: хочешь-не хочешь, а это – твой будущий жених. Девочка несколько дней навзрыд плакала и не выходила из своей комнаты. Дормидонт Ильич, устав ждать, когда дочь покорится его воле, взял плеть и отстегал Парашу, приговаривая: «Я сказал, что ты станешь дворянкой – посему и быть! А как только твой муж себе пахотные земли и крепостных вернет – еще и помещицей. На розыск да хлопоты, знамо дело, деньги нужны – но тут уж я зятю помогу, отсыплю ему сколько надо. Зря, что ли, торговлишка моя день ото дня все в гору и в гору идет? Лишь бы нам, дочка, из бывших дворцовых крестьян в знать выбиться. А там уж я вашим поместьем сам поуправляю и уж, хе-хе, выгоду не упущу! Муж-то твой будущий и батюшка его, похоже, ничегошеньки в хозяйстве не понимают. Это же надо, разорить такое имение! Чую я, мои там руки нужны, чтоб поместье опять барыши приносить стало. Ну, да это все потом. А сейчас – нишкни, девка, и готовься к свадьбе. Тянуть не будем: к Покрову и обвенчаесть с Тимофеем-то Никитичем». Параша вскрикнула и упала в обморок. Стряпуха с прачкой еле отлили ее водой. С того дня девочка перестала плакать. Она замкнулась, ожесточилась. Вместе с надеждами на счастье Параша утратила и доброту, и веселость, и милосердие. Через месяц Тимофей Никитич посватался к ней. Согласие отца девушки было сразу же получено, согласия невесты никто не спрашивал. Параша, вместе с приглашенными помощницами, начала готовить себе приданое. Знали бы вы, какой она вдруг стала жадной и расчетливой! Упрямо поджав губы и глядя в пол с показным смирением, девушка каждый вечер, едва дождавшись отца с торга, требовала от него все новых и новых нарядов, скатертей, полотен и кружев. Дормидонт Ильич на этот раз отступил от своих обычных правил скопидомства и, посмеиваясь в бороду, приносил дочке то, что она просила. В глубине души купец пока еще боялся, что Параша, впав в отчаянье от пожилого толстого жениха, сделает что-нибудь над собой – в окно, скажем, выкинется или в реке утопится – или что там еще случается у этих заполошных глупых девок? Потому торговец не жалел денег, исполняя желания дочери. Да и грех было отказать в хорошем приданом, выдавая Парашу за дворянина! С девушкой случилось странное превращение: она больше не думала ни о любви, ни о радости супружества, ни о милых детках, которые, конечно, должны будут у нее родиться. Нареченную невесту интересовали только кованые сундуки, ежедневно вновь и вновь набиваемые тканями, посудой, одеждой, мехами. Она без устали, с радостной улыбкой, перебирала накопленное к свадьбе добро и заставляла девушек-рукодельниц все быстрее и быстрее шить, ткать, пряхть, вязать. Наконец, она отказала им вообще в каком-либо отдыхе и посадила мастериц работать по ночам, при лучине. Войдя однажды утром в светлицу, хозяйка обнаружила, что измученные девушки спят, положив головы на недоконченные работы. Параша больно прибила провинившихся и в наказание морила их голодом весь день, до вечера. Дело в том, что зерна пороков, посеянные в ее душе дурным примером отца, дали наконец страшные всходы.

– Да еще у них дома постоянно обитали жаба и ящерица! – крикнула я.

– Конечно, чудовища, сжирающие торговца, с удовольствием приняли и за девочку. А через несколько месяцев, когда после Покрова была сыграна свадьба, вслед за новоявленной дворянкой в дом ее мужа отправились уже и собственные, Парашины, Жадность и Жестокость. Впрочем, и вскоре обретенная Дормидонтом Ильичом Зависть, всюду следовавшая за ним,

тоже любила посещать вместе с купцом зятя и дочь. Спрятавшись у ног купца за обеденным столом в дворянском доме, змея иногда высовывала из-под скатерти голову, чтобы с удовольствием посмотреть на Парашу, внесшую очередное блюдо. Железная гадина легко угадывала мысли хозяйки. Например, такие: «Ах, почему у боярыни Квашниной белые лошадки – как есть, лебеди! – в возок впряжены, а у меня кони пегие, некрасивые!» Рептилия с аппетитом облизывалась, зная: скоро она, как и положено семейной Зависти, раздвоится и станет пожирать печень не только самого торговца, но и его дочери. Так оно и вышло. Параша накрепко подружилась с тремя отвратительными сестрами. Уже через несколько лет супруга Тимофея Никитича слыла чуть ли не самой скупой, жестокой, самоуправной и злопамятной подьячихой во всем Китай-городе, где жили приказные. Она никогда не подавала милостыню нищим, была плеткой работников, сама вела хозяйственные книги в доме – ради этого даже выучилась грамоте и счету. Не платила условленного жалованья прислуге, выгоняла ее на улицу с криками: «Ишь чего, денег им подавай! И так, без оплаты, хороши будете! За честь почитайте и даром нам, дворянам, служить!» Прасковья Дормидонтовна никому, ни при каких обстоятельствах не прощала обид – и умела примерно отомстить своим врагам. Например, однажды она посчитала, что дьячиха Коробова не должна сметь носить на пальце яхонтовый перстень дивной красоты: коли такого нет у подьячихи Ярославской, то и дьячихе он ни к чему. И однажды зимой, возвращаясь из церкви от вечерни, блесколюбивая Коробова была злодейски ограблена на улице. Неизвестные тати, пользуясь наступившей темнотой, напали на нее, сняли с дьячихи лисью шубу, сорвали и затоптали в снег платок – а это ли не ужасное бесчестье для замужней женщины? Мало того: угрозами заставили разуться, и несчастной пришлось потом добираться домой по морозу босиком. А ее новые сафьянные сапожки на меху разбойники унесли! Но самое главное: Коробова в суматохе и не заметила, когда лишилась драгоценного перстня, доставшегося ей в приданое от матери. И ведь непонятно, как сумели те грабители пробраться в Китай-город, обнесенный каменной стеной с башнями-воротами, неусыпно охраняемыми стражей?! И как они выбрались назад с добычей – на крыльях, что ли, стену перелетели? Татей искали наутро по всей Москве и, разумеется, не нашли. А обитатели посада шепотом передавали друг другу: обидчики дьячихи, как она сама сказала, хоть и с перемазанными сажей для тайности лицами, страсть как походили и голосами, и повадками на конюха и истопника Ярославской. И еще, примерно через месяц после тех событий, выгнанная из дома Ярославских, как обычно, без жалованья горничная стояла на посадской площади и рассказывала всем прохожим: ночью ее хозяйка зажигает в светлице огонь и подолгу любитесь чем-то очень красивым, испускающим светлые искры. Она, мол, сама видела это, подсматривая в замочную скважину. Очень скоро девушка была жестоко избита рано утром у каменной стены, когда шла в лавку за хлебом по поручению своей новой хозяйки. Несчастной болтушке двое неведомых извергов переломили ногу. Вылечить ее никто не сумел. Девушка осталась калекой и потом просила милостыню на паперти посадской церкви. Милосердные христиане ей охотно подавали – все, кроме жадной подьячихи Ярославской.

И таких случаев, мои юные друзья, много, очень много рассказывали люди про Парашу! Но она, конечно, на пересуды внимания не обращала, держалась гордо и неприступно. И самозабвенно копила, копила, копила! Тимофей Никитич был вполне доволен своей хозяйственной супругой, о чем не забывал напоминать при случае дорогому тестю. Надо сказать, что при помощи средств, данных ему взаймы Дормидонтом Ильичом, помещик Ярославский успешно сыскивал и возвращал в усадьбу своих беглых крепостных. Потерянные земли он тоже постепенно скупал назад. У супругов подрастал наследник – сынок Егорушка. С Афанасием купец и его дочь почти не знали. Молодой человек редко бывал в Москве, а в Преображенское родственники бомбардира не ездили – гнушались жены Афанасия Марии – «черносошницы», как презрительно звал ее свекор.

– И что в этом плохого? – возмутился Акимов. – Да крестьяне, сохой по черной земле вода, пшеницу, рожь растят, весь мир кормят! Сейчас, правда, трактора поля пашут, но ими все равно хлеборобы управляют. Можно подумать, сам Дормидонт не из таких же вышел!

– Р-разумеется, из таких, Антон, – сердито прокаркал Кирилл Владимирович. – Но разве ты не понял? Он как можно скор-рее стар-рался об этом забыть, желая вычер-ркнуть крестьянское пр-рошлое и из собственной памяти, и из ума своих потомков.

– Но это же глупо! – недоумевал Антошка. – Я вот ни за что не хочу забыть нашу деревню, маму с папой, бабушку. Пусть и нет моих родных уже на свете, а я их продолжаю любить и помнить. Он, наверное, все-таки ненормальный, этот Дормидонт Ильич, да?

Я грустно сказала:

– Был нормальным, пока не связался с чудовищами. Сейчас отец Афанасия – жаба, а не человек. Скоро к нему назад и змея с ящерицей прилетит, будут помогать Жадности губить несчастного сквалыгу. Что же дальше было, Кирилл Владимирович?

– Семья Ярославских, заполучив земли и работников, быстро богатели. Тимофей Никитич был произведен в дьяки Помещичьего приказа, и это событие еще увеличило его доходы. Но дворянину все было мало! Однажды вечером в начале весны, перед Масленицей, Дормидонт Ильич зашел в гости к Ярославским. Приласкал внука, подарил ему гостинец – большой пряник. Только начал степенную беседу с дочерью, как стукнула дверь в сени: вернулся со службы Тимофей Никитич. Егорушка побежал встречать отца, крича: «Гляди, тятенька, что мне дедушка принес! Пряник сладкий, с корицей!» Войдя в горницу за руку с сыном и поздоровавшись с тестем, дьяк почему-то потер руки и усмехнулся. Хозяйка пригласила домашних пообедать чем Бог послал. После ужина, отведав душистых наливок, приготовленных Парашей, купец пришел в прекрасное настроение. Тимофей Никитич, подмигнув тестю, шепнул ему, что для дорогого гостя припасено у него в особой горенке заморское вино. И имеет оно столь отменный вкус, что другого такого не сыскать и во всей Москве! Так не пожелает ли сейчас Дормидонт Ильич испробовать редкостной мальвазии? Торговец согласился. Вино было откупорено и выпито, а купец вышел из особой горенки, еле держась на ногах и растроганно благодаря зятю за угощение. Стал прощаться с родственниками. Дворянин вместе с женой и сыном проводил тестя в сени, почтительно подал ему зипун и шапку, поклонился, открыл перед купцом входную дверь, вывел на крыльцо. Дормидонт Ильич, напевая, отправился восвояси. Когда дьяк вернулся в сени, супруга встретила его испытующим взглядом. Тимофей Никитич ухмыльнулся:

– Не изволь волноваться, Прасковьюшка. Дело слажено!

На следующий день купец проснулся поздно. В голове у него сильно шумело, руки и ноги дрожали. Кликнул горничной, чтобы принесла воды. Та почему-то не явилась. Ворча на нерадивую прислугу, Дормидонт Ильич встал с постели и хотел идти в поварню за квасом: его томил жар, очень хотелось пить. Вдруг торговец услышал шум многих голосов, доносящийся с лестницы, ведущей в его покой. «Уж не воры ли забрались в дом? – подумал Дормидонт Ильич. – Надо бежать, прятаться!» Но купец не мог даже двинуться с места: на него от испуга напал столбняк. Дверь в спальню открылась от сильного толчка, и в нее ввалились люди. Впереди всех выступал Тимофей Никитич. Оглядев изумленного тестя, дворянин заявил:

– Быстрее собирайся, Дормидонт Ильич, и – вон из дома! Он теперь Прасковьюшкин. Да смотри, в лавки не вздумай соваться – они со вчерашнего дня тоже твоей дочери принадлежат.

В глазах у потрясенного купца потемнело, в ушах зазвенело. Очнувшись, Дормидонт Ильич ощутил себя сидящим на верху крыльца, уже одетым в какие-то отрепья, обутым в старые валенки. За плечами у него была пустая котомка, в руке – посох. Ловко успел распорядиться проклятый дьяк! Сам дворянин стоял на первой ступеньке и тряс перед лицом тестя какими-то бумагами.

– Вот, вот сюда смотри, охлупень! – брызгал слюной Тимофей Никитич. – Ты вечером собственноручно подписал отказные на дом со всем имуществом, а также на свои торговые заведения в пользу дочери. Сделал ты это – слушай, я читаю! – из любезных чувств к Прасковье Дормидонтовне, поскольку она была к тебе добра и почтительна. Эй, молодцы, помогите бывшему купцу встать и уйти со двора!

Справа и слева подскочили два дюжих парня, подхватили Дормидонта Ильича под руки, поволокли к воротам. Распахнув их, со смехом вытолкали вон. Шатаясь, ничего не видя перед собой, несчастный побрел по заснеженной улице. Прохожие, встретив его, торопливо крестились и совали в руку Дормидонту Ильичу кто что мог: монетку, кусок пирога, хлебец. Дурные вести разносятся быстро: замоскворецкие жители уже знали, что произошло с их соседом, недавно всеми уважаемым купцом, а с нынешнего утра – нищим бродягой Дормидошкой.

– Как же так?! – крикнул Антон. – Параша ограбила родного отца? И ей было его не жалко?!

– Ха! – жестко сказала Ковалева. – А он ее жалел? Без мамы девочку оставил, в рванье водил, экономить заставлял, работой мучил, с Фролкой разлучил...

– Замуж выдал за противного толстого типа, – закончила я.

– И все равно! – упорствовал Акимов. – Отец ей жизнь дал, воспитал. В конце концов, любил ее когда-то, пока в жабу не перекинулся.

– Не зря эта Параша мне с самого начала дурой показалась, – заявил Иноземцев. – Глупая, писклявая – терпеть не могу таких! И что, Кирилл Владимирович, Дормидонт стал нищим?

– У него не было другого выбора, Александр. Вероломные Ярославские лишили его нажитого имущества. Дормидонт Ильич начал бродить по Москве, прося милостыню. Проходя в своих скитаниях мимо дома родственников, он не мог заставить себя отвернуться от знакомых ворот. Неизменно стучал в них. Ждал, пока Параша отодвинет засовы и выглянет на улицу. Протягивал дочери руку за подаванием и слышал в ответ презрительное: «Нечего тут христарничать, старый побирушка. Ступай себе дальше. Бог подаст!» Створки с лязгом захлопывались. Иногда за ними звенел голос Егорушки: «Мамонька, это опять наш дедушка приходил? А почему ты ему ничего не дала? У меня вот алтын есть. Позволь мне дедуню догнать и подать ему милостыньку. Позволь, пожалуйста!» Следовал сердитый окрик Параша, звучный шлепок. Внук с ревом убежал в дом. За ним, ругаясь сквозь зубы, уходила Прасковья Дормидонтовна. Старик утирал слезы, перекидывал через плечо котомку и брел дальше, постукивая посохом. Обычно от дома Ярославских он направлялся к посадской церкви. Там его знали, жалели и, как правило, щедро подавали бывшему соседу. Китайгородские жители дружно осуждали Парашу и за разорение отца, и за бесчеловечное отношение к нему. Правда, вслух обитатели посада о дьячихе высказываться опасались: все знали, как скоры на расправу с неугодными супруги Ярославские. По Китайгороду то и дело ходили сплетни о новых и новых бесчинствах Прасковьи и Тимофея по отношению к соседям: у одного, например, со двора увели кровного жеребца, у другого – сняли с окон серебряные решетки. У третьего обвинили по доносу в колдовстве жену. Посадские шептались, что истинная причина доноса была смехотворна: на улице женщина недостаточно низко поклонилась гордой дьячихе Ярославской – вот и поплатилась, бедная, за свое легкомыслие пытками и смертью.

– А Афанасий? – недоуменно спросила я. – Хоть он и жил далеко от Москвы, и занят был по службе, но не мог же совсем не знать, что творит Параша? Почему не призвал сестру к ответу за ее подлые дела, не позвал к себе жить отца?!

– Молодой человек действительно не хотел знаться с родней. Оскорбленный пренебрежительным отношением к себе сначала отца, потом – вышедшей за дворянина Параша, Афанасий почти не появлялся у них. Когда же, во время очередного посещения сестриной семьи, Тимофей Никитич в глаза назвал его «черной костью» и «потешным пушкарем», не стерпел обиды, нагрубил дворянину, рассорился с Парашей и больше не бывал в Москве. У него

и в Преображенском дел хватало! Любимая жена, малютка-сын, хозяйство – все это требовало внимания, заботы, трудов. Талантливый бомбардир был на хорошем счету у государя, любил его и искренне уважал. Поэтому молодой человек служил Петру Алексеевичу не жалея сил, а о чванливых родственниках старался вообще не вспоминать. Об отвратительном поступке Параши по отношению к отцу, о его разорении и нищенстве Афанасий узнал случайно. Недобрую весть ему принесли преображенские знакомые, ездившие в столицу на торг и встретившие там Дормидонта Ильича. Старик, по их словам, побирался, ходя между рыночными рядами с протянутой рукой. Был невообразимо худ, грязен и оборван. Узнав подошедших к нему односельчан, заплакал и рассказал, как обманули его дочь с зятем, как голодно и бесприютно ему теперь живется, как хочет он увидеть и обнять своих внучат. Но к Егорушке его не пускает злобная Параша. А к Афанасьеву сынку он теперь и не дойдет. Ослаб совсем от недоедания и холода, ноги уже плохо носят, а до Преображенского не одну версту прошагать надо. Правда, когда старые знакомые, проникнувшись горем Дормидонта Ильича, предложили довести его на своей телеге до родного села – они уже собирались домой – бывший односельчанин почему-то покраснел и отказался ехать с ними. Торопливо попрощался, махнул рукой и исчез в толпе.

– Ну да, – недобро усмехнулась Светка, – гордость его заела. Как же так: уехал купцом, а вернется нищим? Вот и не решился Дормидонт на глаза старым знакомым показаться. А ведь мог бы помириться с сыном и Марией, обнять внука, остаться жить с ними в любви и радости. Я, конечно, и раньше знала, что он глуп как пробка – но чтобы до такой степени...

– А я думаю, – дрожащим голосом протянул Антошка, – что дело вовсе не в его гордости. Просто Дормидонту было стыдно перед Афанасием и его семьей. Вспомните! Глава семейства, как только его жаба проглотила, сына вообще перестал за человека считать, а только использовал его. Ну, если надо было, например, получить разрешение от царя на переход в купеческое звание. А когда все потерял и стал побираться – ты пойми, Свет! – человек ведь намучился и многое, наверное, понял. В том числе и то, как он виноват перед своей семьей. Кирилл Владимирович, я прав?

– Верно, Антон. Дормидонт Ильич душевно страдал, перебирая в памяти прошлое: и эту страшную ночь, которая уже на исходе, и все свои последующие мысли, желания, поступки. Жгучий стыд терзал его не переставая. Сам живя подаванием, бывший купец не мог пройти мимо ни одной искалеченной женщины, стоящей на паперти – в каждой из несчастных нищенок Дормидонту Ильичу виделась насмерть забитая им Аграфена Михайловна. Он отдавал страннице все, что насобирает за день, – и брел дальше с пустой сумой. В каждой кричащей от боли девочке-прислуге, которую колотила на улице разгневанная хозяйка, бывший жестокосердец отмечал черты маленькой Параши. Вот она стоит перед его глазами, в испуге стиснув руки и лепеча: «Я не виновата, батюшка, что коршун сегодня утром двух цыплят со двора унес и убытка тебе наделал! Корову я тогда доила, а из коровника не видно, что снаружи делается. Не наказывай меня, молю!» А Дормидонт в бешенстве хватается плетку и наотмашь хлещет дочку! А его добрый, смелый, честный сын? Несправедлив и зол был новоиспеченный конюх к Афанасию, заставляя парня в ту памятную ночь согласиться на ложь ради получения каких-то жалких денег! А вот теперь и богатство уплыло, и нет рядом никого из родных и любимых. Почему он стал жадным извергом? Зачем завидовал богачам, отравляя себе радость жизни? Сидя ночью на продуваемой ветром церковной паперти, Дормидонт Ильич плакал, рвал на себе волосы, мысленно просил прощения у близких. Бродяга страстно молился Богу о царствии небесном для своей безвременно умершей супруги – больше нищий старик ничего уже не мог для нее сделать. Вспоминал дорогие сердцу лица Афони и Параши, их веселый смех, их младенческие проказы. Истаивал от любви к детям, понимая: прошлого не вернуть. Счастье оставило их семью, и виноват в этом он один. Зачем Дормидонт Ильич поддался Жадности, Жестокости и Зависти? Будь чудовища навеки прокляты за то, что обуяли

его! Пусть оставят покинутого близкими бедняка. Пусть низринутся назад в преисподнюю, откуда поднялись, чтобы изломать его судьбу!

И ничего удивительного нет, друзья мои, в том, что подлые сестры действительно оставили Дормидонта Ильича. Первой отделилась от нищebroда жаба. Ну, представьте себе, как ей было вынести то, что бывший купец оставлял себе из набранной за день милостыни лишь один – самый сухой и заплесневелый – кусок хлеба, а остальное раздавал товарищам по несчастью? Что и говорить, это было возмутительно! Жадность, выйдя из тела бродяги, на прощанье обдала Дормидонта Ильича гнусным блеском своих «прожекторов», квакнула и бросилась в реку, протекавшую под стенами церкви. Странник, сам не понимая почему, радостно вздохнул и перекрестился.

Скоро настал черед красной ящерицы. Гадина, привыкшая всюду таскаться за стариком и иметь каждый день гарантированный обед, глoдая его сердце, была просто-таки скандализована! Через два дня после освобождения от жабы бывший купец ночевал в толпе других нищих на каменном крыльце Собора Спаса Нерукотворного в Кремле. Стояла поздняя осень. К утру сильно похолодало, выпал снег. Маленький сирота, по прозвищу Мишутка Колченогий, – левая нога у него была скрючена от рождения – проснулся раньше всех. Он чувствовал, что страшно мерзнет. Особенно мучительно застыла у мальчонки голова: за неделю перед этим он потерял шапку, протискиваясь в чужой двор через собачий лаз. Дело в том, что к нему тогда привязались уличные забияки – дергали за одежду, шелкали по лбу, пытались отнять суму. Сирота изловчился и скрылся от них через дыру в заборе, но его малахай остался на улице! Потом, выбравшись огородом из этого двора, парнишка кружным путем вернулся на прежнее место в надежде подобрать шапку. Но ее там уже не было! Наверное, озорники унесли его жалкое имущество в отместку за то, что жертва ускользнула от них и забава не удалась. И что мальчику теперь было делать, пропадать? Плача, Мишутка принялся растирать красные уши и онемевший на морозе затылок. Эти меры помогли мало, и малыш, подняв вверх дырявый армяк, натянул его на голову. Сразу обожгло стужей ноги. Мишутка, пытаясь согреть их, начал скакать по широким ступеням. Вдруг он увидел, что в самом низу лестницы, примостившись головой на котомку, спит какой-то неизвестный нищий с седой бородой. А между сумой и ухом старика проложен – вы представляете? – добротный войлочный колпак. Наверное, странник уместил его под голову для мягкости, вместо подушки. Сам старик, похоже, не мерз, хотя на его волосах лежал слой снега. Да оно и понятно: вон какая шапка густых кудрей была у неведомого счастливецa! С такой и мороз не страшен. А ему, Мишутке, как быть?! Ведь зима пришла, а покрыться нечем, хоть умри. Мальчик оглянулся: не смотрит ли кто? Все было спокойно: нищая братия спала. Не в силах больше терпеть пытку холодом, парнишка выдернул из-под старика колпак, нахлобучил его на голову. Отчаянно ковыляя, пустился бежать. Седобородый вскочил, хлопая глазами. Заметил улепетывающего в его шапке мальчишку, помчался вдогонку. Легко настиг хромого, схватил за плечи, повернул лицом к себе. Жестокость, вставшая за его спиной в полный рост, плотоядно оскалилась: вот сейчас Дормидонт Ильич в ярости ислещет вора до полусмерти – а она всласть полакомится сердцем злодея! Ведь по законам московских нищих красть у своих считалось самым незаконным проступком – за это иногда и убивали!

– Дяденька, – прошептал Мишутка побелевшими губами, – прости меня, пожалей сироту. Не со зла я твой колпак утащил. Больно холодно нынче, не выдержал я без шапки-то! Помилуй, не калечь – я и так вон на одной ноге скачу, а жить надо.

Бывший купец отвел руку назад – алая ящерица поспешно устроилась впереди него, чтобы не пропустить начало трапезы и сразу же, не откладывая, начать завтракать. Но что это?! Дормидонт Ильич поправил свой колпак на голове воришки, натянул его поглубже сироте на уши. Улыбнулся в бороду:

– Не бойся, малец, не трону. Этот шлык подарила мне вчера одна сердобольная боярыня. А мне он, ей-ей, ни к чему! Я по крестьянскому обыкновению и в трескучие морозы не всегда шолом надевал, оттого что Господь меня, как видишь, густыми власами одарил. Так что носи колпак, не мерзни! На вот тебе от меня, птенец малый. Поснедай во здравие по раннему часу.

Жестокость разинула рот, в изумлении наблюдая, как нищий развязал котомку, достал оттуда кулебяку и подал мальчику. Тот взял, шмыгнув носом. Покосился на старика, жадно прикусил пирог, пробормотал с полным ртом:

– Спасибо, дядя! – попятился от Дормидонта Ильича и засеменял от него прочь, придерживая на голове шапку.

Видно, боялся Мишутка, что седобородый вдруг раздумает и отберет колпак – такой теплый и совершенно новый! – назад. Но разочарованная рептилия уже знала: нет, не отберет! Мало того: впадать в ярость, жестокосердствовать, увечить людей бывший купец тоже больше никогда не будет. Безобразие! Ящерица щелкнула зубами, поднялась на огнях в воздух и улетила. Не могу выразить, друзья мои, как легко стало на душе у Дормидонта Ильича – хоть и опять неясно отчего! Но разве это так важно? Главное, что несчастный хромоножка не будет теперь страдать от стыни.

Странник улыбнулся и широко перекрестился на четыре стороны. По правде говоря, бывший купец чуть-чуть лукавил, уверяя мальчика в своей способности перебиваться зимой вовсе без шапки. Но как иначе было успокоить перепуганного парнишку? Как убедить его принять подарок? Сильны холода на Руси великой, тут и говорить нечего! На Юрьев день, скажем, а тем более на Крещение – ух, и пробирает стужей! В это время никак, конечно, православным одними лишь кудрями от морозов не спастись. Да и бесчестно мужчине появляться на людях с непокрытой головой: без колпаков ходят по Москве только рабы-челядины и холопы. Был недавно у нищего Дормидоншки дырявый шлык – только вырвала его зубами из рук и утащила неведомо куда бродячая собака. Стоял он, вишь, на паперти, держа шапку перед собой, чтобы добрые христиане опускали туда подавание. И, как на грех, какая-то старуха сунула в шлык вареную курячью ногу! Понятно, что голодная псинка не утерпела, уволокла мясо. Да и ладно, не жалко. Собака, чай, тоже Божья тварь – и она есть хочет. А Дормидонт Ильич себе, Бог даст, что-нибудь на бедность раздобудет! Может, еще какая боярыня смилуется над ним и подаст убогому старую валенку – ему и достанет. Небось не дворянин!

А еще через три дня после случая с Мишуткой Дормидонт Ильич кусочничал на Красной площади, бродя между торговыми рядами. Подавали ему хорошо: хлеба и денежек набралось у нищего с утра полкотомки. А один мелкий приказной, приобрета себе новый шлык, старый не бросил в грязь – протянул Дормидонту Ильичу! Сказал: «Владей, дядя! Сему шолому еще долго сносу не будет: я его всего-то три года назад купил. Еще и не штопал ни разу. Да, вишь, жениться теперь собрался. Знамо дело, в потертом-то шлыке мне под венец идти не с руки. Тебе же, странник, впору будет сей своевременный прибыток – так ведь?» Засмеялся, заломил на затылке новую валенку, махнул нищему на прощанье и пошагал себе прочь. Дормидонт Ильич низко поклонился вслед добродетелю. С радостью натянул подарок на занемевшие от холода уши – после третьеводнешнего зазимка оттепель почему-то никак не наступала, хотя морозам-то приходиться было совсем рано!

Очень удачно шли нынче дела у бывшего купца. Еще полдень не наступил, а у него в суме уже сухарей, саяк, грошиков, полушек навалом собралось. А теперь и голова в тепле, слава Господу. Дормидонт Ильич весело притопнул ногой. Взгляд его обратился в конец шапочного ряда, на котором он стоял. Оттуда двигалась небольшая толпа. В середине ватаги бежал, размахивая руками и крича, какой-то полный мужчина. Вокруг него плясали, свистя в дудки, скомоорохи, вопили и ходили колесом уличные мальчишки. Орава приближалась. Поднялся сильный шум. Задышающийся толстяк оказался в нескольких метрах поодаль, и нищий с удивлением узнал в нем своего знакомого, бывшего соседа по Суконному ряду. Это был торговец инозем-

ными тканями Кузьма Агапыч. Дормидонт Ильич всегда завидовал его щегольству и ловкости. Вот, например, было известно, что носить горлатные шапки имеют право только люди боярского звания – остальным православным такой убор, дескать, по чину не полагается. Будь ты хоть разбогатевший думный дворянин, хоть московский выборный, или окольный с тугой мошной, или даже важный купец из гостевого разряда – меховую трубу в локоть высотой иметь не смей! Подобные шапки могут воздевать на головы лишь бояре, князья или их советники. А Кузьма Агапыч взял, да и заказал такую красу знакомому скорняку! И явился однажды утром в почетном уборе к себе в лавку! Вспомнить страшно, какой шум поднялся тогда в Суконном ряду! Нашлись у купца недоброжелатели, написали на него донос в Земский приказ. Явились оттуда ярыжки, забрали торговца, посадили в поруб. Наконец делом об оскорблении боярского достоинства занялись строгие судьи. И что же? Изворотливый суконщик доказал приказным, что ни в чем не виноват. Шапка, мол, у него вовсе не горлатная – сиречь сшита не из кожи «душки», *шеи* пушного зверя! Нет, руно на нее снято *со спины* животного. К тому же сделана она не из лисьих, куньих или соболиных шкур – а именно они идут на изготовление уборов для высших сословий! «Трубу» Кузьмы Агапыча скорняк стачал всего-то навсего из обычного медвежьего меха. И верх у его шапчонки не бархатный, не парчовый, как это принято у бояр и князей, а просто-напросто – тьфу! – байковый. Так в чем же он посягнул на их родовую гордость? Послали за шапкой домой к купцу. Пресловутая «горлатница» Кузьмы Агапыча действительно оказалась медвежьей, овершенной шерстяной байкой. Судьи, дьяки и писцы почесали затылки и признали, что никакой вины за купцом не найдено. Суконщик был с миром отпущен из приказа. На следующее утро он прошествовал по Красной площади в свою лавку. На голове торговца красовалась высокая меховая шапка. Соседи приветствовали его радостными кликами: это надо же было так исхитриться молодцу, чтобы и чести не потерять, и въедливых приказных ублажить!

А вот теперь этот ухарь бежал по ряду, бия себя в грудь, и хрипло вопил:

– Что деется на белом свете, православные? Целую штуку голландского полотна умыкнули с прилавка! Мягчайшего, белого, как пух! Подлое ворье, жулики, тати! Оставили меня как есть без самолучшего товара, ввели честного человека в огромный убыток! Эдак я скоро без куска хлеба останусь и без последних порток, а никому и дела нет! О-о-о!

Лоснящееся лицо купчины побагровело от натуги. Его зипун из тонкого английского сукна почему-то разошелся на животе. Видно было, что оторвались с мясом и потерялись где-то три из шести серебряных пуговиц. Дормидонт Ильич прикрыл глаза и снова взгляделся в подбегающую к нему ораву. Ему показалось, что впереди галдящей толпы мельтешит, переливаясь на морозном солнце, что-то прозрачное, желто-зеленое. Вот словно бы вода выплеснулась вдруг из болота и повисла в воздухе! В это время торговец поравнялся с нищим. Остановился. Сердито зыркнул на него из-под атласной, подбитой мехом мурмолки. Конечно, он не узнал в худом нищebroде бывшего товарища по торговому делу. А вот странник понял, что происходит! Он рассмотрел теперь, кто двигался впереди обокраденного Кузьмы Агапыча. Это была здоровенная жаба. Квакуха тоже сейчас остановилась вместе с суконщиком. Блестящие глазищи гадины вывернулись назад, на ее затылок, и сверлили торговца желтыми лучами. Вывалившееся из зипуна чрево купчины тоже светилось зеленью, опасно ходило туда-сюда. Внутри него носились, стукались друг о друга какие-то твердые кусочки. «Эге, – подумал нищий, – а жабочка-то мне очень знакома. Теперича она, значит, к Кузьме Агапычу привязалась? Понятно! Оттого он из-за одной штуки полотна жуткий хай и поднял. Где уж там купчине без хлеба и порток остаться? Вон, лопается от сытости. Одежда не нем дорогая, красивая! А как человеку на разум положиться, коли Жадность беднягу заедает? Вот Агапыч, сердешный, и орет, будто белены объевшись!»

Мысли купца приняли тем временем другое направление. Недоверчиво косясь на нищего, Кузьма Агапыч возопил:

– Сколько всякой рвани живет на Москве, а люд столичный и терпи от нее кражи! Вот где, я хочу спросить, земские ярыги? Сколько следую по рядам в горе и смятении – ни одного не встретил! Кто защитит меня от лукавых воров, кто задержит татей? Пойду сам в Земский приказ, там знакомых дьяков много – все они допрашивали меня когда-то о горлатной шапке, чуть было не уходили безвинного страдальца. Так пускай теперь прикажут объезжим головам немедля учинить розыск преступников, а не то я на них челобитную в Дворцовый приказ, самому царю-батюшке подам! Поймать воров, в съезжую избу их, бить батогами, а-а-а!

Толстяк в бешенстве затопал ногами. Притихшие было дудари и мальчишки пришли в восторг:

– Ух ты, до чего сердитый купец! – Не зови ярыжек, борода, лучше сам сыщи татей, да пузом их и задави! – Нет, пусть он их лучше по башкам своей мурмошкой нахлопает – вон она у богача какая важная! – воры сразу и признаются, куда полотно спрятали. – Вон, вон, ребята, видите – ярыги едут на бочке с водой? – Значит, загорелось где-то, на пожар спешат! – Хватаем купца под локти, да и айда к ним, а то скроются в переулках. – Ура, пошли!

Озорная гурьба, таща с собой Кузьму Агапыча, повалила дальше по ряду. Впереди толпы бодро заскакала жаба. Она по-прежнему не отрывала круглых глаз от своей жертвы. «Скоро чрево у суконщика лопнет, – сочувственно подумал Дормидонт Ильич. – Что он тогда делать будет? Это ж позор на всю Москву. А вот не надо было распалиться гневом из-за штуки полотна! Зато у меня – ни кола, ни двора, ни тканей, ни лавок. Живу свободно, покупателям не угождаю, не трясусь, не скуплюсь. Я, как птица небесная, по зернышку клюю, а сыт бываю. Еще и других кормлю, даже иногда и одеваю. Как жалок Кузьма Агапыч бедный! Не завидую я ему».

Тут же рядом с Дормидонтом Ильичом раздался звон: это уползала от странника железная змея. Зависть была сильно раздосадована: она надеялась еще долго питаться печенью бывшего купца, а получилась такая неприятность! Еще вчера у гадины был отличный обед: нищий с тайной печалью разглядывал аксамитовую ферязь на одном боярине – Дормидонту Ильичу давно, еще, с той памятной осенней ночи, хотелось иметь подобную. Змея же в это время грызла нищего, грызла, грызла! Было очень весело и вкусно – а вот теперь ее сытая жизнь закончилась. И Зависть твердо знала: навсегда.

Бывший купец вздохнул и опять, сам не понимая почему, перекрестился. Душа его, освобожденная от пороков, расправила наконец легкие крылья. С какой-то новой, почти забытой радостью смотрел Дормидонт Ильич на величавый Кремль, на расписные купола церквей под голубым небом, на толпы нарядных горожан, снующих по улицам. «Лепота какая! – восхитился нищий. – И простор земной, и ширь небесная, и терема, и храмы – все в одном дивно украшенном граде соединяется и глаз человеческий веселит. До чего же премудро устроил Господь, что каждый – каждый! – и богатый, и бедный, и даже басурманин из Кукуйской слободы может невозбранно на этикие чудеса любоваться и душой райски воспарять!»

В это время Афанасий упорно искал отца по всей Москве. Дело очень осложнялось тем, что бывать в столице бомбардиру удавалось только короткими наездами: служба у государя часто призывала молодого человека в Пресбург! Изредка, казалось, добрый сын напал на след Дормидонта Ильича. Например, кто-нибудь из нищих сообщал Афанасию, что наемники видели бывшего купца выходящим из ворот городского острога. Седобородый весело подкидывал опустевшую суму и приговаривал: «Вот и узникам милостыньку подал! Вот и благо совершил я, негодный и грешный раб Божий Дормидонт! Их ведь, колодников, начальство вовсе не кормит. Хорошо, кому родные что-нибудь принесут. А если он, тать незадачливый, один как перст на свете живет? Вот тут я и пригожусь, хлебушком с голодным поделюсь. Я завтра опять сюда приду, как только достаточно милостыни наберу на пропитание сидельцам. Не возражаете, господа стражники?» Те вроде как не возражали, обещали нищему и завтра пустить его в тюрьму кормить узников. Так что иди, мол, Афанасий Дормидонтович, к острогу,

что на Земляном валу, – скорее всего, твой батюшка сейчас там! «До чего милосердным стал тятенька с тех пор, как своего богатства лишился. Коли уговорю его вернуться домой, добрым дедом будет отец для Демидушки нашего», – улыбался в усы служилый и бежал в указанном направлении. У тюрьмы его с почетом – как же, государев приближенный, член недавно учрежденной бомбардирской роты! – встречала стража. Докладывала, что нынче Дормидонт Ильич у них уже побывал и едой заключенных прещедро оделил. Но пребывал, дескать, в остроге недолго. Быстро раздал милостыню и сказал, что идет теперь в одну богадельню – там, мол, живет одна очень жалкая старушка без обеих ног – ей их в молодости телегой отдавило. Так вот, есть у странника для этой страдальицы особый гостинец – кусок копченой рыбы, которую старушка очень любит. Как раз сегодня утром доброхотная боярыня сей балык нищему подала, а он для убогой и приберег. На вопрос, в какую именно богадельню отправился Дормидонт Ильич, стражники разводили руками: про то, мол, странник нам не сказывал. Афанасий вздыхал, ходил еще некоторое время по улицам, надеясь встретить отца, да так и уезжал ни с чем домой, в Преображенское.

– А Парашенька? – пытливо спросила Светка. – Она почему не помогала брату в поисках? Неужели так и не простила Дормидонту своих обид, хотела, чтобы он продолжал нищенствовать?

– Прасковья Дормидонтовна, к сожалению, вообще не вспоминала об отце – равно как и о брате. Как раз в это время Ярославские переехали из Москвы в свою вотчину: отец Тимофея Никитича стал сильно прихварывать и не в силах уже был по-прежнему – цепко и жестоко – управлять крепостными. От его немощности мог произойти большой урон в хозяйстве. Мужу Параша пришлось отказаться от весьма выгодной дьяческой должности, так как доход от округлившегося за последние годы имения был гораздо выше служебного, и терять его не следовало ни в коем случае!

Через полгода после воцарения в усадьбе молодых хозяев старик Ярославский скончался. А через три недели после его похорон Тимофея Никитича хватил удар из-за неумеренного употребления за ужином пирога с перченой свиной. Это кушанье показалось дворянину до того лакомым, что он никак не мог остановиться. Так и совал себе в рот кусок за куском, пока не захрипел и не затрясся, выкатив глаза. Тимофей Никитич попытался встать из-за стола – и не сумел, упал боком на лавку. Родные бросились к нему с вопросом, что случилось. Но помещик ничего не смог ответить жене и сыну: у него отнялся язык. С помощью слуг стали поднимать дворянина на ноги – оказалось, что конечности у него тоже больше не двигаются и Тимофей Никитич даже стоять не может, не то что идти. Дворянин был осторожно перенесен на лежанку, с которой больше не встал. Паралич превратил злого вотчинника в беспомощного инвалида. Управление усадьбой, землями и крепостными взяла на себя Параша. Очень скоро она стала самовластной и суровой помещицей. Жадность уже давно ела Прасковью Дормидонтовну, заставляя женщину учитывать и прибирать каждое зернышко, каждый грош, а также беспощадно грабить подчиненных ей крестьян. Ярославские богатели, их доходы росли как на дрожжах.

За этими событиями незаметно пролетели несколько лет. Параша, обремененная делами: уходом за больным мужем, воспитанием сына, нескончаемыми заботами по руководству обширным имением – не выезжала из дома. Для связей с внешним миром у нее были доверенные люди – тиуны и приказчики. Если требовалось, например, отвезти в Москву и продать зерно, или послать щедрый дар знакомому дьяку в Поместный приказ – чтобы он помогал Ярославским обходить некоторые государственные налоги, или купить у вотчинника-соседа несколько стогов сена, когда свое не уродилось, – помещица посылала в нужное место своих слуг. Те боялись Прасковьи Дормидонтовны до дрожи в коленях: уж очень крута и скоро на расправу была молодая Ярославская! Поэтому наказы суровой хозяйки тиуны и приказчики выполняли тщательно и точно, без малейших отступлений в сторону. Дела помещицы, таким

образом, разрешались быстро и счастливо. Ей не приходилось бросать без присмотра имение, пускаясь в путешествия. Но однажды тяжело заболел, простудившись, самый лучший тиун Прасковьи Дормидонтовны – Савелий. И, как на грех, надо было срочно продать в столице на торгу полтора десятка мешков подмокшей гречи – пока та не сгнила и не ввела владелицу имения в убыток. Остальные толковые слуги были в разъездах, и послать в Москву оказалось некого. Что было делать? Раздав дворовым строгие распоряжения по хозяйству, Параша отправилась в Первопрестольную сама. И что же? На торгу помещица, едва ее холопы выгрузили на землю мешки с крупой, носом к носу столкнулась со своей давней, хотя и прочно забытой приятельницей – Дашутой. Женщины, растрогавшись, обнялись. Конечно, Дарья, скромно одетая крестьянка, теперь жена деревенского шаповала, была просто ничто перед гордой дворянкой Прасковьей Дормидонтовной Ярославской! Но Параша, чуть подумав, решила быть великодушной к подруге детских лет. Пошли у них расспросы об односельчанах, ахи, вздохи. И наконец Дашута, пристально посмотрев в глаза Параше, спросила: «Скажи, а почему ты никогда не бываешь у Марии с Демидушкой, не помогаешь им? Ты ведь вон какая богатейка, а они скудно живут! Хозяина-то теперь у них в доме нет, а родители твоей невестки почти сразу после того известия друг за другом с горя умерли...» – «К-какого известия?» – побледнев, спросила помещица. «Ты разве не знаешь? – удивилась Дашута. – Брат твой родной, Афоня, погиб в походе. Под Азовом, что ли – кажись, так турецкая крепость называется, которую он вместе с государем Петром Алексеевичем воевать отправился. Да уж года четыре прошло, как его басурманы убили! А ты о том и не ведаешь? У нас-то в селе народ сильно удивляется, что ни ты, ни Дормидонт Ильич в Преображенское и носа не кажете. Словно бы не осталось у вас там родни вовсе!» Параша поджала губы и сухо распрощалась с бывшей подругой. Дашута пожалала плечами и отошла к своему прилавку: она в тот день вместе со свекром продавала на ряду овес. Помещица, выгодно сбыв гречу, вернулась вечером домой мрачная. Пролила за ужином молоко, изругала слуг, дала в сердцах подзатыльник подвернувшемуся под руку озорнику Егорушке: тот вздумал играть с котенком, таская по полу на веревочке материну ситцевую косынку. Если так одежду трепать, ее не напасешься!

Утром, едва рассвело, помещица велела заложить возок и по холодку отправилась в Преображенское.

– У Параша совесть проснулась, и гадины от нее убежали? – обрадовалась Светка. – Она решила помочь Марии с Демидушкой?

– Если бы! – вздохнул Кирилл Владимирович. – Едва ступив на порог отцовского дома, дворянка заявила родственникам: «Живо, черносотники, собирайте свое дранье и уходите отсюда! Да чтоб не больше котомки каждый из вас отсюда унес, слышите? Раз Афоньки больше нет, я здесь теперь хозяйка. Эта изба с постройками и огород – мои». Мария всплеснула руками и крикнула: «Нет, мы не уйдем!» Демидушка заплакал, испугавшись злой тети, и спрятался под лавку. Помещица уперла руки в боки: «Вот, значит, как? Не хотите добром чужое отдать? Так я силой свое заберу! Где уж вам, голодранцам, спорить со мной, дворянкой? Эй, слуги!» В избу ворвались два дюжих молодца. Схватили Марию под локти. Вытащили из-под скамьи малыша. Хотели сразу волоочь их к выходу. Прасковья Дормидонтовна милостиво усмехнулась: «Ладно уж. Дайте им еды в дорогу взять да хоть какую-нито рухлядь в сумы увязать. Скоро зима придет. Куда ж им, убогим, без теплой одежды в путь пускаться?» – «Я не хочу в путь! – сказал мальчик. – Я нынче обещал матушке помочь: поленницу во дворе сложить, курей накормить, крыльцо подмести. Как же мне уйти? Тогда получится, что я ее обманул, а это негоже!» – «Ишь ты, какой помощник! – разгневалась Параша. – От горшка два вершка, а уж за мать заступается, обманывать ее не хочет. Праведник сопливый, работник бесштаный! Последний раз говорю: собирайтесь быстро и – вон. Не то голыми, босыми, без всякого корма христарadniчать пойдете! Я не шучу». Мария, глотая слезы, увязала в сумы необходимые вещи, уложила съестное – лишь бы хватило на два дня, пока они с Демидушкой не дойдут до Москвы! А там уж, Бог

даст, встанут мать с сыном на паперть в людном месте и протянут руки за подаванием. В скорбном молчании женщина оделась, потеплее укутала малыша. Бесстыдно обездоленные Парашей наследники Афанасия вышли из дома и побрели по сырой дороге в Первопрестольную. Там они присоединились к нищей братии, начали кормиться именем Христовым. Подавали странникам хорошо: добрые христиане очень жалели красивую молодую женщину и шестилетнего мальчика, оставшихся, как видно, без кормильца.

– А Дормидонта они там случайно не встретили? – с надеждой спросила я. – Втроем-то им веселее было бы!

– Нет, Ирина, бывший купец в это время уже ушел из Москвы. Объяснил он свое решение товарищам так: «Хочу по белому свету постранствовать, на чудеса его посмотреть, пока ноги еще ходят. Слушал я недавно здесь, у кремлевской стены, старцев седых, благообразных, кои сами себя „бегунами“ называли. Они мне рассказали, что есть далеко на Севере прекрасная земля – Беловодье. Лежит она в глубине окияна-моря на семидесяти островах. Страна сия тепла и плодородна. Омывается она молочной рекой. Живут там люди честно, справедливо, без татьбы и воровства. Нет в том крае ни бояр, ни князей. Все равно работают и добродетелью каждодневно украшаются. А самое главное, умеют тамошние жители вовсе обходиться без денег – этого соблазна дьявольского. Иначе почему бы, как баяли „бегуны“, и золото, и серебро, и разноцветный бисер в Беловодье просто так, бросово, под ногами валяются? Хочу я, братцы, дойти до того земного рая, да посмотреть на него, да придумать: как бы законы беловодские к нам на Русь перенести?» – «Сказки это, – возражали Дормидонту Ильичу нищие, – нельзя им верить». – «Может, оно и так, – легко соглашался бывший купец. – А что в сказках плохого-то? Супруга моя покойная очень их любила, детям нашим тайком нашептывала, коли думала, что я не слышу. Редкой красоты, и чести, и добросердия была женщина! Вот коли найду я то Беловодье, будет мне что свет-Аграфенушке на том свете рассказать, когда предстану после бытия моего грешного перед Всевышним. На том и прощайте, братцы, не поминайте лихом!»

Выгнав из отцовского дома невестку с племянником, Параша быстро и выгодно продала его. Вырученные деньги сложила в сундук, на радость потирающей зеленые лапы Жадности. Почему-то женщина не смогла, как собиралась вначале, пустить эти средства на дальнейшее приумножение своего достатка. Серебряные рубли будто бы жгли Параше руки, она не могла удержать их в пальцах и с криком роняла на пол. Лучше уж было убрать денежки подальше, так получалось спокойнее!

Впрочем, дела в имении и без того шли с каждым годом все успешнее. Ярославцевы постепенно стали самыми богатыми вотчинниками в округе. Одна беда мучила помещицу: ее сын Егорушка явно сбивался с пути. Молодой барчук рано пристрастился к гульбе, вину и картам. Он не желал ничего слышать о севе и жатве, не помогал матери в заботах по огромному хозяйству, даже отца не навещал в его невольном заточении, говоря, что по доброте душевной не может выносить столь грустного зрелища. Но Прасковья Дормидонтовна знала: это неправда. На самом деле все проще и страшнее: Егорушка – жестокий себялюбек. Мать с отцом ему совершенно безразличны. Умрут они завтра – сын и не заметит, что лишился родителей. Лишь бы были деньги на попойки да игры в карты с приятелями! А забрать у приказчиков столь нужные ему рубли гулена может и сам, без родственной помощи. Прасковья Дормидонтовна не спала ночами. Днями плакала, умоляя Егорушку покинуть дурное общество, почтить лаской и заботой их с Тимофеем Никитичем, своих богоданных родителей, а также заняться наконец хозяйством – ведь он будущий наследник богатого, процветающего имения! На материнские увещания отрок крайне раздражался и отвечал одно: что дома ему скучно, а с друзьями весело; что от вида оборванных крестьян, согнутых работой, на него нападает тоска; и что, наконец, пусть матушка вспомнит, как сама *почитала* дедушку, приходившего к ним в Москве в надежде получить кусок хлеба – она со злобной руганью гнала старика от ворот. На том разговоры Параша с сыном заканчивались – несмотря на ее рыдания и заламывания

рук, Егорушка уходил к своим буйным озорникам-приятелям, из которых он был младше всех: мальчику едва исполнилось четырнадцать. Оставшись одна, помещица в горе металась по горницам, вопила, сетовала на судьбу. Прасковья Дормидонтовна не могла понять одного: именно их с мужем скупость, бессердечие, ничем не укротимая зависть к чужим успехам любого свойства и сделали из Егорушки самовлюбленного эгоиста, в которого он постепенно превратился. Множество жаб, змей и ящериц жило в доме Ярославских: у каждого из членов семьи имелся свой комплект гадин. Егорушку, правда сказать, в последнее время все чаще и чаще посещала Ложь – для юного отрока не знал удержу в обретении пороков. Показательно и то, что Тимофея Никитича, несмотря на его болезнь и бессилие, чудовища тоже не оставили. Они продолжали грызть дворянина! Вы понимаете, друзья, почему? Потому что, даже впад в паралич и немоту, Ярославский не мог думать ни о чем ином, кроме наживы и преступно беззаботных крепостных, которых следует каждый день за леность пороть на конюшне. И еще бывший дьяк изнывал от досады: вот, мол, у соседа-помещика год от года яровые почему-то роятся лучше, чем в его собственном хозяйстве! А у другого соседа коровы тучнее и молока дают больше! И, поверьте, Жадность, Жестокость и Зависть жили рядом с Тимофеем Никитичем припеваючи, не зная отказа в сытной пище!

– Ну, уж эти мрази своего не упустят, – усмехнулся Иноземцев. – О них и говорить неохота! Я хочу понять другое. Параша выставила из старого дома только Марию с Демидом – а ведь ее брата в это время уже несколько лет не было в живых. Получается, Дормидонт так больше и не появлялся в Преображенском, а бродяжничал по-прежнему. Почему? Афанасий же хотел позвать отца домой, приютить его у себя!

– Да он просто не успел отыскать старика, ушел с царем в поход против турок. А из него Афанасий не вернулся. Я правильно говорю, Кирилл Владимирович? – обратилась Ковалева к скворцу.

– Умница, Светлана! Ты точно вписала произошедшие события во временные рамки. Действительно, когда Афанасий узнал о бедственном положении Дормидонта Ильича и начал искать его по Москве, стояла зима 1695 года. Слишком часто, как я уже говорил, отлучаться со службы молодой бомбардир не мог, поэтому старания его оказались безуспешными. А в марте того же года русское войско выступило под Азов, где Афанасий и погиб. Так случилось. Не суждено было сыну встретиться с отцом, спасти его от голода и лишений.

– А дрянная Параша даже не вспоминала о Дормидонте, – в сердцах сказал Акимов. – Она только и знала, что копила деньги да о сыночке своем непутевом убивалась. Как это все плохо и несправедливо! И знаете, ребята, что мне обидно – ну ваще до опупения? Мы с вами зря старались. Я этой ночью из дома Зависть уволок и выкинул. Потом, как я понял, Афанасий свою семью от Жестокости избавил. Ну, а вы с Ложью боролись – самой страшной из тварей – и тоже ее победили, и под забором фофанку закопали! Одна Жадность в это время осталась без присмотра – и каков результат? Она через Дормидонта погубила все семейство! Заметьте, змея и ящерица тут же назад к нему вернулись. А к Егорушке-картежнику, алкашу малолетнему, уже Ложь примеряется. Скоро они, наверное, подружатся. Стрекоза вырастет, расправит крылья, распустит челюсти с ядом. И тогда семье Ярославских точняк придет конец! Как же так, Кирилл Владимирович? Почему у нас ничего не получилось?

Птица задумчиво качнула головой:

– Зло сильно и многолико, Антон. Ты уже большой мальчик и можешь понять: пороки невозможно победить раз и навсегда. Схваток со злом у тебя, мой юный друг, еще будет много! И поверь, это вовсе не повод унывать. Да, Ложь явилась вслед за сестрами в помещичий дом. Да, она быстро – через абсолютно бессовестного Егорушку! – забрала власть в этой семье...

– Простите, Кирилл Владимирович, что я вас перебиваю, – не выдержала я. – Но ты забыл, Антончик, что, кроме Ярославских, жил на свете и Афанасий – храбрый и честный человек. Парень, конечно, рано погиб, но после него вместе со своей красивой мамой остался

сын – Демидушка. Мне показалось, что для шестилетнего малыша он рассуждал, в общем, справедливо. Да и сам Дормидонт Ильич, обеднев, стал довольно симпатичным старичком – добрым и щедрым. Так что сестры не всесильны, понял? Всегда есть надежда от них избавиться, если этого по-настоящему захотеть. И вообще, знаете что? Мне сейчас вспомнились одни замечательные слова. Не могу удержаться, чтобы вам их не процитировать. Чудесный отрывок так и поет во мне! Пожалуйста, можно мне вам привести все изречение? Оно не очень длинное!

– Говори, Ирина, – кивнул скворец.

От волнения у меня пересохло в горле. Я вздохнула и начала:

– Слушайте. Это прямо про нас с вами сказано – тех, кто боролись с чудовищами и дальше будут бороться. Мы, ребята, никогда, подобно рыцарям, не бросим копий, не опустим мечей. Вот эти слова: «И как ни велико зло, все же ночь тиха и прекрасна, и все так же в божьем мире правда есть и будет, такая же тихая и прекрасная, и все на земле только ждет, чтобы слиться с правдой, как лунный свет сливается с ночью».

В небесах серебряными колоколами грянул аккорд. Из-за темного горизонта вдруг стремительно вознеслась луна и встала, сияя, в самом зените. Звезды закружились вокруг нее искрящимся хороводом. Лучи далеких светил пронизали ночной воздух, зажгли его мириадами ярких огоньков. Мир восхищенно вздрогнул, омываемый потоком музыки, упавшей с небосклона. Невидимый оркестр пел, и звенел, и сыпал на нас хрустальные бусины чистейших звуков. А вот в мелодию влились сильные и звучные человеческие голоса. «Обнимитесь, миллионы! Слейтесь в радости одной!» – торжественно разнеслось повсюду. Мы четвером, засмеявшись от счастья, сомкнули головы вместе и заключили друг друга в объятия. Кирилл Владимирович, распластав крылья, приник к нам сверху. Невесть откуда взявшаяся Мурлышенька пролезла между ногами в середину круга, подняла вверх мордочку и тоже запела – вернее, замяукала, соединив свой голос с весело гремящим хором.

Наконец песня смолкла – а до того, поверьте, хотелось, чтобы она звучала и звучала! Голубой шар луны, прочертив небо, упал за горизонт. Звезды, разлетевшись из сверкающего круга, гасли одна за другой. Наша компания смущенно разошлась. Скворец взлетел на верхушку ивы. Кошка, урча, прижалась к Акимову. Иноземцев обратился к нам с Ковалевой:

– Девчонки, скажите, что это было? Я такого чуда еще не слышал. Особенно мне понравились слова: «Смерть служителям обмана, слава праведным делам!» Вы понимаете? Это значит, что...

– Что Нелживия сердечно приветствует вас, своих юных гостей! – провозгласил с дерева Кирилл Владимирович. – Что она в полной мере одобряет то, что вы делаете здесь, в Москве и Подмосковье 17 века. Что желает вам и дальше не трусить перед чудовищами, не отступать перед ними, не давать монстрихам ни одного шанса овладеть людьми! И просит постоянно помнить: из четырех дочерей Бездны и Хаоса самая страшная – Ложь. Поэтому нет славнее победы, чем победа над обманщицей! А слышали вы сейчас, ребята, знаменитую «Оду к радости». Ее создали для нас два гениальных немца. Слова написал Фридрих Шиллер, музыку – Людвиг ван Бетховен.

Свежий ветер, прилетев откуда-то издалека, остудил наши разгоряченные лица. Вокруг чуть посветлело. Густой туман окутывал осеннюю землю, кусты, клубился над болотной гладью.

– Ура, ребята! Наступает рассвет, – объявил Акимов.

– Наконец-то, – кивнул Иноземцев. – И это значит, что нам надо мухой лететь в Пресбург. Скорее возвращать на место пушку, спасти Афанасия! Чего мы стоим-то, спрашивается? Идемте, а то опоздаем!

– Можно подумать, ты знаешь, где находится Потешный городок, – сердито пожала плечами Светка. – И вообще, в таком тумане...

Но тут – как мы могли про них забыть! – из серой мглы выпорхнули наши проводницы. Мерцающая серебряными крылышками, сделали круг над краем болота. Потом, держась невысоко над землей, бабочки полетели вправо вдоль берега. Сашка схватил нас с подружкой за руки и потащил в ту же сторону, крича:

– Быстро, не отстаем от бабочек, а то потеряем их в тумане! Антоха, двигай за нами и не забудь здесь свою кошку! Кирилл Владимирович, если Вы устали, садитесь мне на плечо – я Вас мигом до Пресбурга доведу!

Мы побежали за бабочками. Впрочем, они летели неторопливо и – что было очень здорово! – на уровне наших глаз. Скворец, как мне показалось, с удовольствием принял предложение Иноземцева и ехал на его плече. Пончик сзади, хотя и пыхтел на все лады, шел довольно скоро. Мурлышенька, не отставая от него, замыкала шествие. Сашка крутил головой, вглядываясь в окружающую местность. Видно, пытался сориентироваться. Потом спросил у птицы:

– Кирилл Владимирович, а почему они так медленно летят? Ведь не успеем мы в городок к восходу солнца, а тогда и не поможем Афанасию – самому крутому пацану из всех, что я в жизни встречал!

– Не волнуйся, Александр, – каркнул скворец. – Осенние рассветы долги. Спешить особо незачем. Проводницы Нелживии хорошо знают свое дело, так что в Пресбург мы прибудем вовремя. И еще, я точно знаю, у Антона накопилась целая масса вопросов, которые мальчик хочет мне задать. Времени вполне достаточно, чтобы я мог на них ответить. Итак, юноша, я Вас внимательно слушаю.

Акимов зачастил:

– Скажите, Кирилл Владимирович, почему Вы нам обо всех *людях* семьи Дормидонта подробно рассказали, а о Мурлышеньке даже не вспомнили? С ней-то, бедной, что будет? Хозяин у кошечки теперь – жадюга, он ее голодом заморит!

Скворец оглянулся на пончика и успокоительно прожурчал:

– Не заморит, – это я могу сказать тебе точно, дорогой Антон.

– Почему Вы так уверены в его доброте, Кирилл Владимирович? – не отставал от птицы Акимов. – Если Дормидонт стал скупой жабой, он и Мурлышеньку не пощадит. Небось теперь даже кусочка хлеба для нее пожалеет, не то что курятины. Это же ясно как белый день!

Скворец расхохотался:

– А ты сам еще не догадался, Антон, какое будущее ждет твою любимицу?

– Нет, – буркнул пончик. – И я не вижу ничего смешного в ужасном положении кошечки!

– Видишь ли, Антон, Мурлышенька в данный момент отнюдь не терпит бедствие. Она оставила своего старого хозяина, не сумев простить Дормидонту Ильичу того, что произошло. А именно: его заигрываний с чудовищами, упрямых поползновений в сторону Зависти, Жестокости и Лжи и, наконец, превращения селянина в омерзительную Жадность.

– И... как же киса теперь? – пролепетал мальчишка. – Кто о Мурлыне будет заботиться?

– Да ты, балда! – заявила Ковалева. – Не въехал, что ли, до сих пор? Она *тебя*, Антончик, выбрала своим новым хозяином – и точка.

– Вот здорово! – обрадовался Акимов. – Но почему? Я ведь Мурлышеньку не растил, не кормил, у себя в доме не привечал. И ваще! Вспомните, как она на змею кинулась, когда та Дормидонту угрожала!

– Ага, – подтвердила я. – Но когда ты, спасая и кошку, и главу семейства, победил Зависть, Дормидонт «чертенка» же и обвинил в нападении змеищи! А Мурлышенька, как видно, не терпит подлости, даже ненамеренной, – поэтому она отскочила от крестьянина и побежала за тобой, как собачонка. И вообще, ребята! Вам не кажется, что Мурлышенька Антона уже давным-давно полюбила – сразу, как он свалился в Дормидонтов двор с забора? Нас-то троих, вспомните, чуть не растерзала. А к Акимову тут же ласкаться стала.

– Я тоже Мурлышеньку полюбил, – воодушевился пончик. – Она ведь милая и добрая! Только одного не могу понять, постоянно думаю: чем я-то киске лучше вас показался? Мы же вместе явились сюда, в 17 век, из другого мира – мне кажется, кошечка это тут же поняла, при ее-то уме! Но меня она быстро приняла за друга, а вам только недавно доверять стала. Почему?!

– М-мау! – сердито отозвалась кошка из-за спины Акимова.

Мне показалось, она разочарована Антошкиной несообразительностью. Мы втроем тихонько переглянулись и пожали плечами: действительно, ну почему зверюшка оказала предпочтение именно пончику? Скворец повернулся на Сашкином плече, посмотрел на Акимова и прокаркал:

– Все очень просто, Антон. Мурлышенька и не могла отнестись к тебе по-другому: ведь кошка была очень предана своим старым хозяевам, а ты – их прямой потомок. Каждый из нас имеет свой, собственный запах, обусловленный определенным набором генов. У родственников, соответственно, запахи похожи. Как мы знаем, кошки одарены тонким обонянием. И Мурлышенька, принявшись к тебе, быстро поняла: любимый ею Дормидонт Ильич, а также Афоня и Параша – твои предки. А значит, у нее появился еще один хозяин, которого можно обожать, понимаешь?

– Ч-что Вы такое говорите, Кирилл Владимирович? – прошептал Акимов. – Я – потомок Дормидонта, этого жуткого дяхана?!

Пончик споткнулся и чуть не упал. Тяжело дыша, сел на землю. Мы, тоже потрясенные сообщением птицы, остановились и окружили мальчишку. Одна Мурлышенька, казалось, была довольна создавшимся положением: скользнув между нашими ногами, кошка влезла на колени хозяина и восторженно заурчала. «Ну вот, – как бы говорила она, – все и выяснилось. Теперь, надеюсь, вы не будете подшучивать над моей любовью к Антону. А то ишь, взяли моду – чуть что, смеяться, как дурачки непонятливые!» Мурлышенька обвела нас всех по очереди медовыми глазами и гордо выпрямилась на руках у Акимова. Знай, мол, наших!

– Ага, – пробормотала Светка, – потому-то Акимова и видят местные жители, что он здесь свой, родом из Подмосковья 17 века!

Кирилл Владимирович одобрительно кивнул:

– Правильно, Светлана. А вот ты, Антон, зря так расстроился. Никто из нас не может похвастаться абсолютно положительными, порядочными, безгрешными предками. Откуда, по-твоему, во все времена брались разбойники, мошенники, пираты? Да они рождались и росли вместе со своими честными, добрыми братьями и сестрами! Неужели ты забыл: выбор, каким быть, только за самим человеком? Так что не переживай, пожалуйста! Поднимайся и идем дальше! Как-никак, мы спешим выручить из беды твоего замечательного предка.

Антошка вскочил на ноги. Мурлышенька, скатившись на землю, бодро встала рядом с хозяином. Порхавшие вокруг наших голов бабочки снова устремились вперед сквозь редящий туман. Мы двинулись следом за красавицами. Акимов, шагавший вместе с кошкой сзади, все же не выдержал: прерывисто всхлипнул. «Бедный пончик, – посочувствовала я мальчишке. – Может быть, Кирилл Владимирович и прав: у каждого из нас остались в прошедших веках лихие, злые, бесчестные прадеды. Но мы-то далеких предков не помним и не знаем, что они когда-то вытворяли! А вот Антону сейчас стыдно: ведь мы целую ночь наблюдали за гнусными выходками Дормидонта, его пращура. Да и то, что рассказал скворец о Параше, ее муже и сыне, тоже гадко было слышать – даже нам, посторонним людям! Как ни крути, это – частицы истории Антошкиного рода. Кошмар!»

Болото осталось позади. Мы шли по кочковатой, покрытой сухой растительностью равнине. Небо над нами еще посветлело, стало густо-зеленым. Впереди завиднелось что-то неясное, серое. Как интересно выглядит мир перед восходом солнца! Все вокруг: предметы, тени, дали – становится зыбким, убегающим, таинственным. Все будто ожидает радости явиться

взору в полной красе и истинном своем свете. Непонятная дымка быстро приближалась. В расветном сумраке возникли округлые силуэты деревьев. Это была березовая роща. До нас долетел мягкий шум ветвей. Проводницы, зеркально посверкивая крылышками, направились прямо туда, под купы белых стволов. Лепечущая листиками на ветру роща совершенно не походила на Потешную крепость – тогда зачем нам было заходить в нее? Но бабочки уже скрылись между березами – а терять их из виду было нельзя! Пожав плечами, мы ступили под тревожно шелестящую сень: ветер еще посвежел и усилился. Проводницы влетели в самую середину леска и опустились на большой куст шиповника, усыпанный ярко-красными ягодами. Поджидая нас, бабочки расправили крылья и энергично встряхивали ими – наверное, чтобы мы заметили их и не прошли мимо. Вот об этом красавицы беспокоились зря! Уж мы всю рощу перевернули бы, а их отыскивали обязательно! – ведь рассвет разгорался с каждой минутой все ярче, а времени добраться до Пресбурга становилось, соответственно, меньше и меньше. Наша компания недоуменно окружила куст, на котором сидели проводницы: ну, зачем нужна эта остановка? Тут не медлить – тут, взяв ноги в руки, бежать надо! – а красавицам почему-то вздумалось устроиться на отдых. Один Антошка улыбался – причем с совершенно счастливым видом. Интересно, чему он радуется?

– Рядом с нашей деревней есть похожий колок, – сообщил пончик, внимательно оглядываясь. – Ну, просто один в один! Бывает же такое: будто я сейчас рядом с домом нахожусь, а не в 17 веке под Москвой. Вот и шиповник созрел, как у нас, – собирать пора. А вон, я вижу, под корнями – заячья нора! В нашем районе тоже зайцев много – так и шмыгают под ногами в колках. Мы всегда с ребятами в это время – в начале осени – за грибами ходили. Наверное, они и здесь есть. Точно, вон у березы выросли два обабка. А чуть подальше, видите – много кочек повылезло? Это грузди скоро на свет явятся. Рви – не хочу. Как красиво здесь, ребята, правда? Даже уходить не хочется!

Акимов раскинул руки в стороны и рассмеялся. Мы улыбнулись: вот и хорошо, что карапуз забыл свои недавние печали. Действительно, разве он виноват в ошибках предков? Антон тихонько вздохнул:

– Помните, я вам рассказывал про лесок, в который любила убежать Мурочка? В нем потом я ее и похоронил после пожара. Так вот, это тот самый колок, ребята, понимаете? Все в нем мне знакомо до каждого дерева, потому что я часто приходил туда Мурку искать. Вон и старое дерево с дуплом: в нем я еду для кошечки оставлял, когда она ко мне с веток слезать не хотела и домой идти тоже. До того здесь кисе нравилось, сил нет! А тебе, Мурлышенька, нравится?

Кошка, облизываясь, торопливо подскочила к пончику. Вид у нее был довольный. Ковалева фыркнула:

– Ну, еще бы ей тут было плохо! Кошка только что, я видела, вон за тем бугорком поймала и съела мышь.

– Это правильно, – одобрил свою питомцу Антошку. – Она живая, ей пища требуется. Молодец, Мурлыня, с голоду ты не пропадешь! Погоди-ка. Так ты, может, и тоже сюда бегать обожаешь, как моя Мурочка несчастная?

Кошка утвердительно заурчала. Встав на задние лапы, передними потянулась к Акимову, просясь на руки.

– Ты совершенно прав, Антон, – ласково сказал пончику скворец. – Мурлышенька часто бывает в этой роще, где есть где вдоволь полазать и к тому же водится много вкусных мышей. Хочу еще добавить: у всех твоих предков, мой дорогой друг, были на редкость умные, энергичные и преданные хозяевам кошки. Умение хорошо понимать этих животных – ваша родовая черта. Давайте-ка, ребята, присядьте ненадолго прямо сюда, на опавшие листья, – видите, здесь мягко. К тому же Мурлышенька не успокоится, пока Антон не возьмет ее на руки и не погладит – посмотрите, как кошка тянется к мальчику!

Акимов со вздохом шлепнулся на землю – видно, пончик здорово устал от нашего перехода. Кошка тут же запрыгнула к Антону на колени и, нежно мурлыча, прижалась головой к его груди. Нам троим не оставалось ничего другого, как примоститься рядом с парочкой. Кирилл Владимирович устроился в центре образовавшегося круга. И правда, хотя листьев с берез напало еще мало, сидеть на них было уютно. К тому же здесь, в роще, было гораздо теплее, чем на равнине. Антошка, нервно облизнув губы, обратился к птице:

– Скажите, Кирилл Владимирович, а это была э-э-э.. – не шутка? Ну, насчет того, что любовь к кошкам досталась мне от Дормидонта Ильича?

– Именно так, Антон! А ему, в свою очередь, – от других, еще более далеких предков. Кстати, в доме Ярославских тоже были кошки – и им жилось отлично: сытно и привольно.

– Значит, Параша не до конца поддавалась Жадности, – убежденно сказал Антон. – Кто заботится о кошках, тот не безнадёжен.

Мурлышенька, на секунду отстранившись от хозяина, важно кивнула, соглашаясь с ним. И опять, зажмурившись, приникла к Антошкиному пиджаку, даже передними лапами пончика обхватила! Скворец пытливо посмотрел на Акимова и прокаркал:

– Скажи, Антон, ты вообще что-нибудь раньше знал о своих предках?

– Ну-у... – замылся мальчишка. – Кажется, они были деревенскими жителями. Работали на земле усердно: хлеб растить умели как надо, скот у них был справный, птица водилась в изобилии, от овощей погреба ломились. Об этом мне бабушка Настасья рассказывала. Еще она говорила, что после революции многих из прабабушек-прадедушек за эту самую домовитость и хозяйственность раскулачили, а имущество отобрали. Кого расстреляли, кого на Север сослали, где они почти все и сгинули. Наша семья – тоже из бывших сосланных в Сибирь... Так это получается, Кирилл Владимирович, что мои предки до революции в Подмосковье жили и крестьянствовали?!

– Ты весьма смышлен, мой юный друг, – одобрил пончика скворец. – Что еще тебе известно?

Мальчишка вздохнул:

– Да, в общем, больше ничего. Еще бабушка сердилась на дядю Колю: он первым в семье хлеборобскому делу изменил и в город переехал.

– Тогда слушай меня внимательно, – Кирилл Владимирович помолчал, собираясь с мыслями. – Ты сейчас узнаешь самое главное. Начиная с только что прошедшей осенней ночи 1685 года, когда Дормидонт Ильич подвергся поочередно нападению многих пороков, а одному из них поддался, жизнь вашего рода, Антон, в корне изменилась. Я думаю, ты уже понял: в конце 17 века семейство раскололось на две части. Одну из них составили бессердечные скопидомы Дормидонт Ильич и Параша, другую – добрые мечтатели, хранители чести рода – Аграфена Михайловна и Афанасий. И, представь себе, мой юный друг: это деление по убеждениям сохранилось в потомках Дормидонтова семейства и в последующие времена. Вспомни сыновей Афанасия и Параша – до чего они были разными! А ведь, казалось бы, мальчишки приходились друг другу двоюродными братьями – значит, могли бы иметь общие позиции во взглядах на жизнь. Но ничего подобного! Демидушка рос добрым, трудолюбивым и честным, Егорушка – эгоистичным, ленивым и жестоким – им очень рано овладела алая ящерица. Так повелось и потом: из двоих детей в семье один вырастал порядочным человеком, а второй – бессовестным плутом, или скрягой, или завистником, или злыднем. А бывало, что в дитяте расцветали сразу несколько пороков!

– Так вот почему... – потрясенно прошептал Антошка. – Вот почему баба Настя часто говорила мне: «Будь, внучек, как твой отец. Не равняйся на Николашку, дядюшку богоданного! Не смотри на младшего моего сынка – что ловок, мол, да удачлив, да изворотлив, как уж болотный, – всегда сухим из воды выйдет! Правды в нем нет, да настоящей чести, да желания хоть малым чем-то делиться с другими. А это очень плохо, Антонюшка. Не знает Николаша главных

радостей людских, потому что только для себя живет. Жалею я ребенка своего разнесчастливого, а что сделаешь, коли он таким вот взял и возрос? Когда жив был еще твой дедушка Савелий Иваныч, строгий отец моим сынам, умел он младшенького удержать от жадности и вранья, наставить его на путь истинный. Да знаешь, внучек: уж пятнадцать лет минуло, как муж мой единственный в могилу лег. Вот Николай-то и распоясался! Удержу ему нет, хочет все деньги, какие на свете есть, себе в карман сложить. И в кого парень такой пошел, ума не приложу! Мы-то, его родители, оба люди честные, скупердяями никогда не слыли. Правда, была у меня когда-то родная сестра, Меланьей звали. Так девчонка до того сквалыжной и злой уродилась, что, когда ей лет примерно двенадцать исполнилось, стала у нас в школе кусочками хлеба торговать. А время было голодное, военное. Детей же Советское государство поддерживало: в школе ученики получали бесплатные завтраки. Так вот, Меланья обычно перетерпит, свой-то ломтик хлеба не съест, спрячет за пазуху. А потом, через два урока, когда ребятишки из ее класса опять оголодают – да и сколько сытости было в том завтраке? – достанет хлеб, нарежет ниткой на шесть, а то и на восемь частей. И предлагает – ты слышь, Антонюшка, своим же товарищам: „Хочешь, я тебе дам этот квадратик? Но завтра ты мне вдвое больше вернешь!“ А дети, внучек, тогда постоянно ну просто до обморока есть хотели! – а многие и падали от голода, иногда прямо на уроке. По себе помню, как голова у меня целыми днями кружилась от недоедания! И, конечно, не выдерживал ребенок этакого соблазна – рука у него сама тянулась к хлебцу, и проглатывало дитя тот „квадратик“-то в один миг. А на другой день – уговор, как известно, дороже денег! – отламывало оно Меланье уже прямоугольник, потому что обязалось отдать в два раза больше. Скоро у негодницы в должниках не только одноклассники, но и, почитай, все малыши ходили. Они-то, по юности лет, и вовсе не могли от „квадратиков“ отказаться, вот и выкладывали девчонке потом свои завтраки целиком. Когда про ее проделки учителя и родители узнали, такой шум поднялся! Уж и ругали Меланью, и стыдили, и из пионеров исключили. А с наглой спекулянтки – как с гуся вода! Знай усмехается себе да нос дерет, будто она умнее всех. Недолго, надо сказать, и прожила скареда на свете. Лет девятнадцать ей было, когда тянула моя сестра из реки плетеную „морду“ с рыбой. А „морда“-то возьми, да за корягу зацепись, да сбоку и порвись! Видит Меланья: через дырку в ловушке две маленькие рыбки назад в воду выскочили. Она остальной-то улов на берег швырнула да как закричит: „Врешь, мелочь, не уйдешь ты от меня! Ишь какие ушлые рыбешки, жить захотели! Не бывать этому, сварю я вас в ухе и съем!“ – и в реку за ними кинулась. А в этом месте недалеко от берега глубокий омут был: девушку в него тут же затянуло! Люди видят: не выныривает Меланья. Бросились спасать, да так и не достали ее из реки. Даже тело потом не всплыло. Точно по поговорке: в воду канула девушка. Жадность, вишь, ее заела, а также лютость непомерная! Вот, наверное, мой бедный Николаша неведомо каким образом в тетку свою и удался. Из водяной своей могилы протянула скупердяйка руку да сына моего за душу взяла. Вот и стал мой сынок непутевым. Вишь, все ему мало. В город подался деньгу заколачивать. А моего благословенья ему на это нет и не будет!» Значит, Кирилл Владимирович, моя бабушка права была? И Меланья, и дядя Коля – те самые «вторые» дети?!

– Это правда, Антон, – ласково ответил ему скворец. – Но надо принять во внимание еще один важный факт. Некогда весьма обширный, род ваш теперь почти иссяк. Остались от него лишь двое прямых потомков Дормидонта Ильича: ты и дядя Коля. Николай Савельевич бездетен. Понимаешь, что это значит?

Акимов растерянно пожал плечами.

– Ой, бестолковый! – волнуясь, сказала ему Светка. – У твоего дяди, Антончик, не родились двое его детей, из которых один должен был вырасти честным и хорошим, а другой – сам знаешь каким! И получается...

– Только одно, – подхватила я. – Что *ты* для себя в жизни выберешь: добро или зло – то и будет дальше с вашей династией.

Пончик замотал головой:

– Капец! Да я же еще маленький – куда мне сейчас о детях думать?

– О них пока и не надо, – прокрипел Кирилл Владимирович. – Ты о себе размышляй. Выбирай по-взрослому, к какому берегу править: светлому или темному. Этого в данный момент будет вполне достаточно.

Акимов вздохнул и прижал к груди кошку. Та замурлыкала. Ковалева показала рукой вверх:

– Смотрите, восход уже близок! Небо поглубело, стало ясным. Не пора ли нам, Кирилл Владимирович, двигаться к Пресбургу?

– Пора, Светлана, – наклонила голову птица. – Смотрите, ребята: ваши проводницы снялись с куста и летят вон из рощи. Скорее за ними!

Мы опрометью бросились за бабочками. Скворец – впереди всех. Наверное, он показывал дорогу на тот случай, если мы все же потеряем из виду легкокрылых красавиц. Наконец березы расступились. Путь опять лежал по равнине – к реке, красновато блестящей вдаль. Туман уже рассеялся. Воздух был свеж и прозрачен, как стекло. Край неба за рекой начал алеть. Значит, солнце вот-вот взойдет! Мы, не сговариваясь, прибавили шагу. Даже Мурлышенька, похоже, поняла важность момента и поскакала за нами со всех ног!

– Слушай, Антончик, – Светка на бегу повернула голову к Акимову, – а что ты тогда говорил про шаль своей бабушки? Ведь на самом-то деле – помнишь? – это был Страх. Я понимаю, почему ты тогда не испугался Жестокости: принял ее за тритона. Но живой платок! – согласись, это очень необычно! Все видели: он же чуть не задушил меня...

– И усмирил ящерюгу, – напомнил Иноземцев.

– Конечно, – торопливо согласилась Ковалева, – но все-таки это было страшно! А ты, Антон, совсем его не испугался и даже, помню, обрадовался. Звал Страх к себе, называл тепленьким. Почему ты принял его за шаль?

Акимов отмахнулся:

– Да просто! Я, как платок увидел, сразу подумал: он добрый. А значит, это – шаль моей бабушки Насти, которой она меня от волков спасла.

– От кого?! – мы втроем изумленно оглянулись на пончика.

– Ну, обыкновенное дело, – пожал плечами Акимов. – У нас в Муромцевском районе места таежные, глухие. Волки зимой, когда им голодно, запросто в деревни заходят, чтобы чем-нибудь поживиться. Могут и собаку загрызть, и овцу утащить. Вот как это случилось. Я еще маленький был, во втором классе учился. Был самый конец ноября, морозы трещали. Возвращаюсь однажды днем из школы. Родители, понятно, на работе. Дома одна бабушка Настя. Она мне и говорит: «Антошенька, скорее мой руки, садись за стол. Гляди, я тебе уже шей налила. Чайник вскипятила – дальше сам шевелись. Вот еще в блюде пирог брусничный. А я пойду свою вышивку ладить – что-то никак она у меня не получается». Ну, я скоренько пообедал и сел к телевизору мультики смотреть. Последний из них назывался «Медной горы хозяйка». Ох, как он мне понравился! Особенно здорово было, когда хозяйка Медной горы помогла Степану выйти из сырого забоя, а потом водила парня по подземным пещерам и показывала ему свои сокровища. Как там сверкало повсюду серебро и золото! Горный хрусталь прямо из пола подымался прозрачными глыбами. Красиво! А бабушка Настя в соседней комнате, слышу, вздыхает – да так тяжело! Я думаю: странно! Не похоже это было на нее: веселая и добрая была моя бабуля. А уж вышивать любила! Целые картины могла иголкой и ниткой сотворить. Ее работы и в райцентре на выставках висели, и в Омск их постоянно возили – чтобы городские тоже увидели прекрасные вышивки. До того бабушке нравилось то занятие! Она, когда за пальцами сидела, всегда пела! – а тут почему-то расстраивалась. Как только мультфильм закончился, я сразу полетел к бабуле. Спрашиваю: «Что случилось?» – а сам уже вижу: она плачет. Совсем потихоньку, конечно, чтобы я не услышал из другой комнаты. Но я ведь, раз прибежал, то

увидел! Бабушка молчит, на мой вопрос не отвечает – не хочет, ясное дело, внука огорчать. А я не отстаю, тереблю ее, чтобы сказала, почему горюет. Баба Настя слезы смахнула и показывает мне дрожащим пальцем на вышивку: «Гляди, Антонюшка. Узнаешь ли это место?» Я посмотрел и говорю: «Еще бы не узнать! Я там сто раз был, когда с папой летом в тайгу за глухарями ходил. Это лесное озерцо к северу от нашей деревни. Да, и берега у него такие же зеленые, все цветами поросшие. И сосны над ним точно так торжественно стоят, в воду глядятся. Вон, вижу, белочка на дереве сидит, озорно смотрит – их там и правда много! Ну ты, бабуля, мастер! По памяти, что ли, сумела летнюю красоту на свою картину перенести? У тебя же все как по-настоящему получилось, а ты плачешь. Почему?!» – «Потому, Антонюшка, – отвечает бабушка, – что у меня на озере-то рассвет наступает, а я его радости передать и не могу! Видишь, внучек: наверху-то картины теплое солнышко в розовых облаках над тайгой встает, а внизу от его лучей глубь воды искрами играет?» – «Вижу, – говорю, – это у тебя здоровски получилось!» – «И ничего не здоровски, – баба Настя снова заплакала, – потому как для выражения солнечного сияния нужны мне нитки золотые, а для передачи озерной прозрачности – серебряные. Их и немного тут надобно-то, а все ж без светлых точек не обойтись! Без них в моей работе жизни не будет, как я ни бейся. Но нитки эти, внучек, шибко дорогие. Не по карману они мне – да и родителям твоим тоже. Есть такие нитки у нас в магазине. А что толку? Не я одна давным-давно с грустью на них гляжу. Другие деревенские мастерицы тоже хотели бы их приобрести. Но стоят ниточки до того много! – не подступиться. Денег в семье немного. Сам знаешь, у меня пенсия крохотная. А у родителей твоих мне деньги на рукодельное баловство просить совестно. Значит, не бывать рассветной картине законченной. Жаль, а что поделаешь?» Махнула баба Настя рукой и вышла из комнаты. Я следом за ней выскочил: пора уж было уроки делать. И вот сижу я за столом, примеры решаю, а сам думаю: как бы мне бабушке помочь, добыть ей те нитки, из-за которых она плакала? Вдруг, сам не понял почему, встал у меня перед глазами мультик про горного мастера и хозяйку Медной горы. Я даже на стуле запрыгал от радости! Ведь эта хозяйка вон как помогала Степану малахит добывать! Приказчик со зла дал парню невыполнимое задание. Да еще поставили шахтера работать в самое сырое, бедное камнем место – а чернявая девушка устроила так, что он находил целые громадные глыбы малахита. Получается, что хозяйка Медной горы помогает людям дела! А моей бабушке золотые и серебряные нитки тоже ведь не для игрушек понадобились, а для завершения работы. Может, мне пойти к девушке, выполнить какое-нибудь ее поручение, а в уплату за работу попросить у хозяйки Медной горы металлических ниток? У нее ведь золота и серебра много, как и разных изделий из них. Вон какие украшения в малахитовой шкатулке подарила хозяйка Степану для его невесты Насти! Наверняка и нитки, нужные моей бабуле, у этой славной девушки есть. И не жадная она вроде: поди, не откажет мне в просьбе, если я ей хорошо послужу, как герои в сказках. Непонятно только, где мне эту хозяйку Медной горы искать?

– Да нигде бы ты ее не нашел! – не вытерпела я. – Мультик был снят по сказу Павла Бажова. А действие сказа происходит в Уральских горах, под Златоустом! Ты же, Антон, живешь в Сибири. И нет возле твоей деревни ни рудников, ни Медных гор...

– И вообще то, что ты видел, – фантастика, – пожалала плечами Ковалева.

– Сейчас я это понимаю, – вздохнул пончик. – А тогда мне только восемь лет было, я в сказки верил – и в сказы тоже. Сижу в задней избе, пишу упражнение по русскому, а сам думаю: в мультфильме лето стояло, хозяйка Медной горы, когда со Степаном встретилась, в блестящем платье была. Интересно, а как она зимой из горы выходит? Холодно же! Есть ли у нее шуба там и шапка? Наверное, нет. Она же волшебница, а не обычная девушка – тускло смотрелась бы на ней магазинная одежда. Значит, надо мне ждать весны, когда хозяйке Медной горы не зазорно будет в шелковом наряде во всей своей красе к людям выйти. Тут я ее и встречу!

– А что никакой горы рядом и в помине нет – о такой «мелочи» ты, Антончик, не подумал, – хихикнула Светка.

– Ну да, – вздохнул пончик. – Мне до того захотелось бабушке помочь – голова, вы не поверите, горела как в огне! – что я этого тогда не сообразил. Начал, помню, стихотворение учить – и не могу, потому что меня новая мысль вдруг посетила! С чего я взял, думаю, что хозяйка вот так возьмет и выйдет ко мне? Степан-то в мультике был взрослый, красивый парень. Она хотела замуж за него выйти, вот и показалась мастеру в лесу. А я для нее кто? Малявка-второклашка, совершенно девушке неинтересный. И что мне в таком случае делать-то, когда весна придет? Да хоть забегайся пацан по лесам, эту волшебницу ему ни за что не встретить! Я даже заплакал с горя, хотя уже и тогда знал: большим мальчикам, тем более школьникам, реветь не положено. Но потом сдержался, слезы вытер и думаю: а ведь выход-то есть! В мультике у хозяйки Медной горы было много слуг-ящерок. Да и сама она умела в ящерицу обращаться – только с короной на голове, потому что она, ясное дело, их царица! А я знал такое место в колке за деревней, куда лесные ящерицы любили по весне сползаться. Как только солнышко припечет, они проснутся, из норок выйдут – и на свою любимую полянку! Там лежат несколько плоских камней – вот ящерки на них залезают и греются, подняв головки. Вот где надо искать их повелительницу! – должна же хозяйка Медной горы встречаться со слугами, чтобы отдавать им приказы. Правда, я что-то среди тех ящерок не видел ни одной с золотой короной. Ну, конечно! Это, думаю, наверняка особый, редкий вид. Не могла же хозяйка Медной горы в обычную ползушку обращаться, каких по нашим лесам полно бегают! Обязательно должно быть серьезное отличие царицы ящериц от ее подданных. Это и есть корона. И тут я себя по лбу радостно хлопнул: дело-то, может, гораздо проще, чем я думал? Наша учительница, Лидия Алексеевна, всегда говорила так: «Не ленитесь, дети! В трудных случаях жизни обращайтесь к науке. Она дает ответы на многие вопросы. Для кого, вы думаете, написаны словари, справочники и энциклопедии, которые стоят на полках в школьной библиотеке? Для вас! Приходите туда чаще, читайте, просвещайтесь!» Я прикинул: в школе еще не закончилась вторая смена. Значит, библиотека работает. Если быстро собраться и побежать туда, можно успеть сегодня взять в библиотеке энциклопедию про животных с цветными картинками, сесть в читальном зале – на дом такие дорогие книги не давали – и отыскать в ней нужную мне ящерицу с короной на голове. Узнать, как этот вид называется, и все-все прочесть про него: где живет, чем питается, куда обычно прячется от врагов. Тогда уж я непременно найду место жительства Хозяйки Медной горы – и не придется мне выглядывать ее среди многих ползушек на теплых камнях! Я окрестные леса все насквозь исходил вместе с папой Валерой – он меня с пяти лет с собой на охоту брал – и знал местность как свои пять пальцев. И, уж конечно, поняв привычки и образ жизни коронованной ящерицы, понял бы, и где ее можно встретить! Ура науке! Я побежал в сени одеваться. А тут как раз бабушка со двора в дом заходит, охалку поленьев несет, чтобы в печь подбросить – холод-то стоял жуткий! Ну, она в избу с дровами, а я тороплюсь, ноги в валенки сую, шапку покрепче завязываю, чтобы по дороге в школу не поморозиться – у нас это зимой запросто случается. Оделся. Только дверь на себя потянул, а баба Настя уже назад в сени выскочила и спрашивает: «Куда это ты, Антонюшка, собрался бечь по холодку?» Я отвечаю, что, мол, в библиотеку, по срочному делу. Бабуля мне: «Нет, одного я тебя не отпущу. Вместе пойдем, а то уж дело-то к вечеру, да и морозно шибко. Как бы, внучек, беды какой с тобой не вышло!» Я, конечно, спорить не стал – некогда было. Да и обрадовался, по правде говоря, – до школы идти не близко, а с бабушкой-то всяко веселей. Она оделась побыстрее, и побежали мы с ней в библиотеку энциклопедию читать...

– И что? – уважительно спросил пончика Сашка. – Ты всю ее прочитал?

– Ну, всю-то только пролистал, – вздохнул Акимов. – Ящерки в короне в ней не нашел. Попросил библиотекаря достать мне с полок еще книги про животных, какие есть. Она мне три штуки выдала – толстые, тяжеленные, я еле-еле их себе на стол уволок. Библиотекаря

моей бабушке подмигнула – они вместе сидели, чай из самовара пили, – и говорит: «Основа-
тельный внучок у Вас растет, Настасья Терентьевна. Смотрите, как ребенок зоологией увлека-
ется. Наверное, большим ученым будет»,

– Конечно, будешь, Антоха, – подтвердил Иноземцев. – И не каким-нибудь «Черномо-
ром», а настоящим, серьезным биологом – это я уже понял.

Акимов грустно усмехнулся:

– Ну, может, это и сбудется – не знаю через сколько лет. А тогда я, ребята, сидел и чуть
не плакал. Три книги, что дала мне библиотекарь, упорно просматривал – но больше для
очистки совести. Просто я уже понял: не бывает ящериц с короной. Ну, кто им, диким живот-
ным, эту корону наденет? «Вот, – думаю, – напорол я сторяча семь верст и все лесом. Разве
может быть волшебница описана в энциклопедии? Давно известно, что наука и колдовство
противоречат друг другу, а потому нигде не пересекаются. Понятно теперь, что не видать мне
хозяйки Медной горы как своих ушей – ни в девичьем, ни в животном образе. И как я сразу
не дотумкал: ведь, даже превратившись в ящерицу, хозяйка не растеряет свой человеческий
ум и всегда успеет спрятаться от меня, уйти под землю – волшебнице это ничего не стоит,
при ее-то могуществе! Это она мне нужна, а ей – нет, второклашка восьмилетний. И так мне,
ребята, обидно стало! Значит, не встречусь я весной с хозяйкой Медной горы, не сослужу ей
службу, не заработаю бабе Насте золотых и серебряных ниток? Чуть опять не реву с горя!
Только потому и сдерживаюсь, что не хочу бабулю расстраивать. Она же сразу встревожится,
начнет спрашивать, почему я плачу? И что я бабушке отвечу? Что решил ей помочь ниток
добыть для завершения вышивания, а сам – бац! – и сдулся, и ничего из моей затеи не выходит.
Баба Настя тогда уж вовсе опечалится – и про работу свою опять вспомнит, и меня жалеть
начнет. Ну, я так, пару раз тихонько всхлипнул – не смог удержаться! – и сижу, дальше книги
листаю. Библиотекарша с бабушкой ничего не заметили – они смеялись над каким-то давним
деревенским случаем. А я чуть успокоился и внимательно взгляделся в картинки – как раз
в последней книге дошел до раздела «Пресмыкающиеся». Смотрю, а на рисунках – больших,
цветных – каких только змей и ящериц нет! Многие окрашены просто удивительно, и стран-
ная тайна в них сквозит, и древняя сила. А примерно за неделю до того дня учительница
рассказывала нам на уроке, что современные пресмыкающиеся – родственники динозаврам.
Тем самым, вымершим миллионы лет назад! Ну, досмотрел я рептилий. Начался раздел «Зем-
новодные». И первым в нем шли саламандры – такие смешные и беззащитные! Разглядел я
все их европейские виды, перевернул страницу и, честно, замер от радости. Передо мной был
восточноамериканский тритон – красненький, маленький и прозрачный. Я даже забыл, где
нахожусь, и как давай смеяться! – до того он мне понравился. Опомился, когда услышал,
что библиотекарша бабушке говорит: «Ах, Настасья Терентьевна, невозможно не умиляться,
глядя на Вашего любознательного внучка». Я вздохнул – легко мне стало, хорошо! – захлопнул
энциклопедию, сложил ее в кипу с остальными книгами и понес сдавать. Сказали мы с бабуш-
кой библиотекарше «спасибо» и «до свидания», оделись, вышли на крыльцо. Баба Настя уди-
вилась: «Ох, Антонюшка, как уже стемнело! Даже ступени плохо видно. Но ничего, дальше-
то мы с тобой по снежку побежим, а от него светло – небось не заблудимся! Дай-ка мне руку,
и идем скорей домой. Наверное, папа с мамой с работы пришли, беспокоятся, что нас в избе
нет – да еще в такой мороз!» Сбежали мы с крыльца и припустили по улице. Стынь, и правда,
стояла страшная, – даже деревья у соседей в палисадниках трещали от холода.

И вот осталось нам с бабушкой до дома пройти один небольшой переулочек. Свернули
мы в него с дороги, а тут... В общем, сидят на снегу и смотрят на нас две большие собаки – а я
их раньше у нас в деревне не видел. И, что странно, не рычат, не лают, а только водят по нам
в темноте глазами – они у псов зеленые и светятся! Бабушка сжала крепче мою руку и хотела
тех собак сбоку обойти. А они вскочили на ноги и как прыгнут к нам! И дальше приближаются
уже не торопясь, уверенно, будто так и надо. Баба Настя мне шепчет: «Волки это, Антонюшка.

Но ты не бойся, беги к дому и кричи погромче. А я их задержу!» До меня только тогда, когда звери в двух шагах от нас остановились, дошло, что это и правда волки. Один огромный, матерый, с мохнатым загривком. Второй тощий, остромордый – наверное, молодой. Бабушка меня в сторону толкает, чтоб я убежал. А у меня и сил нет! Стою, замер, как столб, смотрю в глаза зверям и думаю: «Конец!» Вот оба волчары напряглись и будто бы чуть назад подались. Примерились прыгать: молодой – на меня, старый – на бабушку. Я прямо обмер: так жадно худой зверюга в глаза мне уставился. Видно, они нас с бабой Настей уже между собой поделили. Но тут моя бабуля крикнула: «Кыш отсюда, негодники!» Те вроде бы вздрогнули, подобрались и повернулись к ней. Бабушка свой платок с головы – долой! Выскочила вперед, развернула в руках шаль да и накинула ее волкам на морды. И, вы знаете, звери замерли! Ну, словно бы окаменели на старте: собрались напасть, но силы их вдруг оставили. Наверное, растерялись волчары: как же так? Только что видели добычу, и вдруг она из глаз пропала, и наступила кругом непонятная темнота. Меня страх отпустил, и я рванул к бабе Насте. Она чуть обняла меня, потом схватила за руку, и мы побежали к дому! Но далеко утечь не успели: волки опомнились, зарычали, и давай наметом за нами! Я, ребята, четко почувствовал, как молодой мне в затылок дохнул – но тут выстрел: ба-бах! Я от вспышки ослеп и в снег сел: ноги от испуга подкосились. Бабушка плачет, кричит, а я не могу встать – отяжелел, будто куль с картошкой. Тут меня кто-то берет под мышки, встряхивает и голосом папы Валеры говорит: «Поднимайся, сынок. Все кончилось: пугнул я волков, и они ушли. Умные звери: понимают, что только ружья им и следует бояться. Сразу, как я пальнул, волчары отскочили от вас и давай Бог ноги – только поземка им вслед завилась! Небось уже до колка добежали и сидят там под березой, отдыхают». Я кое-как встал, взял папу с бабушкой за руки и поковылял с ними к дому – ноги мне будто ватой кто набил. Подошли мы к воротам, стали их открывать – тут и мама Марина с другой стороны бежит, кричит: «Валера, ты почему с ружьем? Зачем стрелял?» Мама в тот вечер в сельсовете задержалась. Она секретарем у председателя работала, и надо было мамуле срочно разобраться с какими-то документами. Папа потом сказал: к лучшему, что так получилось! В смысле, что он один, придя домой, с ума сходил от беспокойства: куда мы с бабушкой исчезли? Уж отец и к горке ледяной в соседнем переулке ходил: не катаюсь ли я по ней с друзьями, а баба Настя вместе со мной вышла воздухом подышать? И к ближним соседям заглянул: может, мы у них загостились? И вдруг, как папа сказал, его будто бы что-то в бок толкнуло: рядом опасность! Он от соседей рванул домой, быстро зарядил ружье и побежал искать нас. Оказалось, не зря его мучило предчувствие! Что там говорить: папа Валера подоспел вовремя! Если бы он не отпугнул волков, звери бы нас с бабушкой загрызли. Мама, когда мы ей дома все рассказали, сильно плакала! И повторяла: «Валерочка, ты молодец: не опоздал со своим ружьем. Настасья Терентьевна, Вы героиня. Это же догадаться надо было: шалью волков прикрыть! Как Вы к ним подойти-то решились? Это же страх какой: под носом у голодных зверей платком махать! Смелая Вы и находчивая, свекровушка моя дорогая. А уж ты, Антоша, за этот вечер благодаря бабушке и папе еще второй раз на свет родился. Видно, судьба была сегодня за тебя».

Ох, что было на следующий день, когда деревенские узнали о произошедшем! Как раз воскресенье наступило, и к нам домой шли целыми семьями: поздравляли с победой над волками, хвалили папу и бабушку, а меня гладили по голове и рассматривали, будто невидаль заморскую. Теперь вам понятно, как бабушкина шаль меня спасла? И почему я обрадовался, когда Страх увидел – он ведь мне показался старым знакомым! Платок нам на другое утро тетя Надя Черемнова принесла: волки встретили меня и бабулю возле их ворот, и шаль осталась там лежать. Баба Настя сначала удивилась, что звери ее не порвали, а потом вздохнула и говорит: «Наверное, некогда им было с моей шалкой разбираться. Волки за мной и Антониюшкой во весь дух понеслись, боялись добычу упустить. Ан не вышел у них номер: сынок мой старшенький сам с ними разобрался!» Улыбнулась радостно и вдруг побледнела, за сердце схвати-

лась. Папа с мамой усадили ее на стул, спрашивают, что случилось: до того дня бабуля никогда на сердце не жаловалась! А она вздохнула и говорит: «Очень я, деточки, вчера за Антонюшку испугалась. Думала, не быть живым внучку моему дорогому. Я, честно сказать, и к волкам-то кинулась сначала с надеждой, что они меня, старую, грызть станут, а малец в это время утечь успеет. Для того и платок с себя сорвала – чтобы легче было зверям до меня добраться. Голодные же оба, думаю, – вот и не утерпят, бросятся на еду, а Антонюшка спасется. Сама не знаю, как это вышло – по наитью, наверное, – что глаза-то им я шалью завесила, а они и притихли. Оказалось, к добру я это сделала! Только вот сердчишко-то мое, признаюсь вам, этой ночью сильно болело. Что ж, видно, и ему выходит срок». Родители мои руками замахали: что ты, мама, не думай о таком! Вылечишься, и все с твоим сердцем будет хорошо!

Но вышло все же по-бабушкиному. Лекарства ей не помогли. Прожила она после того случая только два месяца и умерла.

– Как жалко, – вздохнула Светка. – Добрая была у тебя бабушка и совершенно бесстрашная!

– Значит, вышивка так и осталась недоконченной? – спросила я.

– Почему это? – приосанился Антон. – Ты забыла, Костина: у бабушки был я!

– И что ты сделал? – хмуро поинтересовался Иноземцев.

– Да я в то воскресенье места себе не мог найти. Наши деревенские идут один за другим, поздравляют, радуются, что мы с бабушкой смерти избежали. Баба Настя кивает им, улыбается, рассказывает про вчерашнее – каждому же интересно точно узнать, как все было. А я-то вижу: бледная она, говорит через силу, дышит странно – со всхлипами. Мама ей то и дело что-то в воду капают и подносят. Как соседи за порог – бабуля за сердце хватается и к себе в спальню идет, падает там на кровать. А Мурка – за ней, ложится сверху прямо бабушке на грудь и урчит. Она у нас всегда так делала, когда кто-нибудь хворал – грела ему больное место, лечила по-своему, по-кошачьи. А я смотрел на это и думал: «Я один виноват в том, что вчера произошло. Понесло меня на ночь глядя в библиотеку! Хотел бабушке помочь, а получилось – навредил ее здоровью. Вон она как мучается, а мне, дурачку, все трын-трава! Сердце-то у меня молодое, крепкое – что ему сделается? Что ж получается? И ниток я бабушке у хозяйки Медной горы не заработаю; не придумал пока, как ее весной найти. И сердце бабе Насте теперь лечить надо – из-за меня, рохли! Не смог я сам с волками сразиться, растерялся, струсил!» Так я целый день себя ругал, плакал возле бабули, просил ее меня простить за вчерашнее, а она меня по голове гладила и шептала: «Не мучь себя, Антонюшка. Ни в чем ты передо мной не провинился. Иди-ка вон лучше стихи повтори, что в субботу учил. Завтра расскажешь, „пятерку“ получишь – вот мне и радость будет». Стихотворение мне, сами понимаете, на ум не шло, хоть я в угоду бабуле и старался, бубнил его на разные лады. Вечером начал складывать учебники в портфель. И тут мама Марина ко мне подходит, подает деньги и говорит: «Это тебе на завтраки в школу. Не забудь передать Нине Николаевне. Декабрь уже начинается. Надо было, конечно, раньше заплатить за твое питание, но никак не получалось: папе зарплату задерживали, только вчера выдали». Я сначала деньги машинально в кармашек положил, начал папку с тетрадями завязывать. И тут как подпрыгну от радости! Понял я, ребята, что запросто могу сам бабушке помочь – без всякой волшебницы. Ведь я имею право решать, кушать в школе или нет, правда? Деньги выданы лично мне – я ими и распорядюсь, потратив на доброе дело! Но надо было еще упросить Нину Николаевну, чтобы она не стала потом спрашивать маму, почему я не сдал деньги на питание и не хожу в столовую завтракать. Утром я прибежал в школу самый первый, чтобы наедине поговорить с учительницей. И успел рассказать ей все: и про бабушкину вышивку, и про хозяйку Медной горы, и про наш с бабушкой поход в библиотеку, и про то, что не нашел волшебную ящерицу в энциклопедиях! О происшествии с волками Нина Николаевна знала, а о болезни бабы Насти еще нет – как и о том, конечно, на что я хочу потратить свои деньги. Она меня очень внимательно выслушала. Потом спросила: «А выдержишь ли

ты, Антоша, целый месяц без завтраков? Я ведь знаю: покушать ты любишь. Обычно впереди всех в столовую бежишь. Нитки для бабушкиной мечты – дело благородное, и в этом я тебя готова поддержать. Но ведь придется всерьез поголодать! Готов ли ты к такому испытанию?» Я говорю: «Конечно, готов! Да бабе Насте сейчас, может, эти нитки еще больше в радость будут, чем раньше. Она вчера, как последний гость от нас ушел, легла у себя и уж больше не вставала – сказала, что больно ей двигаться из-за трепыхания сердца. А сегодня утром родители уехали в район за врачом. Перед их уходом я слышал, как мама просила бабушку соблюдать постельный режим и ничего по дому не делать. А баба Настя терпеть не может лодырничать! Так, может быть, пока она болеет, ей и останется только одна радость – вышивать. Представляете, Нина Николаевна, как тут мои нитки пригодятся? Да я ради бабули не только завтракать – и обедать бы отказался, лишь бы ей хорошо было! А голодать полезно – вон я какой толстый». Учительница покачала головой, улыбнулась и обещала ничего не говорить родителям. Я сразу после школы дунул в магазин, купил золотые и серебряные нитки – и домой! Прибежал. Мама с папой нет. Бабуля, как я и думал, лежит грустная-прегрустная. Оказалось, доктор уже был, выписал ей кучу лекарств и тоже, как и мама, не велел вставать. Бабушка говорит мне: «Как же я, Антоношка, целыми днями лежать буду? Не умею я этого. Предстоит мне скука смертная, а не жизнь!» И тут я – раз! – вынимаю из-за спины две катушки и подаю ей. Бабуля на нитки смотрит в таком восторге – даже дышать забыла! Я ей их в руки и вложил. Баба Настя смотрит на меня, улыбается, по щекам у нее слезы текут. Спрашивает: «Откуда ж ты, внучек, деньги-то взял на такой дорогой подарок? У родителей, что ли, попросил?» Я говорю: «Нет, ничего я у них не просил. Но ты не беспокойся: это были честные деньги. Я их не украл, в орлянку не выиграл. Так что вышивай на здоровье!» Взял со столика то полотно на пяльцах, иголку, ножнички и поднес ей. Бабушка засмеялась, поскорее вдела в иглу золотую нитку и давай работать! Я потихоньку вышел, чтобы ей не мешать. Минут через пять слышу: запела баба Настя! Вот тогда только мне легче стало: будто камень с души свалился.

Я забыла сообщить вам, дорогие читатели: за этим разговором мы уже давно прошли равнину и сидели теперь на берегу реки. Кирилл Владимирович, отдохнув по дороге на Санном плече, бодро вышагивал у кромки воды. Впрочем, взгляд его в это время не отрывался от Акимова. Иногда скворец одобрительно кивал рассказчику. Было совсем светло. Небо сияло над нами ровной голубизной. За рекой играл яркими красками восход. Но солнце почему-то все не показывалось из-за горизонта! Может, тоже ждало, пока Антон закончит свою историю? Светка с любопытством спросила:

– Ну, и какая получилась у бабушки картина?

Акимов горделиво усмехнулся:

– Необыкновенной красоты! Эти золотые и серебряные стежки углубили ее и оттенили, понимаете? Честное слово, лес, и озерцо, и небо над ними были как настоящие. Ну, будто бы их не баба Настя вышила, а какой-то великий художник нарисовал! Просто за душу брало, когда на ту картину посмотришь: словно бы тихий свет из нее струится, и нежность, и любовь. Бабушка три недели ее заканчивала, нам не показывала. И вот однажды – опять выходной, помню, был – позвала она нас всех утром к себе в спальню. Мы зашли. А бабуля сидит на кровати, счастливая такая, веселая, в новую кофточку нарядилась и даже губы подкрасила! Молча берет со столика сложенную вышивку и протягивает нам. Папа картину у нее принял, развернул бережно напротив света. Мы на нее втроем глянули – и тоже сначала слов не нашли. Стоим, любуемся на красу чудесную и только смеемся от радости, как маленькие. Потом, конечно, спохватились. Обнимать ее кинулись, целовать, поздравлять – такая у нас веселая суматоха поднялась! Поэтому никто и не заметил, что рядом с нами вдруг соседка тетя Галя оказалась – она забежала у мамы муки попросить: не хватило ей немного на олады. Двери у нас в деревне закрывать не принято – вот тетя Галя и вошла свободно. Слышит: шум идет из бабулиной спальни. Она туда. Поздоровалась степенно, как между соседями принято, сказала маме про

муку. Но – на картину глянула, которую папа Валера успел у окна развесить, чуть ее скотчем прихватив. Замерла тетя Галя, смотрит на нее – не шелохнется. Мы тоже молчим, не мешаем ей. Вот она налюбовалась досыта тайгой и озером, вздохнула и говорит: «Вы уж меня простите, соседи дорогие, если что не так. Но на подобное диво грех вам одним-то смотреть будет. Я сейчас пройду по деревне и всем расскажу, какую картину Вы, Настасья Терентьевна, руками своими золотыми вышили. Столь тонкого мастерства и неги, в вышивании разлитой, у нас еще никто не видывал – значит, пусть все о чуде, Вами сотворенном, проведуют! Беспокойство, конечно, будет вам, соседусшки мои, но ничего не поделаешь. Прощевайте пока, не могу больше бездельно стоять, ноги сами несут меня к людям. Встречайте вскорости гостей!» – и выбежала от нас, забыв, конечно, про муку. Папа Валера сразу в сарай за рейками пошел, чтобы успеть до того, как деревенские к нам явятся, рамку для картины сколотить, натянуть на нее вышивку и на почетное место в общей горнице на стену приладить. Мама начала прибираться, я – ей помогать. А Мурочка вспрыгнула на кровать к бабуле и давай ее за рукав с постели стягивать. Баба Настя засмеялась и говорит: «Ну, видно, и вправду не по чину мне сегодня в постели лежать. Придут люди на работу смотреть – а я их не уважу, не поговорю с ними светло и душевно? Помогите-ка мне, невестушка, встать да хорошенько приодеться. Встречу-ка я гостей в общей горнице, у стола в красном углу, как и полагается по обычаю». Ох, ребята, что было в тот день у нас в доме! Опять все деревенские явились в полном составе – исключая только параличных, те ходить не могли. Древние старики и старухи приплелись, малышей родители на руках принесли. И вы знаете, ребята, замолкали перед бабулиной картиной даже самые злущие теткы, которые до опупения о соседях сплетничать любят – есть у нас такие в селе, штук десять их наберется. Так вот, и эти балаболки вздыхали умильно и улыбались, на вышивку любуются. Настоящая демонстрация получилась, честное слово! Вечером директор клуба Юрий Викторович прибежал – он о том, что произошло, последний узнал, потому что уезжал на выходные к родне в Омск. Постоял перед картиной, благоговей, и говорит бабушке: «Позвольте мне, Настасья Терентьевна, выразить глубочайшее восхищение Вашим художественным талантом. Вот что значит истинный мастер своего дела! Счастливы теперь будут Ваши родные каждый день видеть столь бесподобную красоту. Но справедливо ли это будет? Искусство должно принадлежать народу. Так, может быть, Вы не сочтете за труд передать эту редкостную работу в дар клубу? Пусть и наши односельчане, и все приезжие в любое время приходят и смотрят на нее. Пусть радуются и возвышаются душой! Принимаете ли Вы, Настасья Терентьевна мое предложение?» А бабуля и говорить уже не может – только кивает в ответ, и улыбается, и плачет. Вдруг баба Настя закрыла глаза и повалилась со стула – кое-как успели папа с мамой ее подхватить. Юрий Викторович тоже поспешил помочь. Отнесли бабулю в спальню, уложили на кровать, нашатырем отходили. А она, отдышавшись, сразу говорит директору клуба: «Справедливо Вы, мил человек, молвили про мою вышивку. Пусть она в общественном месте висит, людей радует. Иди, Валера, с Юрием Викторовичем в большую горницу. Отдай ему картину». Папа вздохнул – но совсем легонько: жаль ему немного было с такой красотой расставаться. Я, ребята, тогда вместе с ними пошел – помогать вышивку со стены снимать. Боялся: вдруг зацепится полотнище за гвоздь да порвется? Тогда и бабе Насте, и нам, и всей деревне настоящее горе будет! И вот, когда мы с папой убрали картину со стены, в комнате сразу будто свет погас. Пусто в ней и как-то глухо стало. Но делать нечего: вздохнули мы, завернули вышивку в газеты, обмотали скотчем для надежности и вручили директору клуба. Он сказал: «Спасибо, вы очень любезны!», пожал нам с папой руки, попрощался и ушел с картиной. Уже на другое утро ее повесили в клубном фойе – там большие окна, простор, воздуха много, поэтому на бабулиной работе каждый лучик засиял, каждый стежок нежно заиграл. Слух о ней быстро долетел до Омска, а потом и до Москвы. Приезжали разные комиссии. Ученые дяденьки и красивые тетеньки ахали, глаза закатывали и очень просили уступить им вышивку: кто на время – на выставке ее показать, а кто и продать насовсем за большую цену.

Но Юрий Викторович на их уговоры не поддавался, стоял на своем: это, мол, Настасья Терентьевна нашим односельчанам подарила, а значит, быть картине в клубе – и точка!

– А бабушка? – тихо спросила я. – Ей-то понравилось, как поместили ее работу? Приятно было Настасье Терентьевне, что посмотреть на картину ездят издалека?

Антон вздохнул:

– Бабуля с того вечера уж больше не вставала. Поэтому не могла видеть, где именно в клубе ее вышивку повесили. А про комиссии из разных городов, которые хотели увезти из деревни картину, я ей рассказывал. Она на это улыбалась весело, головой качала. Но не удивлялась славе своей работы: знала ей цену. Бабушка слабела и слабела. А где-то за неделю до смерти подозвала маму к себе и говорит: «Мариша, я уйду от вас скоро. Одежду умершего принято за упокой его души соседям раздать. Так вот помни: шаль свою, которой я Антонюшку от волков уберегала, себе возьми. Ты теперь одна хозяйкой в доме остаешься. Значит, тебе, хранительнице семьи, и платок мой носить предстоит...» Бабушка маме еще что-то говорила, но я с горя не мог дослушать из соседней комнаты – убежал во двор. И тогда, и потом не хотел верить, что баба Настя умрет. Считал, что она обязательно выздоровеет! Как это может быть, думаю? Я, мама, папа – мы будем жить, а она, добрая и милая, – нет? Дальше вы знаете. Я уже рассказывал, как бабуля со мной перед смертью прощалась: детство свое военное вспоминала и пионерский галстук дарила. Мама сделала по-бабушкиному: шаль ее себе оставила. Носила она тот платок с гордостью, любила его. Я тоже после смерти родителей в месяцы, оставшиеся до пожара, часто галстук из стола вынимал и гладил, бабу Настю вспоминал. Ну, вы знаете: дом-то надо было протапливать. Вот я и перебирал иногда знакомые вещи – будто при этом рук мамы, и папы, и бабули касался... Но все это сгорело, ребята, вот что страшно! Одна лишь картина в клубе от моей бабушки и осталась. Но ее оттуда взять себе на память нельзя, сами понимаете. Она – общественная, нашей деревне бабушкой завещанная.

– Картина – это, конечно, прекрасно, – сказала я. – Но она – не единственная ценность, которая осталась на Земле от твоей бабы Насти.

– А разве есть что-то еще? – удивился Акимов.

– Не *что*, а *кто*, – Ковалева ласково потрепала пончика по затылку. – Это ты, Антон, – ее обожаемый и единственный внук. Бабушка тебя чудом от волков спасла – можно сказать, сердце свое внучонку отдала и ни капли о том не жалела! Мне кажется, баба Настя, Антон, для любви и для красоты жила.

– И тебе, между прочим, то же завещала, – кивнул Иноземцев. – Я помню, она говорила: нет большей радости, чем другим что-нибудь от души дарить.

Акимов загорячился:

– А я по-твоему, Ковалева, жмот упертый? Вот хочешь, Санек, сейчас пиджак сниму и тебе отдам? Да я для друга – все, что могу!

Мы со Светкой фыркнули: надо же, как карапуз раздухарился! Ведь не столь давно, помнится, он утверждал: дружба дружбой, а табачок врозь. И важно цитировал высказывания своего дяди Коли – крутого бизнесмена, который внушал племяннику: дружить надо только с тем, с кем выгодно.

– Нет, Антоха, не хочу, – ответил Саня. – Осень стоит. От реки холодом потянуло. Замерзнешь ты в одной рубашке, а я не зверь. Но за предложение спасибо.

2. Несмешной Потешный городок

Пончик снова накинул уже снятый пиджак и улыбнулся. Мурлышенька потерлась о его ногу, подняла глаза к небу, тревожно мяукнула. Мы с подружкой проследили за ее взглядом и ахнули: над горизонтом за рекой показался ярко пылающий край солнца. Иноземцев хмуро кивнул:

– Да, девчонки. Восход уже начался, а мы до сих пор здесь! Ну-ка, взяли ноги в руки и быстро двигаем в Пресбург! Где он находится, Кирилл Владимирович?!

Бабочки, отдохавшие на наших руках, подхватились от Сашкиного крика и не спеша полетели над водой к другому берегу.

– Что это значит? – удивился Акимов. – Там находится Потешный городок? Но у нас нет лодки, чтобы перебраться через реку!

– Подумаешь, какие мы нежные, – усмехнулся Саня, сбрасывая на землю пиджак. – И так переплывешь, саженками. Речка неширокая, течение слабое. Правда, вон там, сбоку, виден какой-то большой спокойный разлив – ну да нам он до лампочки. Мы здесь, где поуже, форсируем водную преграду – а может быть, и вброд ее перейдем! Девчонки, отвернитесь. Мы первые с Антохой разденемся, свяжем одежду в узлы, поднимем их над головами и войдем в реку. Тогда я крикну, что вам можно повернуться назад и тоже готовиться к форсированию. Вы скатаете одежду, как мы, и поплывете следом. Когда будете уже близко от того берега, закройте глаза и добирайтесь до него вслепую: вдруг мы с Тохой еще не успеем одеться? Там наверняка мелко будет, не утонете. Мурлышенька, тебе придется ехать, обернувшись вокруг Антохиной шеи – ты же кошка и плавать точно не умеешь. Кирилл Владимирович, как Вы? Сможете перелететь через реку сами? Или сядете мне на голову, и я Вас постараюсь очень аккуратно перевезти на тот берег?

Скворец выслушал Иноземцева с большим удовольствием.

– Что ж, Александр, – сказал гид, – отдаю должное твоему тактическому мышлению: ты мгновенно разработал план, как большой компании переправиться через реку. И, главное, ничего не упустил из виду: учел даже мои старческие недуги и великодушно предложил усталой птице помощь.

– Значит, Вы одобряете план операции? – просиял Иноземцев. – Тогда действуем! Девчонки, отвернитесь. Антоха, раздевайся!

Скворец радостно встряхнул крыльями:

– Не торопитесь, ребята! Дело обстоит проще, чем вы думаете. Просто Нелживия проверяла вашу принципиальность в борьбе за правду: не убоитесь ли вы возникших препятствий, не передумаете ли из лени защищать Афанасия от клеветы? Поэтому страна пока скрывала от ваших глаз некоторые подробности местного ландшафта. А вот теперь они проявились! Посмотрите вперед, друзья! Что вы видите перед собой?

– Мост, – удивился Антошка. – И вон там, справа, еще один! А мы тут вплавь собралась на ту сторону плюхать. Побежали быстрее, солнце уже наполовину поднялось! Только скажите, Кирилл Владимирович, по какому мосту надо идти, чтобы попасть в Пресбург?

– Тот, что в отдалении от нас, ведет к конюшням, – ответила птица. – Вон, посмотрите, к нему подъехали телеги с сеном и овсом. Это доставка корма для лошадей Потешного городка. А мы с вами здесь переправимся. Вперед, ребята! Времени больше терять действительно нельзя: в Пресбурге уже бьют барабаны, и войска юного царя строятся рядами на утреннюю поверку.

Мы заспешили с берега вниз, ступили на колеблющийся мостик и побежали по нему на противоположный берег. Кошка мчалась нога в ногу со своим хозяином. Кирилл Владимирович сидел на Санином плече и зычно командовал:

– Осторожно, не оступитесь! Сами видите: переправа шаткая, без перил, и можно на полном ходу слететь с нее в воду!

– Скажите, пожалуйста, а что это за вода? – запыхавшись, спросила у скворца Ковалева. – В смысле, через какую реку мы сейчас перебегаем?

– Через Язу, Светлана. Даю тебе историческую справку. Прошлой осенью, то есть в сентябре-октябре 1684 года, к востоку от Старого Преображенского дворца, на правом берегу Язы, начали строить Потешный городок для военных игр юного царя. На острове, образованном изгибом реки и озером-старицей, возвели потешную крепость. Устройство ее крайне просто: там имеются две жилые избушки, а вдоль бревенчатого забора – возвышения для орудий.

– Ух ты! – восхищенно присвистнул Сашка. – Это ж как здорово в войну играть можно! Все, что надо, имеется: артиллерийские расчеты и штаб. Повезло пацану.

Я рассмеялась:

– Это ты про Петра? Ну да, пока еще ему везет: забавляйся со старшими мальчишками сколько влезет, води их в строю под барабан, штурмуй понарошку крепость. Но через четыре года, если ты не забыл, молодой царь едва не лишится не только короны, но, может быть, и самой жизни. Ведь если бы Софье Алексеевне удался переворот, Россия так никогда и не узнала бы царя-реформатора Петра Великого!

– Но он был умный и крутой пацан, – сверкнул на меня глазами Иноземцев. – Обставил свою сеструху, запер в монастыре. Так ей и надо, дуре!

Скворец на его плече неудержимо захохотал:

– Ох, Александр! Нет у тебя ни капли почтения к ныне правящей особе. И страха перед ней нет. Это хорошо, конечно. Вот что значит внутренняя свобода нового, непоротого поколения 21 века! Однако, мои дорогие друзья, мы уже почти пришли. Смотрите, впереди Пресбург, а перед его воротами – множество гостей, желающих попасть внутрь крепости. Антон, мы с тобой – и, конечно, вместе с Мурлышенькой – должны оставить ребят, чтобы не выдать их приближение к городку. погоди, я перелечу на твое плечо. Так. Теперь сворачиваем с дороги направо. Вон там есть безопасное место, где ты можно спрятаться. Идем скорее. Смотри, на нашу группу уже обратили внимание двое господ – вон они стоят, спешившись возле своих коней. Это, как ты понимаешь, может быть очень опасным для ребят.

Акимов зарысил направо. Мурлышенька по-прежнему бежала рядом с ним. Черная птица, покачиваясь на Антошкином плече, что-то тихонько говорила пончику на ухо. Вот они втроем нырнули за буйно разросшиеся рядом с дорогой кусты, покрытые разноцветными листьями. Двое осанистых вельмож у ворот Пресбурга, пристально наблюдавших за нами, пожалы плечами и заговорили между собой. Значит, они потеряли всю компанию из виду!

– Отлично, – обрадовалась Светка. – Теперь мы можем свободно перемещаться среди местных жителей. Никто не заметит семиклассников, прилетевших из 21 века!

Я усмехнулась:

– Ага. До тех пор, пока Акимову не надоест сидеть за кустами, и он не прибежит в городок, чтобы с нами пообщаться.

– Я думаю, не должен, – авторитетно заявил Иноземцев. – Оказалось, Антоха не слабак. Умеет, если надо, вовремя просечь фишку и решить вопрос по-пацански! Мне кажется, он своих друзей не предаст.

Мы подошли к Пресбургу. Что и говорить, это было внушительное сооружение! Высокие стены, сложенные из огромных бревен. Крепкие тесовые ворота наглухо закрыты. Из-за них доносится барабанная дробь и командные крики. Получается, построение уже в разгаре! И правда: солнце заметно поднялось над горизонтом и заливает окрестности ярким светом. Сколько вокруг коней, карет, возков и телег! Рядом стоят оборванные слуги: оседланных лошадей держат под уздцы, запряженных в экипажи – глядят, похлопывают по бокам, расчесывают

животным гривы и хвосты. Ага, вон и Дормидонт Ильич скромно притулился к забору слева. В тени не видна его подлая жабья оболочка. Моя подружка фыркнула, разглядывая живоглота:

– Надо же, стоит себе, бороду поглаживает, как нормальный человек. Нас вроде бы не замечает. Любой посмотрит и скажет: отец соскучился по сыну, пришел его проведать. А нежный папаша сейчас, небось, только и думает, что о двадцати рублях, обещанных Афанасию за ложь. Мечтает поскорее сгрести их зелеными лапами и прижать к сердцу.

Мы с досадой отвернулись от Дормидонта. Народу-то, народу перед воротами! Чванные, богато одетые бояре. Строгие бородачи с бумагами под мышкой и чернильницами, привязанными у пояса. Они в кафтанах поскромнее – наверное, это дьяки и подьячие. Но почему-то никого из посетителей не пропускают в городок! Мы, скрытые от посторонних глаз, могли бы сейчас легко пробраться в Пресбург в общей толпе. Только как это сделать, если ворота не открывают?! Через высоченные стены нам не перелезть, а время не ждет!

Из-за левого угла крепости послышался отчаянный плач и звуки ударов. Низкий голос со сдерживаемой яростью забубнил:

– А ты как думал? Твой отец у меня в позапрошлом годе денег занял – якобы тягло заплатить – и не отдал! Продал сыночка в закладники за давний долг – вот теперь терпи, терпи, терпи!

Опять свист плети. Ребенок, захлебываясь, тонко визжал под ударами.

– Что там происходит, князь Иван Борисович? – спросил кто-то сзади нас.

– Да не беспокой себя понапрасну, Борис Алексеевич. Обычное дело: Федька Шакловитый опять своего ростового холопа *учит*, – равнодушно ответил вельможе собеседник. – Каждый раз боярин, сюда приезжая, хлещет ребятенка беспощадно – уж не знаю, за какие вины. Только, слышь, толку в этом я вижу немного: холоп-то уж больно мал, на вид не старше семи годков. Ну, что подобному крохе внушить можно? Проплакался он, встряхнулся, да и сразу забыл господское поучение по своей детской глупости.

Мальчик продолжал кричать, и слушать его стоны было просто невыносимо! Переглянувшись, мы бросились бежать за угол крепости, чтобы прекратить истязание малыша – правда, еще не представляя, как мы это сделаем, но прекратить немедленно! Пробиваясь сквозь толпу, мы слышали удивленные возгласы:

– Эй, кто тут толкается?

– И нас тоже зашибли.

– Вот невежи!

«Сами невежи! – возмущенно думала я. – Причем жестокие и бесчувственные. Рядом бьют ребенка, а вы стоите себе как ни в чем не бывало и спокойно болтаете. Ну, хоть бы кто-нибудь заступился за несчастного!»

На всех парах мы залетели за крепостную стену. Здоровенный мужчина, потряхивая кудрями, одной рукой держал за шиворот вырывающегося мальчика, а другой размеренно бил плеткой по детским плечам: пах! пах! пах! Рядом с негодеем притоптывала, охваченная высокими языками пламени, алая ящерица. Толстая, раздувшаяся от сытости, она была ростом Шакловитому по плечо. Передними лапами Жестокость раздирала Федькину грудь, а зубами выхватывала и судорожно глотала куски его сердца. Расшитый самоцветами белый кафтан злодея был залит кровью. Возле нарядной кареты, у входа в которую и происходила порка, спиной к нам стояли какие-то люди – на вид подростки. И тоже, представьте, даже не думали вмешиваться в этот ужас – настоящие истуканы! Отшвырнув в сторону мальчишек, мы подскочили к мерзавцу. Сашка вырвал у него кнутик и, размахнувшись, забросил через стену Пресбурга. Шакловитый изумленно икнул, проводив глазами улетающую плетку. Ящерюга оглянулась на Иноземцева и грозно рыкнула на него. Саня в ответ наступил ногой рептилии на хвост, накрепко прищемив его к земле. Жестокость зашипела от боли, вырвалась от нашего друга, прыгнула в воздух и, вся в бледных сполохах, умчалась за горизонт. Светка залепила садисту

подзатыльник, а я сбоку пнула его так, что Федька отлетел к карете, въехал головой в распахнутую дверцу, стукнулся об нее и затих. Малыш, радостно всхлипнув, подтянул сползающие штанишки и бросился бежать.

– Вот как надо действовать, новобранцы! – рявкнул откуда-то знакомый голос. – Учитесь боевому духу у взвода Кирилла Владимировича! А то стоите, глазами хлопаете, как сонные овцы. Будьте бойчее, ясно?

– Ясно, – уныло протянули в ответ Шукин и Мухин, – это были, представьте, они!

Но где же, интересно, их командир? Страус – птица крупная. Так просто ей не спрятаться! Ага, вот и Савва Романович, – над крышей экипажа показалась его голая макушка, следом – большой блестящий глаз. Птица обвела им окружающее пространство и выпрямилась во весь свой немалый рост. Значит, прапорщик хоронился за громадной каретой жестокого Федьки! Только зачем? Акимова-то рядом нет – значит, никто из местных жителей и так не заметит страуса. Странно! Распушив черно-белые перья, Савва Романович вышел к нам и одобрительно гаркнул:

– Молодцы, Саша, Света и Ира! Объявляю вам благодарность перед строем!

– А чего Зема с ботаничками в наше дело влезли? – надул губы Ленька. – Кто их просил?

– А того, – ехидно ответила птица, – что кое-кто здесь позорно струсил перед фашистом, избивающим ребенка. И вместе еще с кое с кем не торопился заступиться за мальчугана!

– И вовсе я не испугался, – сказал Щука и вдруг – о чудо! – густо покраснел.

В утреннем воздухе сооткался огромный серый слепень. Он с налета ударил Леньке в глаз и, раздраженно жужжа, скрылся за стеной. У Щуки над веком тут же налилась багровая шишка. Глаз его заплыл и вспух.

– Так тебе и надо, – удовлетворенно кивнула Ковалева. – Не будешь врать!

– А почему мы вообще должны были за него заступаться? – пискнул Мухин. – Мало ли кого лупят? Такое часто бывает. Подумаешь, мелкий слюнтяй, неженка-мороженка! Потерпеть, что ли, нельзя?

Птица грозно подняла лапу:

– Можно, разумеется, и даже нужно! – если попадает за дело. Иногда я, например, по справедливости наказываю вас, новобранцы, за трусость или подлость. А малыш, поверьте, ни в чем не виноват. И ваш мужской долг – заступиться за него, чего бы вам это ни стоило! А ну, рядовые, сми-ирно!

Пашка с Ленькой поспешно вытянулись и задрали вверх подбородки. Страус рявкнул:

– Слушай мою команду! Громко и внятно повторить пословицу, которой я вас научил!

– Солдат ребенка не обидит! – проныли мальчишки.

– То-то же, – вздохнул Савва Романович. – А вы его обидели – своим бездействием.

Птица постучала когтистым пальцем сначала по Ленькиному, потом – по Пашкиному затылку:

– Взво-од, подтянись! Отвечайте: я вам скомандовал идти в атаку на врага?

– Так точно, товарищ прапорщик! – отчеканили мальчишки.

– Почему же вы не исполнили свой воинский долг?

– Потому что Вы с нами не пошли, – пробурчал Мухин, – а мы не знали, как этого дядьку атаковать.

– Балбесы, мямли косорукие! – рассердился Савва Романович. – Чему только я вас учу? Во время наступления командир не может постоянно находиться рядом с каждым подчиненным! Задача старшего по званию – направлять общий ход боя. Я затем и скрылся за каретой, чтобы не мешать взводу проявлять инициативу! Вы, получив команду, должны были дальше действовать самостоятельно. И добиваться исполнения приказа во что бы то ни стало! Где были ваши бодрость, смелость и солдатская смекалка, отвечайте?

Я рассмеялась:

– Они остались лежать под кустом в нашем дворе. Ведь именно там Ленечка с Пашечкой смело нападали на малышей и девчонок.

– Бодно обзывали их и вовсю метелили, – продолжил Сашка.

– А потом смекали, как побыстрее сбежать с поля боя, чтобы не попало от родителей обиженных детей, – презрительно добавила Ковалева.

– Э-э-э... – ошеломленно переглянулись Щукин и Мухин.

Впрочем, возражать нам они не решились – да и что мальчишки могли бы провякать в свое оправдание здесь, под присмотром Нелживии, сурово карающей за любое вранье? Ведь мы сказали правду!

Издали послышался детский крик:

– А-а-ай! Помогите! Она бешеная!

По дороге, пролежавшей вдоль стены крепости, несся назад маленький холоп. Шагах в двадцати за ним бежала лохматая собака. Пес догонял ребенка. Животное высунуло из пасти длинный язык. С него в дорожную пыль текла слюна. Собака тяжело дышала. Ее глаза блуждали по сторонам, ноги подкашивались, но псина не прекращала преследования своей жертвы.

– Взво-од, смирно! – рявкнул Савва Романович. – Слушай мою команду: живо набрать камней!

Щукин и Мухин, присев на корточки, выполнили приказ.

– Теперь за мной, короткими перебежками, кидая камни в собаку, но не попадая в нее, – вперед!

Страус выкатил глаза и громадными прыжками помчался по дороге. Мальчишки, пуляя камнями, устремились за птицей. Ребенок не заметил своих спасителей и резво пробежал мимо них. Животное, отскакивая от падающих рядом булыжников, поневоле замедлило движение. Собака увидела прапорщика с подчиненными и удивленно мотнула головой. Затормозив, псина попыталась сесть. Но она была слишком измождена для такого простого действия. Собака взвыла, повалилась на дорогу и стала биться в конвульсиях. Мальчик в это время, едва не сбив нашу компанию с ног – хорошо, что мы догадались посторониться! – поравнялся наконец с каретой. Ребенок забрался в нее прямо по лежащему через порожек Шакловитому и попытался захлопнуть за собой дверцу. Понятно, что из этого ничего не получилось: отгородиться от опасности мешало тело Федыки. Ребенок опять заплакал – теперь от бессилия! – и принялся трясти Шакловитого за плечи:

– Боярин, а боярин, очнись! Давай закроемся от собаки, а то она нас обоих заест!

Тот не шевелился. Впрочем, мальчик расстраивался зря: животное на дороге уже затихло и перестало дергаться. Похоже, оно сдохло. К карете возвратился прапорщик вместе с запыхавшимися мальчишками. Ленька и Пашка сияли, торжествуя поглядывая на нас. Птица вскинула голову и крикнула:

– Взво-од, стройся!

Наши давние враги торопливо встали плечом к плечу и подравнялись. Страус, радостно взмахнув крыльями, сказал:

– Рядовые Щукин и Акимов! Приказом по взводу объявляю вам благодарность за проявленные в атаке быстроту и храбрость! Собака действительно оказалась бешеной. Но вы, не испугавшись ее, пошли в наступление и задержали бег больного животного. Малыш спасен. Боевая задача выполнена.

Что ж вы думаете? Ленька и Пашка расплылись в улыбках! Мало того: мальчишки выкатили грудь колесом и гаркнули:

– Служим России!

Мы с сомнением переглянулись: не слишком ли много берут на себя эти типы? Особенно учитывая, что они пока еще и не солдаты! Дурачки ненадолго стали ими только здесь, в Нелживии – да и то по милости Саввы Романовича. А отвечать, смотрите, дурачки научились,

как настоящие армейцы! Но страус, похоже, не возражал против их отклика на объявленную благодарность. Вид у птицы был довольный. Ну, что ж. Если Савва Романович считает, что все происходит правильно, я тоже, пожалуй, воздержусь от ехидных замечаний в адрес мальчишек. И, по правде говоря, маленького раба они и в самом деле выручили из беды – с этим не поспоришь. Ладно уж, пусть радуются!

Ребенок внезапно замолчал – мне показалось, от испуга. Мы оглянулись на карету. Вот оно что! Жестокий Федька пришел в себя, сполз по ступенькам наружу и сидел теперь в пыли, хлопая глазами. Вот его взгляд упал вниз, на перепачканный кровью, изорванный кафтан. Злодей вздрогнул, вскочил на ноги и начал озираться по сторонам. Потом обошел карету, заглянул под нее. Облегченно вздохнул. Спросил в открытое оконце экипажа:

– Андрюшка, ты здесь?

– Здесь, боярин, – всхлипнул мальчик. – Жду, чего прикажет твоя милость.

– Ты никуда не отходил?

– Нет, боярин. Ты ведь запретил мне отбегать от кареты больше чем на пять шагов.

А ежели ослушаюсь, сулил на конюшню отправить, чтобы розгами выпороть, – ответил ребенок с настороженной хитростью загнанного зверька. Конечно, дитя не могло признаться злему господину в том, что недавно пыталось убежать от него! Ведь это впоследствии означало бы для малыша неминуемую расправу на конюшне. – О-о-ой!

– Чего пищишь, постреленок? – с подозрением спросил Шакловитый.

– Да словно бы, боярин, комарик малый меня в губу укусил, – ответил Андрейка. – Я по нему хлопнул, смотрю – а никакой мошки и нет. Верно, она в окошечко вылетела.

– Вот дурень, – лениво протянул из-за экипажа Федька. – Ну, разве бывают осенью комары?

– Сам дурень! – крикнула я. – Из-за твоей жестокости ребенку приходится врать. А Нелживия малыша за это наказывает, хотя надо бы, по справедливости, его господина!

– Кто-о тут смеет на меня, главного советника царевны-государыни, рот разевать?! – в бешенстве заорал Федька, выскочив из-за кареты. – Да еще продерзостно о справедливости рассуждать, кой нет и не было на свете?

Не увидев «оскорбителя», мерзавец опустил поднятую для удара руку и удивленно крикнул. Продолжая осматриваться, спросил елейным голоском:

– Так, стало быть, Андрюшенька, ты отсюда вовсе не отлучался?

– Нет, боярин. А-ах... Вдругорядь комар кусается!

– Тогда ты, значит, ведаешь до скрупулезности, что здесь произошло. Ну-ка, вылезай наружу! Стань насупротив. Смотри мне в глаза. Так. Отвечай теперь немедля: кто на мне кафтан подрал и крючьями железными грудь мою истерзал до крови? Кто у меня плетку вырвал и за стену забросил? Почему я без памяти оказался, головой в карету посунувшись?

Мальчик упал на колени и умоляюще сложил ручки:

– Не прогневайся, боярин, смилуйся над нерадивым холопом! Упустил я из виду обидчиков господских. Только помню: возле тебя в ярком полыме красная гадина мелькала. Ух, и когти у нее были – каждый будто мой мизинец! И еще очи круглые эта нежить зело страшно выпучивала – они светились, точно огненные плоски.

Шакловитый что-то промышчал. Наклонился к Андрейке, с притворной лаской погладил его по голове. Проговорил вкрадчиво:

– Ну, полно, холоп мой верный. Встань. Не сержусь я на тебя.

Ребенок, бросив на своего владельца недоверчивый взгляд, поднялся на ноги. Впрочем, он тут же отступил на всякий случай подальше: очевидно, малыш успел хорошо изучить коварный нрав Федьки. Шакловитый кашлянул:

– Ты вот что, Андрюшенька. Я тебя, конечно, бью иногда. И тут ничего не поделаешь: таково исстари повелось. Господин, как известно, завсегда прав, а его раб – виноват. Но ты

на меня зла не держи. А самое главное – никому в доме, как вернемся, не сказывай про ту гадину, что здесь видел. Иначе донесут в Аптекарский приказ о сотворенном якобы Феодором Леонтьевичем колдовстве, и плохо будет нам обоим! И господина на дыбу подвешат, будут драть раскаленными щипцами, и раба его не пожалеют. Так что держи рот на замке! Понял?

– Понял, – дрожа, ответил маленький холоп и отступил еще дальше.

– А бью я тебя от сокрушения сердца, – продолжал негодяй, – потому что не могу спокойно переносить несправедливость жизни. Вот скажи, чем я хуже надменных московских бояр? Они ведь глупы, и ленивы, и неповоротливы. Только и радости у этих увальней – надев шубы да шапки горлатные, в кремлевских покоях от жара упревать, в надежде на царевнину милость. Или еще между собой спорить, кто из них древнее родом и кому, стало быть, надлежит на пирах да на советах ближе к царям сидеть. Что и говорить, олухи! Боярство наше – зяблое дерево. Никакой пользы от него нет, один крик да гордыня непомерная. А я-то и ловчее их, и живее умом, и быстрее в делах. Оттого государству Московскому от меня большой прок, ибо я завсегда нужды его и выгоды наперед рассчитать могу. Да и посоветовать, как водится, могу государыне Софье Алексеевне, что следует предпринять в том или ином случае. Конечно, собственную выгоду я тоже умею соблюсти, хе-хе! Зря, что ли, жалован был за верную службу государями Московскими? Дарованы мне были и чины высокие, и поместья богатые. Последнее имение, на Брянщине, получил недавно от царевны-государыни совместно со званием думного дворянина – еще и двух лет не прошло с того радостного дня. Это ли не отличие, не почет?! А князья да дворяне знатные все же нос дерут передо мной, смеются, худородным называют, выскочкой пустомельным! Просто, ты понимаешь, кровь закипает от ярости из-за этакого презрения к мудрому советнику государыни! Я же повинен только в том, что не из князей столичных вышел, а из брянских детей боярских! Не утрудились мои пращурь при возвышении Москвы в столицу переселиться да к царям русским вовремя подольститься – а я страдай! Вот так, холоп мой Андрюшка: в бедах детей всегда отцы бывают виноваты. Взять хотя бы и твоего родителя. Ткач он умелый, сукна выделывает добрые. Да угораздило же незадачника прошедшей зимой забрести в кружало и хлебнуть там лишнего! Ну, и не дошел простак до дома, упал в снег и заснул. Утром стража его нашла, подняла, домой направила – но что толку! Застудился глупец на морозе. Стали его лихоманки жаркие трепать – еле выжил твой отец. Три месяца пластом пролежал, ничего не соткал. Понятно в таком разе: откуда ж ему было взять денег, чтоб заплатить в казну тягловый налог? «Пришел ткач ко мне бить челом: „Займи“, – говорит, – немного, уважаемый Федор Леонтьевич. Иначе предстоит мне вместе с многочисленным семейством по миру идти. А к Троице я тебе, дескать, долг с выросшими деньгами всенепременно верну». Ну, я дал. Да только не сумел слободянин к лету достаточно поработать, чтобы деньги в срок вернуть – вельми слаб был после болезни. Все кашлял да за грудь хватался – какое уж тут ткачество? И ничего другого не оставалось твоему отцу, Андрюшка, кроме как привести сына в терем да в холопы и запродать, пока я не потребовал в Дворцовом приказе описать ваш дом и имущество. Иначе: прощайте, мои денежки! Ух, я в таких случаях очень строг бываю и справедлив: обязался что-то исполнить – значит, сделай, хоть в лепешку расшибись! Сам твой родитель в холопы ко мне пойти не мог: тогда семья ваша вся сгилла бы от голода. Получается, через кого ты, дитя, кнута получаешь безвинно? Через родного же отца. Потому и терпи кротко, бессловесно побои нещадные – вот как сегодняшней, скажем. Ибо надо же мне на ком-то злобу срывать! Каждый раз, когда приезжаю я в Потешный городок по поручению благодетельницы моей, царевны-государыни, обязательно выношу на себе высокомерие княжеское да боярское. Сквозь зубы нынче у ворот поздоровались со мной Черкасский, да Троекуров, да Голицын! Ну, и взыграло во мне ретивое, и высыпал я тебе горячих от души. Но ведь сие справедливо, Андрюшка! Рассуди сам: почему я через своих незадачливых пращуров должен мучиться, а ты через твоего отца – нет? Нехорошо получится, нечестно!

Мальчик в ответ на это подлое заявление прижал ручонки к глазам и заплакал. Изпод кареты к Шакловитому метнулось рыжее пятно. Мерзавец отчаянно замахал руками и словно бы подавился собственными словами. Так и есть! Из рта Федьки свесился вниз распухший синий язык. На конце его висела, рыча, большая лисица. Она жадно рвала и глотала лживую часть тела Шакловитого. Вот боярин наклонил голову, увидел зверя и заскулил. Андрейка вздрогнул, отнял ладошки от глаз, испуганно попятился. Тут мы словно очнулись! До сих пор все только и могли, что тарашиться друг на друга, слушая ахинею, которую нес Федька – настолько она была наглой и дикой! Прадеды ему, видите ли, не угодили, не сумели сто лет назад стать московскими князьями! Только ведь если бы не они, сам Шакловитый – такой «живой умом!» – вообще бы на свет не родился. И еще, надо же было додуматься: на полном серьезе назначить малыша ответственным за карьерные неудачи собственных предков! И приводить при этом какие-то доводы в пользу собственной изуверской правоты. Но теперь уж мы дали волю возмущению! Я и Светка первыми подскочили к Федьке и залепили ему пощечины: Ковалева – справа, я – слева. Шакловитый изумленно примолк и заворочал глазами, пытаясь обнаружить нас. Как бы не так! Акимов не зря остался сидеть за кустами – выдать нас было некому. Щука поднял камень, прицелился и запустил его в советника. Попал по правому плечу. Федька вскрикнул. Саня, подойдя к садисту сзади, дал ему пинка. Шакловитый не удержался на ногах и полетел вперед, чуть не подмяв собой урчащую от злобы лисицу. Но там его уже поджидал Савва Романович. Он не позволил вруну упасть. Вытянув навстречу Федьке огромную ногу, страус принял на нее советника и мощным броском закинул Шакловитого на крышу кареты. Лиса во время полета оторвалась от полусъеденного языка негодяя, свалилась на землю и куда-то исчезла.

– Аи-иэ! А оэ э уу! – донесся сверху молящий голос Шакловитого.

– Простите! Я больше не буду, – перевела я.

Светка уперла руки в боки:

– Да уж конечно! Трудненько Вам будет мучить ребенка, сидя на крыше.

– Слушай, Павлик, – спросила я у Мухина, – а ты почему не наподдал Федьке? Может, ты считаешь, что он прав? Отвечай!

Мальчишка в ответ криво усмехнулся и отвел глаза в сторону. Это меня еще больше рассердило. Я схватила Мухина за плечи и начала трясти.

– Ира, – строго сказал Савва Романович, – оставь Павла в покое. Что ты знаешь о своем товарище, чтобы судить о его поступках?

Я прошипела:

– Еще чего, нужен мне такой товарищ, который с фашистом заодно!

– Нет, не заодно, – покачал головой страус и обратился к Пашке: – Правда, рядовой?

Мухин сгорбился. Губы его задрожали. Мальчишка шагнул к Щуке и спрятался за Ленкиной спиной. «Что все это значит?» – удивилась я. Случайно мой взгляд упал на Андрейку. Ребенок потрясенно смотрел на крышу экипажа, где сидел, что-то шамкая, его господин. Шакловитый жестами подзывал маленького холопа. Тот испуганно пятился назад, не замечая нашу группу на своем пути. Вот Андрейка наткнулся на Саню, быстро повернулся, никого не увидел и замер на месте, как зайчонок. Иноземцев смутился и неловко погладил бутуза по голове:

– Не бойся, мы тебе плохого не сделаем. Будь смелее, ты же пацан!

Мальш улыбнулся и обхватил нашего друга ручками за пояс. Мы со Светкой подбежали к ним и тоже начали обнимать Андрейку. Мальчику это очень понравилось – наверное, бедного ребенка давно уже не ласкали! Шакловитый на крыше кареты встрепенулся и въедливо спросил:

– Эй, огарок, чего ты там ухмыляешься и руками машешь? Обрадовался, что я тебя достать не могу? Так я сейчас слезу и...

– И не тронешь мальчика пальцем! – рывкнул ему в лицо подскочивший к экипажу Савва Романович. – Понял, Гиммлер недобитый?

Страус, распушив перья, крепко клюнул Федьку в лоб. Тот откинулся навзничь и завизжал:

– По-онял, Ваша милость! Не прогневайтесь на меня, глупца несчастного! Не погубите жизни моей во цвете лет!

– Немедля сесть! – скомандовала птица.

Советник суетливо повиновался.

– Прыгнуть с кареты на землю!

Шакловитый, перекрестившись, свалился вниз. Вскочил, начал кланяться, поворачиваясь бледным лицом в разные стороны:

– Вот он я, Ваша милость, слуга Ваш преданный и усердный. Приказывайте! Все, что пожелаете, вмиг исполню.

Савва Романович брезгливо потряс головой и чуть отступил от негодяя:

– Сади ребенка в карету – да не вздумай, даже случайно, сделать ему больно! Потом оправься, отряхнись, подтянись – а то ты на чучело похож! – и ступай к воротам, их вот-вот откроют. Не забыл за передрягами, для чего отправила тебя сюда государыня Софья Алексеевна?

– Нет, Ваша милость! – выкатил глаза Федька. – Все как есть помню.

– Вот и выполняй! – гаркнула птица. Потом вздохнула, повернулась к нам: – Рядовые, отпустите Андрюшу. Этот эсэсовский выползок, – страус презрительно махнул крылом в сторону советника, – пока больше не посмеет мучить ребенка. Так что не беспокойтесь за мальчика, побои ему в ближайшем времени не грозят. А вам тоже пора в Пресбург, не забыли?

Иноземцев осторожно отцепил Андрейкины ручки от своего пиджака. Мы с подружкой с сожалением отпустили вихрастую головенку мальчика. Отошли назад. Малыш оглянулся – и, разумеется, не увидел нас. Страус поднял лапу и ткнул ею советника в спину:

– Чего стоишь? Выполняй приказ!

Шакловитый на трясущихся ногам подковылял к Андрейке и сказал ему фальшиво-сладким голосом:

– Ну, идем в карету, дитяtko милое. Посидишь там, пока я с делами управлюсь.

Тот покорно подал мерзавцу руку и поплелся за Федькой к экипажу. У меня сдавило горло от жалости. Несчастный ребенок, оторванный судьбой от семьи! Ну, как помочь ему вернуться к маме и папе?!

Из-за угла крепости послышался мощный гул голосов. Наверное, там что-то произошло! Страус кивнул нам и Ленке с Пашкой, показал крылом вперед, быстро зашагал к воротам. Все поспешили за ним. Вот и площадка перед Потешным городком. Почему вдруг наступила тишина? И господа, и слуги молчат словно воды в рот набрав и взволнованно смотрят в сторону реки. На глади Яузы покачивается широкий плот. На плоту стоит карета, запряженная серыми лошадьми. Вокруг нее – разноцветная толпа. Плот причаливает к берегу. Двое слуг соскакивают на землю, привязывают сооружение к береговым опорам. Возница трогает лошадей, они осторожно свозят экипаж с плота. Карета, еле-еле трюхая, медленно приближается к городку. Вдруг сзади нас слышатся знакомые голоса:

– Вы видите, князь Борис Алексеевич? Я думал, это пустой слух насчет прибытия матушки-царицы! А она, извольте видеть, и взаправду уже здесь. А как же, скажите, обычаи старинные, древние законы благочестия, кои гласят: не годится государыне среди суетной толпы открыто появляться! Ее место – тихие покои дворцовые. А если случается царице следовать на богомолье в дальний храм али монастырь, то выехать она обязана тайно, скрытно от народа московского – и не светлым днем, а рано утром либо в темный ночной час. Тут же – что делается!

– Ну-ну. Успокойтесь, уважаемый Иван Борисович. Нам, конечно, ведомо, сколь привержены Вы соблюдению стародавних заповедей, как и все Троекуровы. Но ведь, как известно, и покойный государь Алексей Михайлович лишь один разок слегка пожурил Наталью Кирилловну за то, что она приоткрыла окно кареты среди множества народа во время царского выхода. Государыня супруга своего скромно выслушала, а потом-таки снова и снова открывала оконце – и ничего!

Мы со Светкой оглянулись: прямо за нашей группой стояли те самые двое вельмож, которых мы встретили, впервые подойдя к Пресбургу.

– Так ли уж необходимо затворничество теремное да дворцовое, в коем без вины прозябают жены и дочери царские и боярские? – продолжал Борис Алексеевич. – Я вот, хотя тоже из старинного рода Голицыных происхожу, не вижу никакой надобности в таком насилии над естеством человеческим. Ну, зачем девиц и женщин взаперти держать?

– Скажи еще, свет-князь Борис Алексеевич, – загорячился Троекуров, – что следует их и воспитывать по-иноземному, приобщая к наукам латинянским!

– А что плохого будет, ежели девица с ранних лет ума наберется? – не сдавался Голицын. – Тогда она сможет без ложного стеснения достойно поддерживать разговор с мужчинами, а не прятаться в задних комнатах, как дурочка убогая. Наталья-то Кирилловна, государыня наша матушка, жила в отрочестве в доме дяди своего, Артамона Матвеева. И вот он, как истинно заботливый родственник, денег на ее образование не жалел, обучал девицу тем же европейским премудростям, кои постигал его сын – сиречь гиштории, математике, словесному искусству и даже такой почти неведомой у нас науке, как физика. Так-то, друг мой Иван Борисович! А ты думал, почему столь умна царица-матушка, столь тонка она в обхождении? Почему деток своих с самых младых лет – я слыхал, что Петра Алексеевича с трех с половиной! – грамоте обучила? Зачем она учинила Потешное войско, где наш юный государь и языки иноземные – от офицеров из Немецкой слободы, и пушкарское дело, и науки точные, и умение водить войска, и обретать себе сподвижников в игре постигает? Да затем, что государыня видит ясно: сынку ее предстоят великие дела! – и готовит Петра Алексеевича к борьбе и трудам. Светла разумом Наталья Кирилловна – и государю нашему младшему истинная опора!

Троекуров насмешливо хмыкнул:

– Ну, и наговорил, Борис Алексеевич! В чем-то, пожалуй, ты и прав: недаром ведь состоишь при Петре Алексеевиче дядькой-воспитателем. Знаю, что поощряешь ты изо всех сил его занятия здесь, в Преображенском, военным делом и науками. Да и сам открыто дружбу с иноземцами водишь, латынский язык до тонкостей знаешь. Но то – дело мужское! А ведь сейчас по-твоему выходит, что девиц, для превращения их в будущем в хороших матерей, надо учить всяким немецким фокусам – математике там, гиштории...

– Чтению книжек, как Костину! – ехидно заметил Щукин.

– И игре в шахматы, как Ковалеву! – подтявкнул ему Мухин.

Вельможи испуганно икнули и замолчали – хотя и неясно, но они услышали реплики мальчишек. Ну, разве можно так глупо обнаруживать себя – и нас заодно? Сашка повернулся к Ленке и Пашке и показал им кулак. Савва Романович возмущенно взмахнул крыльями. В сердцах клюнул дурачков сверху по затылкам и рявкнул:

– Не рассуждайте о том, в чем не понимаете! Образованная, благородная умом женщина – настоящее украшение жизни человеческой!

– Охти мне, грешному, – пробормотал, крестясь, Иван Борисович. – Мало того, что визжит кто-то рядом, аки порося у пустого корыта. Тут еще ветер чуть с ног не сваливает на ровном месте...

Борис Алексеевич захохотал:

– Знамо дело, даже воздух говорит тебе, воевода Киевский, что я прав!

Троекуров вытаращил глаза и попятился, грозя пальцем Голицыну:

– Признайся, Борис Алексеевич: это все ты устроил! Вместе с кукуйскими механиками, басурманскими друзьями своими, притащил сюда хитроумные кунштюки! Завел их тайно малыми ключиками, они и пошли, задрезжали: тебе на потеху, а христианам православным на страх непомерный! Ты ведь человек ума великого и любишь забавы разные. Эвон сколько здесь немцев собралось. И все надеются в городок войти, да попасть на глаза царю, да милостей от него себе добиться. Смотрят сейчас кои-то из них на меня и посмеиваются, нехристи, что русского боярина напугали! стыдно тебе, право, Борис Алексеевич, так шутить надо мной, пожилым человеком! Да что с тебя взять, вольнодумца? Ты первый из нас начал с иноземными купцами, да учеными, да офицерами обходиться. И даже Петра Алексеевича склонил к ним в милость, вот что! Скоро они нас, коренных русичей, вовсе от государя ототрут, и ты будешь в том виноват!

Иван Борисович, раздраженно тряся бородой, отошел от Голицына и занял место впереди народа, встречающего карету.

Тройка медленно везет экипаж. Следом за ним бредет множество дородных, ярко разодетых женщин. У них важная осанка и непрístupный вид. Отдельной ватагой шагают разновозрастные мальчишки в парчовых, сияющих на солнце кафтанчиках. Вот из толпы выскочили какие-то непонятные, крошечные существа, увешанные поверх одежды звенящими бубенчиками. Они прыгают, кривляются, хлопают руками, как крыльями, кудахчут, изображая кур. Я вглядываюсь и замираю от неловкости: оказывается, это две старые женщины-карлицы. Как ужасна их жизнь! Дожив до преклонных лет, бедняжки вынуждены скакать и гримасничать на потеху надменным толстухам и глупым подросткам! Вон, один мальчишка наклонился к шутихе, дал ей щелчка по затылку и ухмыльнулся. Старушка сильно вздрогнула, ее сморщенное личико исказилось от боли. Но несчастная сразу же вспомнила о своих обязанностях, сдержала слезы и визгливо рассмеялась. Топнув ногой и приставив два пальца ко лбу напоподобие рогов, карлица принялась подпрыгивать и блеять. Очевидно, теперь она исполняла роль бодливой козы. Две тетки в огромных киках прервали на секунду беседу и снисходительно улыбнулись шутихе. Старушка еще громче замекала, прошлась колесом по земле и радостно понеслась к Пресбургу впереди остальных – только бубенчики загремели! Не в силах смотреть дальше на это унижение человеческой природы, я повернулась к Светке и увидела, что она плачет. Ковалева почувствовала мой взгляд и прошептала, глотая слезы:

– Ир, ты заметила? Эта старушка похожа на мою бабу Лизу – только крошечная совсем! А они над ней издеваются.

Подружкины плечи затряслись от рыданий. Я обняла ее: а что я еще могла сделать? Как странно надменны и жестоки были люди по отношению друг к другу триста с лишним лет назад! Ни за что не хотела бы я жить среди них. Честное слово, это огромное счастье – родиться ближе к концу 20 века и счастливо вступить в 21, когда обижать стариков считается постыдным делом. Не говоря уже о том, чтобы отдавать своих детей в рабство за долги! Впрочем, мне все еще не верилось, что Шакловитый сказал Андрейке правду насчет его холопства. Соврал, наверное, чтобы еще сильнее запугать ребенка, внушить малышу мысль о безвыходности его положения. Надо спросить у Саввы Романовича – он, как гид, наверняка знает истинное положение вещей! Я повернулась к страусу, стоящему сзади нас троих вместе с Ленькой и Пашкой. Птица внимательно глянула на меня сверху огромным глазом и заявила:

– Не сомневайся, Ира: Шакловитый не обманул мальчика. Отец его, хамовник Ефим...

– Кто-кто? – нахмурился Сашка.

– Хамовниками в то время называли ткачей. И он в самом деле задолжал советнику Софьи Алексеевны, чтобы заплатить налог в государственную казну. Деньги-то были невеликие: всего восемь рублей да три алтына. Но разве мог Ефим сесть в долговой застенки? Ведь у ткача хворая жена и, кроме Андрюши, еще трое детей. Что бы с ними случилось без единствен-

ного-то кормильца? И потому, сколько ни плакала Ефимова супруга, сколько сам он ни кручинился, а не нашлось у семьи другого выхода, кроме отдачи старшего сына Шакловитому.

– Навсегда, что ли?! – возмутилась Ковалева.

– Нет, Света. Закладной холоп – не крепостной крестьянин. Его можно выкупить на волю. И вообще... Нас с вами, конечно, возмущает такое безобразие: маленький ребенок – и вдруг раб. Но в 17 веке продажа себя или своих детей в холопство была обыкновенным делом.

– И на сколько при этом уменьшился долг Ефима? – деловито поинтересовалась Ковалева.

– А ни на сколько. Служба мальчика советнику – как бы вам это попроще объяснить? Ну, в общем, сейчас это называется: проценты по кредиту, а не основная сумма. Пока хамовник не вернет все деньги полностью, Шакловитый не отдаст ему Андрюшу. А на ткача, как назло, сыплются несчастья: то дом у него чуть не сгорел – семья потратилась на достройку, то корова сдохла – и как оставить детишек без молока? Пришлось опять занимать, другую животину покупать. Вот и не может Ефим наскрести денег на выкуп сынка из кабалы.

– Лох какой-то! – зло сказал Щука. – Мой отец обязательно что-нибудь придумал бы, но не отдал бы меня этому прибабахнутому.

– Ну, почему же прибабахнутому? – поинтересовалась я. – Ты ведь, Ленечка, и сам такой же, как Федька, – вечно долбающий малышей гад. Поэтому вы с ним – братья по разуму. А родственников обзывать нехорошо!

Щукин растерянно моргнул. Дернувшись, балбес хотел щелкнуть меня по лбу. Но не успел: сам получил клювом по макушке от Саввы Романовича – и, очевидно, крепко получил, потому что зашипел от обиды, как сдувающийся воздушный шар. Из глаз Леньки градом посыпались слезы.

– Рядовой Мухин! – обратился страус к Пашке.

– Я! – опасливо отозвался мальчишка.

– Ну-ка, скажи, чего вы, военнотружущие Российской армии, не должны делать ни в коем случае?

– Настоящий солдат никогда не ударит ребенка, женщину или старика! – отрапортовал Мухин, покосившись на Щуку.

– Молодец! Рядовой Щукин, повтори три раза!

И пришлось Леньке, неудержимо всхлипывая, бормотать сквозь зубы солдатское правило. Честное слово, я бы на месте Саввы Романовича заставила Щуку говорить его не три, а сто три раза – и гораздо громче и четче! Но ничего, мы свое удовольствие все же получили. Поверьте, слышать такие слова от нашего давнего врага – пусть и сказанные по приказу! – было прекрасно. Мухин, глядя в землю, тоже прятал насмешливую улыбку.

Карета наконец добралась до Потешного городка и остановилась. Толпа сопровождающих женщин и подростков расположилась за ней почтительным полукругом. Вперед вышел долговязый парень лет семнадцати и зычно провозгласил:

– Ея величество царица-матушка Наталья Кирилловна прибыла к сынку своему, Петру Первому Алексеевичу, Великому государю, Царю и Великому князю, всея Великия, и Малыя, и Белья России Самодержцу, с любовью и родительским попечением!

Царицына свита низко опустила головы. Восторженный вздох пролетел по толпе у ворот. Господа согнулись в глубоком поясном поклоне, их слуги повалились на колени, лбами в землю. Юноша подскочил к экипажу, распахнул дверцу и тоже замер, переломившись пополам. Вниз по ступенькам сошла молодая женщина. На ней было скромное платье. Черный платок, повязанный вокруг головы, оттенял черты прекрасного лица. Мы с подружкой разочарованно переглянулись: и это – царица? А где ее роскошный наряд и золотая корона? «Впрочем, – вспомнила я, – русские государыни носили, кажется, не корону, а только легкий венец с одним или тремя зубцами. Он надевался сверху на кисейную фату, которая окутывала волосы, плечи

и спину. Но тут и о таком венце речи нет! А вместо белой накидки – черный платок. Может, Наталья Кирилловна отказалась от своего сана и стала монахиней? Нет, не похоже. Вон как все ей кланяются – глаза боятся поднять на матушку-царицу!»

Государыня быстрыми шагами направилась к воротам. Они, как по волшебству, распахнулись перед женщиной. Никто вокруг не посмел даже шелохнуться, пока Наталья Кирилловна не ступила в Потешный городок. Потом толпа распрямилась, разошлась на обе стороны, чтобы пропустить вслед за царицей ее придворных дам и пажей. А уж когда в проеме исчез шитый серебром кафтанчик самого младшего из мальчишек, князя и бояре ломанулись в Пресбург, как стая диких лошадей! При этом они спесиво надували щеки, норовили оттолкнуть друг друга от ворот и первыми пройти в них. Мы видели, как Шакловитый, оказавшийся проворней всех, – а кто бы сомневался? – ударом ноги далеко отбросил не успевшего дать дорогу господам Дормидонта Ильича.

– Коа-акс! Коа-акс! – испуганно проблеяла квакуха, пятясь вдоль стены перед разноцветным потоком сановников.

И никто, представьте себе, не удивился таким странным «словам» новоиспеченного конюха! И никто не шарахнулся в сторону при виде его жабьей оболочки, зелено вспыхнувшей в солнечных лучах – а ведь Дормидонт был уже вытолкнут из тени!

– Люди не видят его мерзкой сущности, – покачала головой Светка. – Жаль! Ведь если бы заметили, что конюх – чудовище, уж точно не пустили бы его в городок.

– И фофан не смог бы навредить Афанасию! – рубанул воздух рукой Иноземцев. – А пришел сюда жмотяра именно за этим, разве не ясно? Глядите-глядите, он спокойно заходит в ворота, как нормальный чел. А сам – жадный урод!

– Ну и рожа! – хищно осклабился Щукин, проследив глазами, куда мы смотрим. – Я таких здоровущих жаб еще не встречал. Слышь, Паха? Пошли отпинаем ее, жирную! Ух, дрожит, переливается – настоящее желе! Давай быстрее, а то не догоним, уйдет!

Мухин, взглянув в бугорчатую спину Дормидонта Ильича – селянин последним вошел в Пресбург, – втянул голову в плечи и пробурчал что-то невнятное. Забывшийся Ленька, грубо пихнув приятеля, поволок его к воротам – разве мог Щука пропустить такой случай? Ведь издевательства над слабыми всегда были для него любимым развлечением! Этот дурбень видел перед собой не человека, а жабу – хоть и огромную, но без зубов и когтей, а значит – беззащитную. И уже предвкушал, как они сейчас с Пашкой будут над квакушкой безнаказанно измываться.

– Взво-од, стой! Раз-два, – скомандовал мальчишкам Савва Романович.

Щука злобно дернулся и выругался сквозь зубы, но все же остановился. Пашка сделал то же самое – с видимым облегчением.

– Кругом! Сми-ирно! – гаркнул страус.

Мальчишки повернулись к нам и вытянулись.

– Рядовой Мухин!

– Я! – просиял Пашка.

– Отвечай, какую еще заповедь вы должны постоянно помнить?

– Настоящий солдат применяет силу только против врага, и никогда – против мирного населения!

– Молодец! Тебе ясно, рядовой Щукин?

– Это жаба, что ли, мирное население? Да она – животное, – заворчал Ленька.

– Я задал тебе вопрос, рядовой Щукин! – заорал Савва Романович и грозно вскинул лапу. Ух, как сверкнули на ней громадные когти!

– Ясно, – бегая глазами по сторонам, буркнул Щука. – Из-за жабы Вы готовы человека ударить – это что, правильно, да?

– Конечно, – кивнула птица, – если человек ведет себя, как дикий зверь.

Ленька насупился и опустил голову. Мухин исподтишка бросил на него торжествующий взгляд.

В воздухе засвистели крылья. Подумать только! – Кирилл Владимирович, озираясь по сторонам – не видит ли его кто? – собственной персоной летел к нам из-за бревенчатой стены городка. Скворец кричал:

– Вот теперь пора, друзья мои! Наступает решительный момент!

Птица камнем упала на Сашкино плечо. Торопливо проговорила:

– Скоро Петр отдаст приказ закончить строевые учения – ведь к нему приехала Наталья Кирилловна, а юный царь – почтительный сын. Он должен поклониться матушке, поприветствовать ее, осведомиться о государынином здоровье – и так далее по принятому чину. Родственники побеседуют. А потом, как вы думаете, что произойдет?

– Царь наконец-то заметит, что одной пушки не хватает, – упавшим голосом сказал Сашка, – и тогда...

– Афанасию несдобровать! – крикнула Ковалева и ткнула пальцем в Щукина и Мухина: – А все из-за вас, тупицы! Вздумалось дурачкам, видите ли, нас выстрелами пугать. Невинный человек может пострадать, вы это понимаете? Э, да что говорить с пеньками бесчувственными?!

Пашка с обидой возразил:

– Может, мы с Ленчиком и пеньки, Ковалева, – но не бесчувственные. И нам товарищ прапорщик уже давно объяснил, – Мухин почесал затылок, – что произошло из-за кражи пушки. И мне жалко того парня, Афанасия. Обидно бывает пропадать ни за что! – ты думаешь, Ковалева, я уж совсем баклан?! И до меня не доходит, что на самом деле из той «шутки» вышло? А привел нас сюда Савва Романович для того, чтобы все исправить, ясно?

Из Пресбурга слышались громкие крики. Разом стих мерный шум шагов, смолкли барабаны.

– Вперед, ребята! – воскликнул скворец, указывая крылом на ворота. – Иначе может быть поздно.

Наша выросшая компания двинулась в крепость. Впереди шли я, Светка и Сашка со скворцом на плече. За нами – Ленька и Пашка. Замыкал шествие Савва Романович.

– Скажите, пожалуйста, Кирилл Владимирович, – обратилась я к гиду, – а где же Антон? Вы же недавно вместе с пончиком и с Мурлышенькой спрятались за кустами на подходах к Пресбургу. Получается, Вы оставили их одних и прилетели в городок? Но ведь Акимов не вытерпит и тоже прибежит сюда! И что тогда будет, Вы представляете?

– Хор-роший вопрос, Ирина! Правда, ты могла бы его и не задавать, если проявила побольше сообразительности. Поэтому я немного разочарован. Но все же хочу сообщить: ты правильно оценила душевное состояние Антона. И логическое следствие его метаний тоже верно спрогнозировала. Так что ответ напрашивается сам собой.

– Как, Акимов здесь?! – ахнула Ковалева. – Но он же нас выдаст!

– Антон и кошка уже в крепости, – подтвердил скворец. – Действительно, наш маленький друг недолго смог прятаться за кустами. У него тут же появились вопросы ко мне, как проводнику по Нелживии. Например, такого рода: «А разве честно получится, если ребята будут там одни Афанасия спасать, а я в безопасности отсиживаться?» или еще: «Как Вы не понимаете, Кирилл Владимирович, что дело касается моего предка? Да я просто обязан ему по-родственному помочь, чтоб последним гадом не стать! Вы не согласны?» Признаюсь, возразить на такую эскападу мне было нечем.

– И Вы разрешили Антохе припереться сюда? – заныл Щукин. – И нас теперь из-за этого валенка схватят? Конечно, что птицам за дело до людей? Вы улетите себе в небо, а товарищ прапорщик убежит в лес, и его никто не догонит! А другим пропадать, да?!

Мы уже вошли в ворота. Двое дюжих парней в зеленых мундирах, стоявшие за стеной у входа в городок, как видно, услышали Ленкины крики. Потешные разинули рты и вытаращились на нашу группу – но, разумеется, никого не увидели. Щуке пришлось замолчать: страус мощно поддал ему сзади ногой. Звук, поверьте, был хлесткий! Парни вздрогнули, проводили нас подозрительными взглядами и бросились запирать ворота. «Ух, – подумала я, – хорошо еще, что Щука не заорал раньше! Тогда мы точно остались бы стоять снаружи! – и все из-за этого труса!»

Иноземцев остановился и повернулся к Ленке. Отчеканил, глядя в глаза склочнику:

– Слышь, Рыба тупорылая? Мне сейчас с тобой разбираться некогда: есть дела поважнее.

Но запомни – и покрепче: по себе людей не судят, понял?

– И птиц тоже, – добавила я.

– Дорогие друзья! – растроганно сказал скворец. – Мы с Саввой Романовичем благодарим вас за оказанную гидам дружескую поддержку.

Страус кивнул и окинул Щукина уничтожающим взглядом.

– А насчет того, Леонид, что Антон может выдать наше присутствие в Пресбурге, можешь не беспокоиться, – как ни в чем не бывало продолжал Кирилл Владимирович. – Нелживия высоко оценила и одобрила слова твоего друга. Да-да, именно их – о *личной* ответственности Антона за то, что скоро здесь произойдет! И страна помогла мальчику незаметно проникнуть в Потешный городок, окружив его и кошку облаком порхающих голубей. Птицы перенесли Антона с Мурлышенькой на своих крыльях через ограждение Пресбурга в надежное место, где можно спрятаться от досужих взглядов. Устроив твоего друга вместе с кошкой, голуби улетели. Никто из присутствующих в крепости не понял, что произошло, можешь поверить мне на слово! Видишь ли, Леонид, Нелживия иногда нарушает ею же установленные правила – конечно, очень-очень редко и только для самых достойных своих гостей. А я, таким образом, получил возможность отправиться на помощь к вам, друзья. А теперь прошу, ребята: оглянитесь вокруг! Вы находитесь в историческом месте: именно из стен Потешного городка через несколько лет Петр Первый в полном блеске выведет в мир свои войска – Преображенский и Семеновский полки. Они станут предтечей русской регулярной армии в современном, а не в средневековом смысле этого слова.

Сашка вскинул голову и загоревшимися глазами окинул Пресбург. Мы со Светкой, по его примеру, сделали то же самое и пожали плечами. Подумаешь, историческое место! Ничего особенного: из строений в городке – только две избушки. Вдоль одной из крепостных стен тянется длинное возвышение, на котором стоят орудия. Их всего шесть. Ах, как бросается в глаза прореха в этом грозном строю! – там, где отсутствует одна пушка, украденная Щукиной компанией. Удивительно, как Петр еще не заметил пропажи? Между прочим, не все пушки юного царя – расписные деревянные, как та, из которой по нам стрелял дурень Ленка. Есть и железные, и медные – то есть вполне, надо думать, боеспособные! Серьезно, однако, учится военному делу будущий Российский император! Ну и, конечно, везде, насколько хватает глаз, – ровные ряды подростков и юношей в зеленых мундирах с золотыми галунами. Развешаются на ветерке черные знамена. У солдат за плечами – старинные ружья очень забавного вида. Потешные войска Петра стоят смиренно, ни один из парней даже не шелохнется! Во главе каждой шеренги – офицер с тростью. Смотрит на своих подчиненных строго-внимательным взглядом, под которым мальчишки еще более тянутся в струнку, дерут вверх подбородки. Кажется, Иноземцев в полном восторге от этой картины! Наш друг стоит прямо, колесом выкатив грудь, и орлиным взором смотрит на будущих семеновцев и преображенцев – ну, просто Наполеон перед Бородинским сражением, ни больше ни меньше! А нам со Светкой скучновато: ну, играют мальчишки в войну – что тут может быть увлекательного? Мухин наблюдает за происходящим хмуро и недоверчиво. Ага, а на кого там столь злобно уставился Ленка? Я смотрю по направлению взгляда Щуки и недоумеваю: чего он вдруг взбесился?

У передней стены городка, ближе к ее левому углу, собралась толпа гостей, которых мы видели у входа в крепость. Все они стоят полукругом, умильно улыбаясь, – бородатые важные вельможи, дородные боярыни, нарядные пажи – и смотрят на Наталью Кирилловну, которая разговаривает с высоким кудрявым юношей. Он тоже одет в зеленый мундир. На голове у парня – странного покроя коричневая бархатная шапка. На груди висит барабан. В руках юноша сжимает палочки. Мы с подружкой ошеломленно переглядываемся: неужели...

– Да-да, – кивает скворец. – Вы, сударыни, не ошиблись. Это он, будущий Петр Великий, первый Российский император, о котором Александр Пушкин позже напишет: «То академик, то герой, то мореплаватель, то плотник, он всеобъемлющей душой на троне вечный был работник».

– Ха, работник! – кривит губы Щука. – Такой же, как и остальные лупени у власти: только бы самому в три горла жрать да над народом издеваться.

Я возмутилась:

– Не мели чепухи, глупый Рыбун! Ты хоть что-нибудь слышал о реформах Петра Первого, о создании царем российского флота и армии нового типа, о победе под Полтавой, о расцвете наук и ремесел в его правление? О постройке Петербурга, наконец?

– Где там! – презрительно бросила Ковалева. – Ленечка историческую книгу и открыть-то боится: вдруг мальчик свои кисельные мозги случайно перегрузит?

– Все цари, и короли, и президенты – придурки! – упрямо гундел Щука. – Как только получают власть, сразу офигевают от нее. Другие люди для правителей – мусор, который им можно топтать безнаказанно и удовольствие от этого получать.

Крошечный комар впился Ленке в глаз. Щукин с досадой хлопнул себя по лицу, но по насекомому не попал: оно, зудя, улетело. Правильно, так и надо дикарю необразованному! Я отвернулась от Ленки. Ну, в самом деле, не спорить же с балбесом? Меня сейчас волновало совсем другое!

– Кирилл Владимирович, – обратилась я к скворцу, – Вы ведь говорили, кажется, что Петру сейчас тринадцать лет? Но этого не может быть. Посмотрите, ему же не меньше восемнадцати!

– Конечно, – поддакнула моя подружка. – Петр совершенно взрослый парень – высокий и сильный. И у него есть усы – а разве они могут вырасти в тринадцать лет?

Птица кивнула:

– Такое случается, если мальчик быстро развивается и умственно, и физически...

Ленка, прищурив опухший глаз, демонстративно фыркнул. Наш гид продолжал:

– Если он много занимается физическими упражнениями, постигает разные науки и ремесла, копает рвы, строит стены...

– Кто, вот этот красавчик? – ткнул пальцем в сторону Петра Щука. – Не похож он на землекопа. И на ботаника тоже не похож. Зачем перцу науки, а тем более ремесла, если он – царь?

– Тебе, Рыба, этого не понять, – блестя глазами, выдохнул Сашка. – Скажешь, легко было крепость построить, орудия установить и такую армию организовать? Будь у Петра тупая голова и кривые руки, мы стояли бы сейчас на пустом месте! А до чего у потешных солдат веселое знамя! – я думаю, его тоже царь придумал. Вон, гляди, справа стоит главный знаменосец и держит флаг – черно-желто-красный, а посередине полотнища – белый крест. Классно!

«Ленка, конечно, осел и невежда, – со странным волнением подумала я. – Но в одном он прав: Петр очень красивый парень. И видно, что ловкий, сильный, уверенный в себе. А какой у него смелый взгляд!»

Светка уперла руки в боки:

– Вот я тут слушаю вас всех по очереди и не могу сообразить: помнит ли кто-нибудь, зачем мы сюда пришли? Кирилл Владимирович, ну хоть бы Вы остановили их болтовню!

– Здесь, на этом дворе, я уже не командую вами, Светлана, – мягко возразил Ковалевой скворец. – Как, впрочем, и Савва Романович больше не имеет полномочий руководить своим взводом. Теперь наши подопечные сами принимают решения, и дальнейший ход событий зависит только от их действий. Мы же с товарищем прапорщиком можем вмешаться в дело только в самых крайних случаях – если, например, гостям Нелживии будет грозить серьезная опасность, или они начнут уж слишком глупо себя вести...

– О, смотрите, Петр кланяется Наталье Кирилловне. Значит, их разговор окончен, – зачастила моя подружка. – Сейчас царь отойдет от своей мамы, оглянется назад, на пушки, и – вы представляете, что будет?! Вон, я вижу Афанасия. Он стоит в начале третьей шеренги. Ах, у солдата такое бледное лицо! И я его понимаю: заволнуешься тут! Думаю, Афанасий уже, конечно, увидел своего отца среди гостей. И понял, что тот сюда явился к сыну не с добром, а с желанием опозорить его перед царем вместо Воротникова. Ох, я бы на месте Афанасия не смогла так спокойно стоять и ждать, когда меня обвинят в краже пушки. Какой мужественный парень! А мы, вместо помощи честному человеку, торчим здесь и зря треплемся. Быстро идем поближе к Петру – хотя бы будем знать, что вообще в Пресбурге творится!

Светка схватила меня и Иноземцева под руки и потащила к яркой толпе гостей. Краем уха я услышала, как страус успел вполголоса спросить у нашего гида:

– Кирилл Владимирович, дорогой! Может, мне ради особого случая нарушить правила? Направить бойцов куда следует, дать им четкие указания?

– Ни в коем случае, Савва Романович! – оглянулся на него скворец с Сашкиного плеча. – Это должен быть их душевный выбор, а не приказ проводника. Иначе ничего у ребят не получится, и Вам это хорошо известно.

Даже на расстоянии – а мы успели довольно далеко отойти от прапорщика с его взводом! – я услышала, как тяжело вздохнул страус. Видно, он не очень-то верил в сообразительность Шуки и Пашки, которые должны будут в скором времени сделать какой-то выбор. Эх, узнать бы еще, о чем, собственно, речь! Сплошные загадки, честное слово.

– Кирилл Владимирович, – с жадным любопытством спросил у скворца Иноземцев, – а что это за странные ружья у потешных?

– Данные образцы огнестрельного оружия 17 века называются следующим образом: карабины, мушкеты, а также пищали винтованные и завесные, – любезно проскрипел скворец. – А выглядят они, я согласен, необычно – разумеется, для нас, жителей иного времени...

– Послушайте! – завопила Светка. – Ну, о чем вы говорите? Санек, посмотри на себя! У тебя же руки дрожат и губы прыгают. Совсем, что ли, голову потерял из-за игры в войнушку? Нам сейчас предстоит Афанасия спасти, а ты витаешь в облаках. Ау, вернись на землю!

Иноземцев вздрогнул и неловко улыбнулся:

– Извините, девчонки. Что-то я и правда в сторону отъехал. Не беспокойся, Ковалева: Афанасия я еще раньше тебя в шеренге срисовал. Неужели, ты считаешь, я о нем не думаю? Да еще побольше некоторых!

Моя подружка вдруг покраснела как вишня. Сказала срывающимся голосом:

– Тихо, Саня, а то нас услышат.

Действительно, мы уже давно стояли с краю толпы князей и придворных, полумесяцем окружавших Наталью Кирилловну и Петра. Юный государь, чуть подбоченясь, улыбался в усики. Ветер нежно приподнимал его черные кудри. Мне на мгновение почему-то стало трудно дышать. Светка отпустила наши с Иноземцевым руки. Ага, вон и Дормидонт Ильич! Расположился поодаль от сановных гостей. Я подтолкнула друзей локтями и кивнула им на бывшего крестьянина, прошептав:

– До чего же он скромн и смирен! Вздыхает с умилением. Голову склонил, лапы свои жабьи сложил, как ангелочек, глаза-тарелки в землю уставил. А сам, небось, только и думает, что о тех двадцати рублях, жмот зеленый!

– Погоди, Ир, – Светка опять схватила меня за руку. – Лучше посмотри, кто вышел пред царские очи!

Меня передернуло: посередине разряженной боярской стаи стоял, льстиво ухмыляясь, Шакловитый. Наталья Кирилловна смотрела на него с нескрываемым отвращением. Отведя в сторону руку, Федька изящно поклонился в пояс – сначала царю, потом царице-матушке. Провозгласил высоким голосом:

– Государь наш пресветлый Петр Алексеевич! Царица-матушка всемилостивая Наталья Кирилловна! Царевна-государыня Софья Алексеевна шлет вам со мной родственный привет и пожелания доброго здравия и благополучия!

– Ишь ты, до чего ловок, шельмец! – опять прогудел рядом с нами знакомый голос. – Не хуже немчина умеет европейский политес соблюсти, только что не подпрыгивает и шапкой перед собой не метет. А все же пустое это дело. Один блезир, и больше ничего!

– Почему, Борис Алексеевич? Разве не отменно учтив пройдоха Федька, не благолепен в движениях? Я ему даже завидую. Мне, грешному, не удалось бы столь легко согнуть и разогнуть стан перед Петром Алексеевичем. Куда уж, с моим-то пухлым чревом!

Справа и чуть впереди мы увидели расшитые золотом кафтаны Голицына и Троекурова. Иван Борисович огорченно тряс седой бородой: до того ему было обидно не иметь утонченных манер Шакловитого! Голицын хмуро отрубил ему:

– Вежливость тогда уместна, когда исходит из искреннего добронравия! Федька же, хотя и умен, и речист, и смел, а зело жесток! Я слышал уже нынче от тебя про его несчастного холопа-семилетку. Но, поверь, лютость Шакловитого не токмо на сего дитятю падает! Помнишь, несколько лет назад он начальствовал над Пушечным двором? Так вот, мне доподлинно известно: голова пушкарей московских Ивашка Кержавин написал на Федора Леонтьевича слезную жалобу, что, мол, приезжает Шакловитый к ним на двор пьяным и нещадно бьет ни в чем не повинных мастеров. И еще знай: царевнин советник – настоящий заплечных дел мастер! Прошлой осенью он лично, по своей охоте, проводил сыск по поводу доноса на вдову Марью Брусилову. В кляузе было написано, что она якобы говорила кому-то затейные и к смуте завидные слова. Да мало ли что может сболтнуть по легкомыслию глупая баба! Но Федька дал делу полный ход, запытал вдову чуть не до смерти – и все сие, как я слышал, с улыбочками да прибаутками. Каково? А ты восторгаешься ловкостью его поклона государю! Нет уж, Иван Борисович. Лучше тяжело кланяться, да быть добрым христианином, чем извергом, Шакловитому подобным.

Мы с подружкой удрученно переглянулись. Действительно, просто редкостный гад этот Федька! Иноземцев повернул к нам голову. Его щеки пылали.

– А что вы хотите, – процедил сквозь зубы Сашка, – если этот дяхан – главный советник Софьи? Сама царевна – разве не жестокая? Пройдет несколько лет, и она захочет напасть на Петра – своего брата, между прочим. А зачем? Да чтобы власть удержать, не отдавать ее законному государю! Вот и Федька ей под стать, чему тут удивляться.

Шакловитый меж тем, прижимая руку к сердцу, извивался ужом.

– Ах, государь ты наш батюшка, – сладко вещал советник, – не вели казнить, вели мне правдивое слово молвить. Мягок я сердцем, жалостлив до крайности...

Над головой Шакловитого замельтешили какие-то бархатистые комочки. Я взгляделась: это была стая шмелей. Федькин язык удлинился и с треском вывалился изо рта, как толстая колбаса. Насекомые роем опустились на него и густо облепили «сардельку» с разных сторон. Придворные и князья, выпучив глаза, уставились на советника. Шакловитый удивился, глянул вниз, икнул от страха, но не умолк. Видно, ему очень хотелось доиграть перед государем взятую на себя роль любящего наставника. Правда, шепелявил и картавил при этом Федька просто немилосердно. Царевнин советник сипло бубнил:

– Потому и не могу я, надеза-госудаль, по доблоте своей не сплосить тебя с заботой душевной: посьто тлудись ты на подлых лаботах луцьки белые? Посьто не белезесь здлавие цалское, для нас, лабов твоих, длагоценное? Слысьно на Москве, будто ты сам, своею особою, масесь на постлойках то тополом, то лопатой, находясь пли этом беззаботно следи людей плостого звания. А если кто по неблезности, а пуссе того – по злomu умыслу возьмет, да и глyбо заденет свяшенное тело помазанника Бозьего? Сьто тогда?

Из-за стены, шурша крыльями, выметнулась довольно крупная Ложь. Стрекоза распласталась на груди Шакловитого, сжав его шею мягкими жвалами. На кафтан Федьки ручейками потек желтый яд. Советник закашлялся.

– И что тогда? – насмешливо спросил Петр.

– Да как зе? – воздел руки вверх Шакловитый. – Возникнет посягательство на цесьт и здлавие Петла Пелвого Алексевиця – Великого госудалья, Цаля и Великого князя, всея Великия, и Малыя, и Белыя Луси Самоделзца. Вот о цем селдецьная боль моя. Пецялюсь я днями, не сплю ноцями, телзаясь душой об опасностях, тебе глoзяссих, надеза-госудаль. А уз сестлица твоя, свет-цалевна Софья Алексеевна, и вовсе глаз от слез не осушает, беспокоясь о твоём благополучии...

Шакловитый повалился на колени, картинно простирая руки к Петру. Стрекоза на Федькином горле вздрогнула от радости и мгновенно увеличилась чуть ли не вдвое. Еще бы! – ведь боярин врал без всякого стеснения. Только вот голос окончательно изменил обманщику. Советник, стоя на коленях, бил себя в грудь и пытался еще что-то сказать – куда там! Из его груди вылетало одно глухое сипение. Придворные ошалело наблюдали эту сцену. И, между прочим, в глазах многих из них я увидела откровенное злорадство! Многие крестились, шептали слова молитв, но ни один из царедворцев даже не подумал помочь Шакловитому – хотя бы прогнать шмелей или снять с его шеи стрекозу! Красивое лицо Натальи Кирилловны заалелось от еле сдерживаемого гнева. Ее большие черные глаза сверкали. Очевидно, присутствующие крепко недолюбливали этого человека – и я их понимала: у меня тоже не было к боярину особого сочувствия. Только вот...

– Кирилл Владимирович, – удивленно спросила я скворца, – скажите: мне это кажется или действительно Петр, единственный из всех, не видит, что творится с советником? Он смотрит на Шакловитого равнодушно, как ни в чем не бывало. А остальные – и государыня в том числе – в омерзении подались назад. Может быть, царь слеп?

– Нет, Ирина, – с готовностью ответила птица, – со зрением у Петра все в порядке. Но царь с самого раннего детства так привык к лести, расточаемой ему с разных сторон, что пока еще не может различить ложь в словах Шакловитого. Для юного государя низкопоклонство в свой адрес – норма обращения с окружающими, потому он принимает вранье советника за чистую монету. Соответственно, мальчик не замечает ни шмелей, поедających язык Федьки, ни белую Ложь на его горле. Государя только забавляет неизвестно откуда взявшиеся хрипотца и косноязычие советника, а посмеяться Петр очень любит.

– Девчонки, тогда почему мы стоим? – возмущенно спросил Иноземцев. – Получается, что Петр верит Шакловитому. А тот и рад дуть царю в уши что попало! Свет, да оторви ты глаза от Афанасия – с ним пока ничего не случилось. Вон Ирка тревожно смотрит на Петра – и правильно делает, потому что пацан конкретно в опасности!

Жаркая волна опалила мне лицо: Сашка сказал правду, я действительно не отрываясь смотрела на Петра – его огненные глаза и горделивая осанка просто завораживали! Наш друг решил, что я наблюдаю за царем с тревогой – ладно, пусть... Только вот на самом деле – как, а? Иноземцев частил:

– Ясно, что Шакловитый пришел сюда по заданию Софьи все как следует высмотреть, а если получится, то и напакостить Петру и его сторонникам. Сейчас наврет царю про кого-нибудь всякую дрянь и довольный скроется в Москву! Идем!

Мы с подружкой хихикнули: надо же такое выдумать! Что тут высматривать, детскую игру? И кому вредить, тринадцатилетнему полководцу? Саня сердито схватил меня и Светку за руки и поволок вперед. Кирилл Владимирович еле удержался на его плече – так быстро мы помчались к Петру и Фedyке. Шакловитый уже поднялся с колен, подскочил к царю и, вытягиваясь в струнку, – он был гораздо ниже Петра, – гнусаво шептал что-то прямо в ухо государю. Тот с удовольствием слушал и хохотал. Распухший фиолетовый язык советника теперь висел чуть не до земли. По нему ползали, сыто жужжа, сотни шмелей. Ложь стала величиной с учительскую указку. Глаза твари радостно мерцали, челюсти глубоко ушли в шею Фedyки. «Пропеллер» стрекозиных крыльев, пронзительно свистя, образовал тугой круг. Я видела: его края хлестко били по левой щеке и плечу царя – ведь Шакловитый стоял очень близко к Петру! Но государь ничего не замечал, а только весело смеялся. Рядом с доверчивым мальчишкой осталась одна его мать – остальные гости отошли от их группы на значительное расстояние и взволнованно переговаривались между собой. Наталья Кирилловна с болью, ломая руки, смотрела, как ее сын слушает лживые бредни Фedyки. Я точно знаю: моя мама на месте государыни давно бы вмешалась, оборвала вруна и не позволила ему внушать дочке невесть что! Но, получается, царский этикет конца 17 века отличался большой церемонностью: видно было, что Наталья Кирилловна очень хотела, но не могла себе позволить прекратить разговор царя с Шакловитым. Ее глаза полны были бессильных слез.

Все это в одно мгновение пронеслось перед нашими глазами. В следующую секунду Сашка обеими руками вцепился в загривок стрекозы и сдернул насекомое с Фedyки. Крикнув нам:

– Девчонки, действуйте! – оттащил Ложь назад, бросил ее на землю и крепко придавил сверху ботинком.

Мы со Светкой принялись рукавами стряхивать шмелей с языка Шакловитого. Те сразу же бодро расправляли крылья и пускались в полет. Советник, не видя нас и ничего не понимая, ворочал по сторонам глазами с кровавыми прожилками. Мне очень хотелось стукнуть его по гладкому наглому лбу, обрамленному темными кудрями – прямо и не знаю, как я удержалась от этого! Наконец все шмели убрались восвояси, и язык Фedyки приняв нормальные размеры, втянулся обратно ему в рот. Иноземцев, показав нам с подружкой большой палец, поднял Ложь за обвисшие крылья в воздух и, пнув хорошенько, выбросил за крепостную стену. Петр, так же ничего не понимая, как и Шакловитый, вглядывался в нас настороженными глазами – очевидно, он слышал какой-то шум и видел колебания воздуха от действий неизвестных лиц. Мы втроем переглянулись и дружно вздохнули:

– У-ух!

Фedyка вздрогнул и попятился. Царь побледнел, заморгал, вцепился в руку матери. Мы замерли: зачем еще больше пугать людей? Толпа придворных в нескольких метрах справа вдруг завывала:

– Государь ты наш любезный!

– Батюшка единственный!

– Демоны тебя одолевали, а мы, рабы негодные, и рты разинули!

– Ох! Ах!

– Казнить таковых неретивых рабов надобно на плахе!

– Нет, на колесе!

Петр опомнился, встряхнул головой. Поднял вверх руку и крикнул:

– Тихо!

Наступило молчание. Царь милостиво кивнул вельможам, дамам и пажам, приказал:

– Подойдите.

Те, дрожа, приблизились. Встали полукругом на прежнее место, поклонились. Шакловитый неуверенно оглянулся на разодетую толпу. Подумав, опять отошел в ее центр, легко согнул стан, выпрямился.

– А вот теперь и поведай нам, Федор Леонтьевич, прямо и без утайки, что за дело привело тебя в Пресбург, – Петр впился лучистыми глазами в лицо советника. – Какой милости хочешь от меня, своего государя? О чем челом бьешь?

Иноземцев озорно улыбнулся и, придерживав на плече скворца, в два прыжка оказался рядом с Шакловитым. Крикнул ему в самое ухо:

– Слышал, что тебе сказали: без утайки? Не вздумай врать, а то пожалеешь! Говори правду, не юли!

Сановники, мальчишки и боярыни шарахнулись от Федьки и пустились бежать к воротам. Две толстухи в парчовых платьях налетели друг на друга, упали и завизжали. Никто не обращал на них внимания: почти все придворные без оглядки улепетывали из крепости. Женщины побарахтались немного на земле, потом вскочили, подобрали подола и со страшной скоростью устремились за остальными. Остались только двое наших знакомцев: Голицын и Троекуров – и еще один седобородый боярин. Вельможи быстро собрались вместе сзади советника. Борис Алексеевич спросил Шакловитого с притворным сочувствием в голосе:

– Никак в себя не придешь, Федор Леонтьевич? Конечно, статочное ли дело – подвергнуться колдовству! Подумать только: бесовские шмели чуть языка тебя не лишили, а невиданная стрекоза – самого дыхания! Но смотри: государь ждет. Не гневи его, отвечай, как тебе велено.

– Вот именно! – заорал Сашка, стоя напротив советника. – И поживее! – Иноземцев схватил советника за воротник кафтана и начал трясти Шакловитого.

Кирилл Владимирович на плече нашего друга оглянулся, отчаянно махнул крылом: была не была! – и с силой клюнул Федьку в лоб. Тот завопил. Трое вельмож за спиной Шакловитого чуть побледнели и отступили назад, но со своего поста не ушли. Пожилой боярин строго сказал в затылок Федьке:

– Что себе позволяешь, Федор Леонтьевич? Не отвечать на вопросы царя-батюшки – это ведь прямое к нему непочтение! Тут уже бунтом пахнет, понимаешь ли ты сие?

Советник шумно рухнул на колени, пополз к Петру, завывая:

– Ох, надежда-государь, не вели меня, грешного, казнить! Все тебе скажу, как на духу. И до чего же хорошо, восчувствовал я сейчас, правду сказывать – вот словно бы ноша тяжкая с души падает! Слушай, всемилостивый царь-батюшка. Послала меня к тебе царевна-государыня Софья Алексеевна с наказом узнать, как проходят братнины детские потехи, велико ли теперь Потешное войско и много ли времени ты с ним проводишь.

– Ну, что я говорил? – горделиво обратился к нам с подружкой Иноземцев. – Вражеский шпион пробрался в Пресбург, а вы мне не верили и смеялись, как две дурочки.

Петр польщенно улыбнулся:

– Передай заботливой сестре Софье Алексеевне, что походами и ученьями занимаюсь я весьма преизрядно, что воинским наукам обучаюсь прилежно и что число моих потешных достигло уже трехсот человек.

– Ох, какое горе! – схватился за голову Шакловитый.

– Что ты сказал, Федор Леонтьевич? – изумленно спросил царь. – Горе?

Трое бояр и Наталья Алексеевна вперились в советника настороженными взглядами. Иноземцев гаркнул Федьке прямо в ухо:

– Чего замолчал? Говори все до конца!

– Да я и не скрываюсь, дух неведомый, – залепетал Шакловитый. – Разве я смею тебя ослушаться? Ты вон как свиреп и грозен! Где уж мне, человеку земному, спорить с бесом?

– Что ты там несешь про бесов? – нахмурился Петр. – Отвечай немедля, почему чувствуешь горе от моих потех?

Советник застонал:

– Да какая у меня, мужа государственного, может быть от них радость, коли ты, отрок пока еще малый и неразумный, сумел сильное войско себе завести?! И ведь не похожи твои потешные на наших крикливых стрельцов. Они у тебя на иноземный лад обучены – вон до чего прямо стоят, ажно не шелохнутся! Груды выкатили, смотрят сурьезно – видать, строгих ты им подобрал начальников. Я сам во время турецкой войны занимался устройением стрелецких полков. Я усмирал Хованского с его бунтовщиками. Сейчас заведу Стрелецким приказом, кое-что понимаю в воинском духе и вижу: преданы тебе потешные безмерно. Надо будет – в огонь и воду пойдут за своим государем. И спрашиваю с тревогой: что в сем есть хорошего, если воевода их – дитя малое? И неизвестно, на какое дело он может повести в таком разе зеленокафтаных ратников...

– Это я, по-твоему, дитя? – рассердился Петр. – Ох, смотри, Федька, не бери на себя лишнего!

Наталья Кирилловна, не сводя глаз с разболтавшегося советника, взяла сына за руку и, обняв, прижала его к себе. Казалось, царица очень хотела дослушать до конца откровения Шакловитого. Петр немного успокоился, перестал размахивать руками. Но губы его по-прежнему дергались от злости.

– Не гневайся, надежа-государь! – советник ударил себя кулаком в грудь. – Говорю я прямо и без утайки, как приказано. Так вот: опасны твои игры и забавы для спокойствия государства Московского. Мало ли что из-за них произойти может?! А если, паче чаяния, падет тебе на ум озорная охота восстать на сестрицу свою – истинную благодетельницу русскую? Да и двинешь ты потешных на Москву? Может произойти новая смута! Давно говорю я свет-государыне Софье Алексеевне: извольте, мол, запретить малому братцу Петру сии богопротивные игры! Не доведут они его до добра! А она отмахивается: пусть, мол, волчонок нарышкинский вдали от Кремля забавляется как ему восхочется. Главное, чтобы не вспоминал мальчишка о правах своих на престол и не стал бы заботиться их вернуть. А потехи его грубые нам, мол, выгодны, потому как, если дитя предастся им безостановочно, это непременно в конце концов испортит нрав отрока. Значит, когда Петр Алексеевич войдет в пору совершеннолетия, народ не захочет видеть его над собой царем. И мы, мол, сохраним свою власть державную без усилий непомерных...

Петр, Наталья Кирилловна и трое вельмож в полном ступоре слушали признания Шакловитого – до того они были поразительны.

– Ах ты раб негодный! – воскликнула, не сдержавшись, царица. – Это сын мой, государь твой, – волчонок?!

Юный царь побагровел, сдернул с шеи барабан, отшвырнул его вместе с палочками далеко в сторону. В бешенстве сжал кулаки, шагнул к советнику:

– Вот, значит, чего возжелала Сонька, Великая государыня-царевна и Великая княжна, сестра моя прехитрая? Решила она вместе с тобой, псом паршивым, к престолу наследника законного не допустить, потому и не препятствует потехам моим? Будто бы я благородными экзерцициями воинскими нрав себе испорчу, а за то народ меня не полюбит? Ха-ха-ха!

Петр отрывисто засмеялся, но взгляд его при этом остался холодно-неподвижным. Федька наконец опомнился, задрожал и отступил назад. Похоже, до советника только сейчас дошло, как неосторожно выдал он себя и царевну-государыню. Побледнев, Шакловитый сделал движение к воротам в надежде скрыться от гнева царя.

– Стой! – топнул ногой Петр.

Лицо его исказилось судорогой, большие черные глаза выкатились из орбит. Голова царя задергалась. Шакловитый, в ужасе шепча что-то, повалился на колени и прикрыл затылок руками.

– Притих, изменник?! – взревел Петр. – Не смей молчать, не смей, не смей!

По моей спине пробежал холодок. Сейчас юный государь не только не был красив – он был страшен. Куда делись его богатырская стать и ясная, открытая улыбка? «Михель-великан из сказки Гауфа – вот кто царь на самом деле, – подумала я. – Не хватает только высоких сапог да бревна на плече». Я оглянулась на Светку: подружка смотрела на государя настороженно. А Иноземцев, представьте себе, наблюдал за этой сценой с радостным торжеством! Ну да, с его точки зрения, Петр был прав в своем негодовании против сестры вместе с ее советником, а Шакловитый получил по заслугам: не подкапывайся под законного наследника престола!

С пронзительным свистом, корчась в огне, через стену перелетела крупная алая ящерица. Она упала к ногам Петра, уже нависшего над Федькой, чтобы вцепиться ему в волосы. Наталья Кирилловна взволнованно шептала что-то в ухо сыну – видно, старалась отговорить его от немедленной расправы с Шакловитым. Выпрямившись, Жестокость оглядела присутствующих глазами-шариками. По мне и Светке скользнула взглядом без всякого интереса. По вельможам и царице – оскалившись. А по Сашке – мы с Ковалевой тревожно переглянулись – утробно захохотав. Гадина топнула лапой, и из-под ее ступни выбежало несколько красных ящерок. Каждая из них стремительно кинулась к своей жертве. Три, подпрыгнув, впились в бояр, одна – в Наталью Кирилловну, а последняя – самая рослая из пяти – в нашего друга. Удовлетворенно кивнув, Жестокость-великанша повернулась к царю – она доставала головой как раз до его груди – и не спеша вгрызлась в сердце Петра. Государь замахал руками, закричал что-то нечленораздельное, гневно пнул советника в бок. Вместе с мальчишкой сразу пришли в ярость сановники, царица, а больше всех – Иноземцев! Скворец сразу же перелетел с Сашкиного плеча на мое и печально нахохлился. Мы с подружкой обомлели: пятеро человек, недавно вполне разумных, сбивая друг друга с ног, бросились к Шакловитому. Больше остальных – и это было особенно страшно! – трясся в ярости наш друг. Он, вместе с гримасничающим царем, прямо готов был убить незадачливого Федьку. Ящерки, подергивая хвостами, уже погрузили свои хищные голоvenки в сердца обезумевших от злобы людей.

– Кирилл Владимирович, – в панике спросила я нашего гида, – что происходит? Почему Жестокость Петра размножилась? И что делать с Саней?

– Мы его таким еще не видели, – растерянно пробормотала Светка.

– Пороки монархов! – воскликнула птица. – Окружающие их просто не замечают, поэтому безнравственность быстро расцветает в сердцах правителей. В результате, не встречая себе сопротивления, душевные изъязны властелинов заражают собой их родных, приближенных и слуг. Ведь любой царь, король или раджа в глазах его подданных – это наместник Бога на земле, а значит, то, что он делает, – правильно и хорошо. Следовательно, и остальным можно – и даже нужно! – пускаться вместе с венценосцем во все тяжкие! Впрочем, Наталья Кирилловна нападает сейчас на Шакловитого скорее из страха за жизнь и благополучие своего ребенка. Она видит в советнике врага – и будущее подтвердит ее недобрые предчувствия.

– Но Саня-то – не придворный и не родственник Петра! – в отчаянье возразила я. – А Вы посмотрите: он как бешеный лупит Федьку по щекам. Тот уже и не шевелится. Что делать?!

Скворец покачал головой:

– Александр сейчас считает царя *правым*, понимаешь? Жестокость вашего друга, девочки, особенно опасна, потому что он действует не из подражательства Петру, а по искреннему порыву души. Александр убежден, что поступает по совести: заступает за несправедливо обиженного царя...

– А также за Андрейку, – подсказала Светка.

– На самом же деле просто тупо мстит советнику! – крикнула я. – А значит, поступает ничем не лучше Шакловитого. Иноземцев ведь так может и в ящерюгу превратиться, как Дормидонт в жабу!

Птица кивнула:

– Действительно, помочь Александру будет трудно. Но вы все равно идите ему на выручку – и о других тоже не забудьте. Я, если кого-то интересует мое мнение, советую начать с них!

Мы с подружкой подскочили к боярам и довольно быстро оторвали от них ящерок. Раскрутив рептилий за хвосты, перебросили их за крепостную стену. Вельможи, опомнившись, отступили от Шакловитого и прижали ладони к окровавленным дырам на кафтанах. Потом я сдернула маленькую Жестокость с груди Натальи Кирилловны. Царица вскрикнула и заплакала, прижав руки к глазам. Светка, пыхтя, старалась оттеснить огромную ящерюгу от Петра – но не могла! Чудовище ловко отмахивалось от Ковалевой хвостом и передними лапами и продолжало, чавкая, пожирать сердце государя. Я сказала подружке:

– Оставь ее пока! Идем-ка лучше к Сане!

Вид у нашего друга был измученный. Временами он судорожно мигал и оглядывался по сторонам – Иноземцев пытался понять, что с ним происходит. Но алая гадина, сжав когтями его разодранную грудь, с новой силой вгрызалась в Сашкино сердце. И мальчишка опять начинал месить потерявшего сознание советника.

– Ну, погоди же! – хором крикнули мы с Ковалевой, вцепляясь в обнаглевшую рептилию.

Светка, морщась, ухватила пальцами липкую от Саниной крови голову ящерицы, чтобы отодрать ее зубы от сердца Иноземцева. Однако Жестокость не желала отпускать жертву! Тогда я, собравшись с силами, начала пальцами отжимать от Сашкиной груди глубоко вонзившиеся в нее когти рептилии. Это оказалось невозможным: они были как каменные и совершенно не двигались. Вдруг нас с подружкой опалило жаром. Я оглянулась: Жестокость Петра, вывернув шею, злорадно косилась на нас огненным глазом. Ее лапы топали по земле, еще больше раздувая в стороны окутывающее гадину пламя. Волосы у нас на головах, готовые вспыхнуть, затрещали. Но не могли же мы бросить Иноземцева одного погибать!

Ковалева кивнула мне и схватила Сашку под левую руку. Я схватила под правую. Мы с трудом оттащили мальчишку от лежащего навзничь Шакловитого – а что еще можно было сделать? Санина ящерица, забеспокоившись, убрала зубастые челюсти от его сердца. Рептилия на мгновение высунула голову из раны и попыталась зацепиться кончиком хвоста за лапу Жестокости Петра, которую та ей протянула.

– Обойдешься, – усмехнулась Ковалева, дернув ящерюгу за длинный хвост и оторвав гадину от ее начальницы.

Ящерюга зыркнула на мою подружку и снова приникла к Сашке. Мы усадили Иноземцева, прислонив мальчишку спиной к крепостной стене. Саня потерянно молчал, глядя вниз, на впившуюся в его грудь Жестокость.

– Петруша, успокойся, мой родной, – донесся до нас молящий голос Натальи Кирилловны. – Иначе опять с тобой припадок приключится. А вечером ты зачнешь пустых покоев пугаться, от тишины дворцовой дрожня дрожать. Ночью от дурных видений спать не сможешь.

– Не мешайте мне, матушка! – нетерпеливо вскрикнул царь. – Измена в государстве есть превеликое зло. Ее огнем и мечом выводить надобно. Лучше помоги поднять с земли Федьку – раба лукавого. Один я не могу, зело тяжел Сонькин наушник... Вот ведь, даже нам двоим сие не под силу. Господа бояре, подойдите сюда!

Вельможи приблизились, степенно поклонились царствующим особам.

– Понудите его встать! – приказал государь.

Сановники, неловко толкаясь, подняли Шакловитого, встряхнули. Поддерживая под обе руки и подпихивая сзади в спину, поставили перед Петром.

– Девчонки, что там происходит? – слабым голосом спросил Иноземцев.

Светка фыркнула:

– Да ничего хорошего! Этот маменькин сынок сейчас будет Шакловитого добивать, а царица и бояре – ему помогать. Это ведь будущий Петр Великий, ему можно творить что угодно.

– Д-добивать? Впятером одного, уже побежденного? – ошеломленно пробормотал Саня. – Не может быть. Зачем Петру так унижать себя? Он же полководец, а не гопник!

Я с радостью увидела, что Жестокость нашего друга недовольно трясет хвостом. Железная хватка ее когтей заметно ослабла – гадина теперь с трудом держится за Иноземцева. Я поймала одобрителный взгляд скворца, сидевшего на плече Ковалевой, и шепнула Светке:

– Смотри!

Подружка скосила взгляд на ящерюгу, кивнула и без малейшего страха сжала руками шею и хвост рептилии. Я же освободила из ее загнутых когтей лацканы и полы Сашкиного пиджака. Воспрянувший духом Кирилл Владимирович сразу вспорхнул вверх и весело закружился над нами. Потом сел на землю рядом с Саньком.

– Раз, два, три! – скомандовала я.

Мы с подружкой дернули вверх обмякшее тело Жестокости. Ух, наконец-то мы оторвали ящерицу от Иноземцева, какое счастье! Ковалева, отодвинув меня рукой, снова ухватила гадину за хвост, со свистом раскрутила над головой и кинула ее через стену. Мы с улыбкой пожали друг другу руки: дело сделано!

Сашка поднял на нас осоловелые глаза и заморгал. Тяжело поднялся на ноги. Ранка на его груди еще продолжала кровоточить – весь пиджак мальчишки был покрыт бурными оплывающими пятнами. Но Иноземцеву было не до того! Смущенно пробормотав:

– Спасибо, девчонки! Если бы не вы, ящерюга меня бы уже схомячила, – наш друг показал пальцем вперед: – Поглядите-ка, советник вроде очнулся и стоит бодрячком. Значит, не сильно мы его отмузузили? Уф, хорошо!

Иноземцев перевел дух. Скворец взлетел мальчишке на плечо. Иронически кося на Сашку глазом, каркнул:

– Да, Федор Леонтьевич пришел в себя. Но я бы на твоём месте, Александр, не слишком радовался за него. Шакловитому еще предстоит сегодня испытания – и, поверь мне, нешуточные. С этого момента будьте внимательны, друзья мои. Сейчас наступят важные события!

У меня застучало в висках. Я всмотрелась в группу людей невдалеке, которые жили так давно – триста с лишним лет назад! Все они давно умерли, деяния их хорошо известны историкам. Но скажите тогда, почему их чувства, слова и поступки сейчас волнуют нас, занесенных в 17 век волей удивительного случая? Сашка со Светкой тоже напряглись – да и как иначе? В компании царей и придворных творилось что-то непонятное. Петр, с белым от ярости лицом, топал ногами. Его Жестокость, выросшая вдвое и весьма раздавшаяся вширь, почти закрывала собой от наших глаз разбушевавшегося государя. Ведь теперь рептилии приходилось, чтобы достать до сердца мальчишки, сильно наклоняться вниз – так высока стала алая гадина. Советник стоял, поникнув головой. Наталья Кирилловна и сановники мягко увещевали царя:

– Петрушенька, успокойся! Вон как глазки у тебя остекленели, страх да и только!

– Земно кланяюсь тебе, государь, я – дядька-воспитатель князь Голицын: не допустите себя до эдакого сумасбродства, Петр Алексеевич!

– Послушай и меня, батюшка наш милостивый. Я ведь давно твоему венценосному роду предан. Еще при Алексее Михайловиче главой разных приказов был: Большой казны, Иноземного, Рейтарского. Управлял и Московским Судным. Все законы государственные доподлинно знаю. И скажу тебе искренне: негоже Помазаннику Божьему *самому* сыск проводить и изменника наказывать.

– Нет, нет, нет! – орал Петр. – Будет как я говорю!

– А Вы что ж молчите, Петр Васильевич? – царица протянула руки к пожилому вельможе. – Уговорите государя не гневаться! Шереметевы всегда были опорой русскому трону. Вот, сыночек, послушай нашего усердного раба! Он еще деду твоему Михаилу Федоровичу, будучи юным, как ты, отроком, рындой служил. Потом с отцом твоим, царство ему небесное, ходил в походы против шведов и поляков лукавых. Бил победоносно под Путивлем короля Яна Казимира и не отдал ему город. Вспомни недавний бунт, Петрушенька. Когда мы с тобой и братцем твоим Иоанном на Красном крыльце стояли, а под нами во дворе стрельцы бесновались, Артамона Матвеева и дядьев твоих злосчастных на копья подымая, кто вниз сошел, прямо к бунтовщикам безжалостным? Кто, рискуя жизнью собственной, уговаривал их разойтись по домам? Петр Васильевич большой Шереметев. Да и теперь он, несмотря на годы, служит нам исправно. Сейчас вот, скажем, ведает Москвой, пока ты и царь Иоанн числитесь в отбытии. Сиделец кремлевский, как мне ведомо, на богомолье отъехал. Родной твой батюшка, сынок, безвременно скончался. Так прими хоть от Петра Васильевича отеческий совет!

– Благодарю тебя, свет-Наталья Кирилловна, государыня наша добрая, – растроганно отозвался Шереметев. – Я и не знал, что ты столько знать изволишь о трудах моих скромных на благо царства Московского.

– Ах, матушка, – сверкнул глазами царь, – слышан я достаточно о заслугах Петра Васильевича перед престолом нашим. Вспомни – ты же сама мне и сестрице Наташе премного читала из старой гиштории европейской. А еще рассказывала о славных воеводах русских, кои свои подвиги совершили во времена недавние. Все я знаю и об осаде князем Риги, и о победе над польским королем, после коей он оставил Путивль и убрался в Вильно...

– Так не вели мне тогда, государь, молчать, вели слово молвить! – воскликнул воспрянувший духом Шереметев.

Петр усмехнулся. Встопорчил черные усики, как рассерженный кот.

– Коли мне понадобится наставление в воинском деле, – заявил мальчишка, – обращусь я смиренно к тебе, Петру Васильевич, и внимать твоему голосу стану трепетно. Но сейчас мне угодно вывести на чистую воду злого изменника, и я это сделаю! Да ежели бы я, матушка, слушал бояр, то не здесь бы фортеции строил и благородные науки постигал, а сидел бы в Кремле, аки болван безвольный, и отвечал бы иноземным послам всякие глупости по Сонькиной подсказке. А вспомни, как стращали твоего сына в прошлом году бояре, чтобы не смел он сам из пушки стрелять! Жужжали в уши: мол, и изувечусь я, и обожгусь, и разорвет меня ядром. А я взял, да и выпалил! Из пистолета и карабина прицельно бить тоже научился. И теперь огненная потеха для русского царя – дело обычное. Что, не так?

– Вестимо так, – осторожно поддакнул ему Голицын. – Однако и посейчас не разрешено тебе, государь, стрельбу зелейную одному совершать. Либо я, царев дядька, при сем действе присутствую, либо капитан выборного полка Симеон Зоммер.

Петр хитро сощурился (красная гадина, поедающая его сердце, подпрыгнула от восторга). Сказал:

– Вот я и надеюсь, Борис Алексеевич, что ты, мой верный слуга, поможешь царю-батюшке. А под твоим-то главенством мы Сонькиного прихлебателя Федьку как следует ущучим, да?

Боярин в замешательстве развел руками.

– Кирилл Владимирович! Объясните мне, пожалуйста, о чем они спорят? – нетерпеливо спросил у гида Иноземцев. – Чего царь добивается?

– Сейчас узнаешь, – вздохнула птица.

Петр выпрямился. Гордо оглядел царицу и троих вельмож. Приказал, указав рукой на Шакловитого:

– Отойдите от лихого врага подальше, дабы не потерпеть случайно урон здравью своему, для нас драгоценному.

Взрослые, понутив головы, послушались мальчишку. Советник, оставшись в одиночестве, задрожал и упал на колени, бормоча:

– Не виноват я ни в чем. Помилуй меня, государь, Христа ради.

Петр гневно топнул ногой. Грызущая его Жестокость, вильнув хвостом по пыли, снова выросла вдвое. Теперь она стала настоящим драконом! Царь кивнул Голицыну, веля ему идти за собой, и, сильно размахивая на ходу руками, побежал к пушкам. Орудия стояли на возвышении вдоль ширины крепости, слева от входа. По пути следования юного государя офицеры быстро и четко перестраивали ряды потешных, открывая широкий проход для Петра и Бориса Алексеевича. Боярин шел, низко опустив голову. Красная ящерица, несмотря на свои устрашающие размеры, очень шустро пятилась перед царем, не мешая его движению. Ясное дело, обжоре не хотелось расставаться с роскошным обедом! Потом рептилия и вовсе выпрямилась, подхватила мальчишку передними лапами, подняла его вверх, до уровня своей жадной пасти – так Жестокости было удобнее поедать царское сердце – и с удвоенной скоростью заскакала задом к пушкам. Дормидонт Ильич – его зеленая туша ярко отсвечивала на углу между крепостными стенами – замерев, следил за летящим над землей Петром вылупленными желтыми зенками. «Интересно, – подумала я, – он-то, в отличие от остальных, видит ящерюгу или нет? Правда, Дормидонт тоже – подданный его упрямого величества. Но ведь селянин – еще и жаба, милая сестренка Жестокости. Значит, должен узнать родственницу. И, наверное, это так и есть: не зря же конюх вжался в стену и испуганно тарашится на происходящее!» Светка сказала:

– Вот странно! Я понимаю: это мы с вами видим, что Петра несет на ручках ящерица, потому царь и передвигается поверху. Но его современники?! Для них, получается, нормально, что Государь Московский летит по воздуху? Смотрите: ну, хоть бы кто-нибудь удивился или вскрикнул!

– Таковы убеждения верноподданных любого монарха, – хмыкнул Кирилл Владимирович. – Государевы рабы твердо знают: их царь велик и могуч, венценосцу подвластно все: и земли, и воды, и воздушные движения в его владениях. А судить о поступках миропомазанного величества простые смертные не имеют права. Это во власти одного Господа Бога.

– Но это же правильно! – горячо отозвался Иноземцев. – Слышали, Петр рассказывал: бояре не давали ему стрелять? Да если бы пацан, как положено нормальному царю, не наплевал на их запреты, в России и не появилась бы сильная артиллерия! Подумайте, из чего бы тогда стрелял по немцам под Москвой мой двоюродный прадедушка? Из раскрашенной пушки, похожей на ту, что свистнул Щука?

– Да оставь ты, Саня, в покое своего героического предка, – тихо сказала Светка, всматриваясь в происходящее возле орудий. – Что это Петр там развопился? Побежали, узнаем!

Мы кинулись к пушкам. «Чего узнавать? – в ужасе думала я. – И так ясно: царь наконец заметил пропажу деревяшки. И из этого наверняка выйдет ужасная дрянь!»

Я не ошиблась. Петр, по-прежнему приподнятый над землей Жестокостью, тыкал пальцем в пустое место между орудиями. Государь негодуя дрыгал ногами и орал:

– Где моя любимая пушка?! Кто посмел ее забрать? Выпал случай заняться делом *по-настоящему*, а что толку?

Борис Алексеевич, глядя вверх, уговаривал капризника:

– Государь ты мой милостивый! Полно уж надрываться да бушевать. Вдруг головку тебе болью разломит – ну, что хорошего? Раз уж так судьба положила, что лучшая твоя бомбарда неведомо куда подевалась, может, следует отложить дознание преступных замыслов Шакловича?

– Нет! – взревел царь. – Не стану я сыск откладывать, нашел дурака! Федька отсюда улизнет, к Соньке в Москву уедет, а та его где-нибудь спрячет, вот и вся недолга. Но правда:

надо успокоиться. Распалившись духом, нельзя добиться успеха в военном предприятии – так ты всегда меня учил. Кто виноват в пропаже орудия, я потом узнаю. А сейчас – уф-ф, вот и злость прошла! – лучше допрошу-ка я Шакловитого, да с ясным разумом, да без лишнего жестокосердия, чтоб не напугать боярина до времени. А то замкнется со страху лукавый раб, и ничего у него потом не выведаешь.

Ну, надо же! Ящерица сразу стала сдуваться, как проколота шина. Рептилия оторвала зубы от сердца государя и недоуменно заворочала огненными глазами – что это, мол, происходит? Просто форменное безобразие! Поестъ досыта не дают! Вот Жестокость стала ростом с Петра и выпустила мальчишку из когтистых лап. Царь оказался на твердой земле – но, похоже, не заметил этого. Зато Голицын удовлетворенно кивнул: все-таки куда безопаснее для здоровья его воспитанника не болтаться в воздухе, а стоять на своих ногах, как положено доброму христианину. Подошли, ласково улыбаясь, Наталья Кирилловна, Троекуров и Шереметев. Я оглянулась на Шакловитого – хоть бы, и правда, он уже сбежал из городка! Времени для этого у советника было достаточно. Но нет: Федька стоял на прежнем месте, униженно склонив голову. Вот глупый! Петр между тем обратился к Голицыну:

– Как я рад, Борис Алексеевич, что послушал тебя. Теперь-то, остывнув, и проведу беспристрастный сыск. Двух потешных ко мне!

Троекуров и Шереметев отошли к ближнему офицеру и что-то сказали ему. Офицер, выйдя из строя, вполголоса скомандовал. И вот уже к государю подлетели и вытянулись в струнку двое парней в зеленых мундирах.

– Ступайте к тому боярину, – царь небрежно ткнул пальцем в сторону советника, – и доставьте его немедленно сюда.

Солдаты ходко зашагали к Шакловитому, притащили его, упирающегося, и поставили перед Петром. Ага, ящерюга еще похудела и отступила от царя на целый метр! Вид у рептилии был унылый. Пламя под ее красными ногами еле теплилось.

– Ну что, раб Божий Феодор, – важно обратился будущий император к советнику, – поведай нам, как злоумышлял ты вместе с сестрой моей Софьей Алексеевной против законного государя Петра Алексеевича?

– Не злоумышлял я, – буркнул Шакловитый, – а токмо секретно обсуждал с царевной-государыней ее семейные дела.

Петр сжал кулаки, шагнул к Федьке и прошипел:

– Пес шелудивый! Каким краем *ты* принадлежишь к роду Романовых, что смеешь досужий свой язык об наши дела елозить?! Отвечай, не сходя с места!

Советник угрюмо молчал, глядя себе под ноги. Царь дернул ртом, хотел броситься на него, но был остановлен за плечо Голицыным. Ящерюга взбодрилась и сделала шаг к государю. Наталья Кирилловна как-то почувствовала ее движение, встревоженно повернула голову к Жестокости милого сына Петрушеньки – но, разумеется, не увидела ее. Государыня сжала руки и сказала царю:

– Сынок, едем-ка лучше домой. Уж полдень давно миновал, а ты все здесь обретаешься: труды воинские несешь, ножки о землю бьешь. Я сегодня к обеду ячменную кашу с молоком подать велела, столь тобой любимую...

Мальчишка сердито повел на женщину черными глазами:

– Ах, матушка! Еще раз почтительно прошу тебя: не мешай! Если тебе надобно, отправляйся во дворец, а меня к сему не понуждай!

Царица неудержимо всхлипнула и отвернулась от сына. Рептилия снова шагнула к Петру – на этот раз увереннее. Шакловитый поднял голову и забубнил:

– Вот и я осмелюсь просить тебя, государь наш милостивый и справедливый: послушай матушку любезную, езжай с Богом домой и меня заодно отпусти Христа ради, поелику не виноват я ни в чем предосудительном...

– Князь Борис Алексеевич и воевода Петр Васильевич, строители Потешного городка! – завизжал царь. Жестокость, радостно взметнув хвостом, оказалась рядом с мальчишкой. – Велю: помогите мне, государю вашему, обличить в злонравных помыслах боярина Шакловитого. Коли не желает преступник сознаваться добровольно, так сделает это под угрозой жизни его!

Голицын сказал с поклоном:

– Но, государь! Ведь от пушки твоей любимой, коя отменно, при малых зарядах пороха, деревянными ядрами стреляет, и следа не осталось. Чем же станешь ты грозить боярину?

– Борис Алексеевич, слуга мой верный! – вскричал Петр. – Немедля отдай приказ о начале огненной потехи!

– Отдаю, – нехотя промолвил князь.

– Повелеваю: ежели невозможно открыть бомбардировку деревянными ядрами, надобно провести ее пареной репой! И, я думаю, еще большее будет, коли горячая каша в лицо врагу моему попадет, – усмехнулся мальчишка. – Петр Васильевич, прикажи насчет паренки! Борис Алексеевич, за мной! – и побежал к орудиям. Ящерица, не отставая от царя, топала рядом с ним.

Советник завыл и попытался упасть в траву, прикрыв руками затылок. Но дюжие потешные вздернули его вверх и поставили на ноги. Мы в ужасе переглянулись: царь неудачно пощуптил? Или...

– Кирилл Владимирович, – одними губами спросил Сашка скворца, – это что, взаправду? Петр будет бить из пушки по человеку?!

Птица мрачно кивнула:

– К сожалению, да, Александр. Юному царю, по понятным причинам, не разрешается пока самостоятельно палить из мортир чугунными ядрами. Зато деревянными, или пареной репой, или вареным горохом – пожалуйста, сколько угодно.

– Но это же опасно для людей! – возмутилась Ковалева.

– Ты права, Светлана, – согласился скворец. – Историкам известно, что немалое количество «робяток» было покалечено и обожжено в потешных боях. Кстати, и сами солдаты во время учений стреляют друг в друга из ружей не только овощным пюре, но и горящими пыжами. Столь суровыми приемами достигается, так сказать, натуральность военных игр Петра.

– Но то в игре, там всякое бывает, и никто не обижается! – закричала я. – А как можно нарочно стрелять в лицо человека раскаленной массой?

– Как видишь, можно, – развел крыльями Кирилл Владимирович, – если это делает самовластный монарх. Смотрите, друзья, вон уже государю и репу в ведрах несут. Ох, как дымится горячая каша! Видно, ее только что сняли с огня.

– Ну и гад же этот государь! – заорал Иноземцев. – Девчонки, за мной!

Сашка рванул прямо к царю, который вместе с Голицыным суетился у лафета медного орудия со странно коротким и широким стволом. Кажется, такие пушки в старину назывались мортирами. Мы с подружкой полетели следом за Иноземцевым. Может, и правда удастся воспрепятствовать злему делу, затеянному Петром? Вот и добежали! Возле жерла орудия стояли, вытянувшись, двое солдат. В руках они держали деревянные бадьи с репой. От распаренных корнеплодов валил густой пар.

Царь и боярин перестали возиться у нижнего конца мортиры и поднялись на ноги. Вместе с Петром вскочила с лафета и Жестокость. Ящерюга в восхищении тарашчилась на мальчишку. Предчувствуя скорый пир, рептилия алчно облизывалась черным языком. Лицо будущего императора, перемазанное порохом, сияло. Ах, как мне захотелось треснуть царя по затылку! – но нельзя было заранее обнаруживать наше присутствие. Я засунула сжатые кулаки в карманы жакета. Иноземцев с Ковалевой, по моим наблюдениям, тоже едва сдерживали возмущение:

Светка угрожающе притоптывала ногой, а Саня, закусив губу, слушал скворца, который что-то шептал мальчишке в ухо.

– И что же, Федор Леонтьевич? – спросил Петр, в упор глядя на Шакловитого. – Последний раз спрашиваю: признаешься ли ты в измене мне, своему государю? Или я приказываю тотчас же открывать бомбардировку?

Советник испуганно икнул и замотал головой. Лицо Федьки стало серым. Шакловитый попытался, рванувшись из рук потешных, закрыть его ладонями. Но парни схватили советника за кисти и вновь опустили их вниз, по швам.

– Начинаем! – гаркнул Петр. В руке его неведомо откуда появилась длинная дымящаяся трубка. Ящерюга подскочила к царю и протянула к нему лапы с растопыренными когтями. – Вложить заряд!

Двое потешных, принесших репу, разом поставили ведра на землю. Потом, кряхтя, стали поворачивать мортиру дулом вверх. Царь, наблюдая за процедурой, подошел к ним. Трубка в его руке тлела, распространяя кислую вонь горящего пороха (я знаю: так пахнут, взрываясь, петарды, которые любят поджигать у нас во дворе мальчишки). Вот ствол орудия встал вертикально. Лицо Петра исказилось, усики мальчишки гневно встопорщились.

– Живее! – приказал он потешным. – Чего медлите?

Жестокость, хлестнув хвостом по земле, наклонилась и впилась зубами в успевшую затянуться рану на груди царя. Петр вздрогнул, поднес руку к сердцу. По пальцам государя побежала кровь. Солдаты снова подняли бадьи с репой. Один из них, поднеся горячую кашу к жерлу мортиры, уже собрался вылить массу в ствол. Второй терпеливо ждал своей очереди. Но парню не суждено было ее дожидаться! С криком:

– Девчонки, вперед! Уничтожим боеприпасы противника! – Иноземцев подскочил к первому потешному и ударом ноги выбил ведро из его рук. Кирилл Владимирович, победно каркнув, заметался над головой Сани.

Солдат взвизгнул: капли жгучей массы попали ему на чулки – и отпрыгнул назад от расклевываемой по земле желтой луже. Мы с подружкой, согласно приказу командира, тоже не моргали. Светка дернула из руки другого солдата бадью, плеснула в сторону репяную жижу. Я выхватила из пальцев царя дымящуюся трубку и кинула ее за крепостную стену. Петр, приоткрыв от изумления рот, проводил глазами улетевшую опасную игрушку. Скривившись, завопил:

– Борис Алексеевич, передай барабанщикам: сейчас же бить алярм! Тревога в Пресбурге! Запал улетел, *мой* запал улетел – и почему, неведомо! А репа взяла и пролилась – тоже беспричинно!

Государь взмахнул руками, поскользнулся на липкой массе и упал в нее навзничь. Ящерюга, разочарованно хрюкнув, оторвалась от его груди и вмиг уменьшилась до размера кошки. Увязая в репе, попятилась от Петра к Сашке, которого, похоже, не заметила. Иноземцев тут же прижал гадине ногой хвост. Жестокость зашипела, повернула голову к нашему другу, раскрыла пасть и попыталась вцепиться ему в штанину. Саня, захохотав, отпустил хвост рептилии, поддел ее ботинком и увесистым пинком отправил – я думаю, вы уже догадались куда! – правильно, за бревенчатую стену крепости. Ящерюга, зажмурился от ужаса глаза и растопырив в воздухе красные лапы, как миленькая полетела в указанном направлении! И огонь, представьте себе, вокруг гадины не плясал, и не выписывала она в воздухе устрашающие сальто, а все равно со свистом неслась куда велено, не смея изменить курс и вернуться назад, к своей жертве!

Возле жертвы, кстати, сутились Наталья Кирилловна, Шереметев и Троекуров. Они старались поднять на ноги рыдающего от досады царя. Но Петр, сидя в желтой луже, дрыгал ногами и отмахивался от них руками, вопя:

– Измена в государстве Московском! Алярм, полный алярм!

Чуть поодаль нервно переминались с ноги на ногу двое давешних потешных. Они явно не знали, что им делать: помогать царице и боярам или бежать за приказаниями к офицерам. В крепости поднялось движение: трещали барабаны, звучали отрывистые команды, гулко топали, перестраиваясь, шеренги потешных. Вот из-за избушки вышел, оглядываясь, князь Голицын. Похоже, он один сохранял спокойствие в общем переполохе. Впрочем, Шакловитый тоже молча стоял на прежнем месте, стиснутый с обеих сторон солдатами. Те, выкатив от усердия глаза, продолжали исполнять свой «воинский долг» – держать за руки «преступника». Борис Алексеевич, приблизившись к бившемуся в истерике царю, поклонился и промолвил:

– Изволь, государь мой милостивый, встать на ножки, ибо не время сейчас царю Московскому смятённым чувствам предаваться.

Петр сразу притих. Шмыгнув носом, поднялся, с ног до головы заляпанный репой. Спросил недоверчиво:

– Почему – не время?

– А потому, что объявил я, согласно отданному повелению, по всему войску алярм, сиречь тревогу. И теперь солдаты твои, Петр Алексеевич, перестроены в боевом порядке, исполнены доблестного духа. Ратники ждут распоряжений Великого Государя, Царя и Великого князя Российского. А он, вместо смотра дружине, кричит да на земле валяется! Дело ли это? – подумай сам, Петр Алексеевич.

Мальчишка вздохнул. Согласно кивнул воспитателю. Тот скомандовал двоим потешным, все еще не решавшимся отойти от монаршей семьи и вельмож:

– Быстро отряхнуть государя нашего, убрать с его мундира репу, привести Петра Алексеевича в порядок!

Солдаты, толкаясь, бросились исполнять приказание боярина. Очень скоро вид у мальчишки стал вполне благопристойным. Царь ободрился, махнул рукой потешным, веля им отойти. Парни, улыбаясь, застыли по стойке «смирно».

Петр расправил плечи. Насмешливо глядя на Шакловитого, отчеканил:

– Вины твои, раб, для меня ясны и несомненны. Но строгий сыск по ним я волею царской пока отлагаю. А войск потешных ты, Федор Леонтьевич, правильно опасешься: сильны они, и отменно обучены, и готовы к тяготам походным. Сестра меня малым недоумком считает, а зря. Так смотри же сам, а после царевне Софье Алексеевне передай то, что сейчас увидишь. Пусть знает: не токмо одни стрельцы составляют мощь государства Московского!

Хохотнув, мальчишка бросился к своему барабану и палочкам, лежащим на земле. Бережно поднял инструмент, накинул на шею витой шнур, взял палочки наизготовку и строевым шагом двинулся к войскам. Двое солдат побежали за ним следом. Бояре проводили царя одобрительным взглядом, а Наталья Кирилловна тихонько перекрестилась.

Видели бы вы, как радостно встрепенулось Петрова дружина при его приближении! Воины подтянулись, на их лицах вспыхнули улыбки. Царя здесь любили и уважали – это было заметно невооруженным глазом. Государь, печатая шаг, подошел к молодому – на вид лет семнадцати офицеру, возглавлявшему шеренгу храбрых потешных, и что-то сказал ему. Юноша учтиво поклонился. Размахивая тросточкой, отправился к другому военачальнику, стоящему в соседнем ряду. Царь, вздернув плечи, занял место рядом со знаменосцем. Поправил на груди барабан, весело шелкнул палочками.

– Кирилл Владимирович, а кто такой этот парень? – с любопытством спросил Иноземцев у скворца.

– Князь Андрей Михайлович Черкасский, – ответила птица, – комнатный стольник царей Петра и Иоанна Алексеевичей.

– Кто-кто? – изумился Сашка. – Стольник?

– Это такая придворная должность, – пояснил Кирилл Владимирович. – Человек, занимающий ее, обслуживал трапезы монарха, когда тот ел один.

– Значит, кто-то вроде официанта? – фыркнул мальчишка. – А еще князь! Как же этот слуга в офицеры попал?

Светка назидательно подняла палец вверх:

– Ты не забывай, Санек, *кому* он блюда подавал и за *чьей* спиной стоял во время обеда. И нечего удивляться, что царя обслуживали бояре и дворяне – это было тогда в порядке вещей. Князь Голицын при Петре, между прочим, сейчас всего лишь дядька-воспитатель. И очень гордится этим! Я правильно говорю, Кирилл Владимирович?

Птица серьезно кивнула:

– Да, Светлана. Князь Черкасский, как доверенное лицо юного царя, был записан им в потешные. Как человек очень знатного и славного рода, назначен капралом. В 1695 году он станет капитаном, будет командовать ротой Преображенского полка. Не раз потом Андрей Михайлович докажет государю свою преданность. Пройдет с Петром оба Азовских похода. К сожалению, карьеру молодого военного оборвет ранняя смерть. Это случится в 1701 году.

– Жалко, – огорчилась моя подружка. – Получается, что князю будет едва за тридцать – а он уже умрет...

Сашка смущенно кашлянул, следя глазами за быстрыми перемещениями Черкасского по площади Пресбурга. Наконец юноша встал в центре двора, выпрямился, взмахнул тростью. Ух ты, как оглушительно грянули барабаны! Солдатские шеренги четко, по-парадному, зашагали по двору. Это было прекрасное зрелище! Мимо нас стройными рядами, ни разу не сбившись с ритма, проплывали войска Петра. Лица потешных были серьезны. За спинами подростков чуть покачивались разнокалиберные ружья. Реяли на ветру флажки, трещали барабаны. Дружина на ходу перестраивалась, ловко поворачивала вправо, влево и кругом. Иноземцев даже рот приоткрыл, наблюдая за происходящим. Он, задохнувшись от восторга, схватил нас с подружкой за руки и крепко стиснул их. Ковалева поморщилась от боли, но тут же забыла о ней: справа от нас, третьим в ряду от знаменосца, высоко подняв белокурую голову на сильных плечах, шагал Афанасий. Он прямо и твердо смотрел перед собой. У Светки при взгляде на будущего бомбардира запылали щеки.

– Ир, – в волнении шепнула мне подружка, – ты представляешь, что Афоня вытерпел за эти полдня, постоянно ожидая разноса за пропавшую пушку? Ох, я бы уже давно скончалась от страха! А он идет себе и ничего не боится. Спокойно принимает то, что будет. Молодец! Ой, смотри, что там происходит?

3. Поиски ускользающей истины

Светка показывала в сторону одной из избышек, стоящих посреди крепостного двора. Оттуда слышался слабый шум: будто что-то ритмично взрывалось внутри помещения. От домика резко пахло кислым. Вот запахнулась дверь, и на низкое крылечко вышел Савва Романович. Птицу плохо видно было из-за марширующих мимо избышек потешных. Но мы с Ковалевой успели заметить, как страус, обвитый клубами сизого дыма, призывно махнул кому-то крылом. Тотчас же из проема пулей, как от толчка, вылетел Щука. Удивленно оглянувшись, скатился со ступенек вниз и побежал прочь от избышки. За ним на крыльцо вышел Мухин и что-то крикнул вслед Ленке. Страус наклонил к Пашке голову, и они некоторое время посовещались. Потом птица захлопнула створку, когтем задвинула на ней щеколду. Прапорщик вместе с Мухиным спустились с крыльца и не торопясь отправились вслед за Щукой.

– О, девчонки! – Иноземцев дернул меня и Ковалеву за руки. – Вон впереди Черкасского шагает Петр. Послушайте: он здорово играет на барабанах! Мне такую дробь ни за что не выбить. И почему только царю, жестокому гоблину, катит счастье? Делает что хочет. Свою сестру-гадюку даже не празднует и ее советника тоже. Доверенного стольника в офицеры произвел, и никто перцу не помешал это сделать. Войско собрал и обучил почти как настоящее, с оружием, с артиллерией!

– Кирилл Владимирович, – перебила Сашку Ковалева, – скажите, а подальше Петра, третий в шеренге – кто шагает? Ну, светловолосый, с голубыми глазами? Который смотрит дерзко и смеется?

– Это Александр Данилович Меншиков, нынешний денщик царя, его верный телохранитель, одним из первых записанный в потешные. Будущий граф, князь, герцог Ижорский...

– Погодите, – уточнила я, – он сейчас что, одновременно и денщик, и солдат?

– Да. Все потешные исполняют свои прежние обязанности стольников, спальников, крепетников, конюхов, истопников и вместе с тем служат в войске Петра Алексеевича, получая за это жалованье.

– Да что вы про какое-то жалованье?! – Сашка, задохнувшись, рванул воротник рубашки. – Кирилл Владимирович, Вы не шутите? Это тот самый Меншиков, гениальный полководец? Который много раз выигрывал сражения, умея командовать одновременно и пехотой, и кавалерией? Тот, кто в мае 1703 года, находясь в устье Невы и имея под началом всего тридцать лодок, одержал *первую* морскую победу над шведами? Тот, кто разгромил шведско-польский корпус под Калишем в 1706 году? И кто сам в решающий момент ринулся в бой и увлек за собой других?

– Да, Александр. Именно его ты сейчас видишь перед собой – подростка неполных пятнадцати лет, будущего верного соратника Петра Великого.

– И еще, – Сашка нервно облизал губы, не в силах оторвать взгляд от озорного мальчишки в зеленом мундире, – Меншиков во время Полтавской битвы в июле 1709 года наголову разбил отряд генерала Шлиппенбаха, а самого его пленил. А в тот момент, когда столкнулись русская и шведская армии, он напал на корпус генерала Рооса, обратил его в бегство, рассеял по полю боя без остатка, чем во многом предопределил будущую победу. Под Александром Даниловичем за время сражения были убиты три лошади – но он не струсил и продолжал воевать, пока не настиг убегающих шведов у переправы через Днепр и не заставил их сдаться!

Мы с подружкой, оторопев, слушали Саню. Честное слово, мы даже не предполагали, что Иноземцев так хорошо знает историю – правда, военную, а не общую! И когда наш друг успел начитаться этих сведений, если еще до конца прошедшего июня он – нам было точно известно! – вообще и книг-то в руки не брал? Или это случайность? Надо будет выяснить!

– А вон тот, темненький, с умным лицом? – ткнула я пальцем в другого потешного. – Который смотрит серьезно и строго?

– Яков Вилимович Брюс, – ответил скворец, – будущий ученый, алхимик, естествоиспытатель, дипломат, инженер, военачальник.

– О, – благоговейно вздохнул Сашка, – я его знаю. Брюс уже в тридцать пять лет стал маршалом. И тоже прославил себя в Полтавской битве! Накрыл шведов таким ружейным и артиллерийским огнем, что привел их в ужас и полное замешательство. На Карла Двенадцатого вместе с его армией словно бы сыпался с неба град из больших бомб и летающих гранат. А еще Яков Вилимович изобрел пушку, которая зараз, одним ядром, снесла полстены завоеванной русскими шведской крепости Ниеншанц. И провел реформы, и улучшил конструкцию орудий, и сделал артиллерию самостоятельным видом войск. Между прочим, одним из ведущих! Даже, может быть, благодаря этому человеку мой двоюродный прадедушка героически бил потом из миномета немцев под Москвой. Ведь миномет – это потомок короткоствольной мортиры. Ну, типа той, из которой Петр только что хотел расстрелять советника репой. Так вот, именно Брюс усовершенствовал баллистические качества мортиры и заставил отливать ее по своим собственным чертежам, и...

– Саня, хватит! – замахала руками Светка. – Все это будет потом. А пока Меншиков и Брюс – просто мальчишки, играющие в войну, потешные «робятки» Петра. Чего заводиться-то?

– Ковалева, ты не понимаешь! – крикнул Иноземцев. – Эх, мне бы таких «робяток»! Да я бы с ними горы свернул. Ведь если иметь верных соратников, можно совсем другую армию организовать, чем та, что есть сейчас в России: без дедовщины, без битья, без отношения к солдату как последнему чмо! Это была бы *настоящая*, веселая и сильная армия – по образцу той, которую в 18 веке создал генералиссимус Суворов. Честно служа в ней, офицеры не крали бы солдатские пайки, а генералы не заставляли бы рядовых строить себе дачи! И я это сумел бы совершить, не сомневайся, Ковалева. Но дружу-то я с тобой и Костиной, а вы девчонки и в армию точно не пойдете!

Я засмеялась:

– Да уж конечно. Шагать под барабан, как эти потешные, нам неинтересно.

Мальчишка опять что-то взволнованно забубнил, но мы с подружкой отвлеклись от его речей – куда важнее было обсудить последние события, а не будущую Санину военную карьеру.

– Как ты думаешь, – прошептала Светка, – что могли делать в избушке Савва Романович, Щука и Мухин? И почему оттуда валил дым?

Я вздохнула:

– Не знаю, Свет. Тоже хочу понять, но не могу. И самое главное: почему прапорщик позволил мальчишкам хулиганить? – ведь надымили-то в домике наверняка они! Страус такой строгий! Вспомни, он же гонял своих «новобранцев» просто беспощадно, воинскую дисциплину укреплял. И вдруг – спокойно разрешает им что-то жечь в деревянном помещении! Хотя... все ясно! Я просто забыла: гиды здесь, в Потешном городке, не имеют права командовать нами.

Ковалева хихикнула:

– Да это чепуха, Ир, по сравнению с другим фактом: Пашка выпнул из домика Леньку. Ты до конца-то догоняешь? Мухин – Щукина, а не наоборот! Честно сказать, это загадка потруднее формулы квадратуры круга. У меня самой голова идет кругом... Ой!

Я тоже вздрогнула: мне показалось, что под нашими ногами вздрогнула земля. Точно, вон образовался холмик! Правда, это длилось недолго: горочка шевельнулась и осыпалась. Зато чуть дальше вспухла земляная полоска. Ну и ладно, неважно – к нам-то она не имеет отношения, иначе не переместилась бы в сторону. Да, действительно, моя подружка права: поведение

Пашки и Ленки удивляет еще больше, чем непонятное благодушие Саввы Романовича. Что же все-таки происходит?!

– А где Саня? – завертела головой Ковалева. – Ох, ты смотри, Ир, куда он вылез. Да еще орет и руками машет! С ума, что ли, сошел? Ведь Иноземцева обнаружат, а вместе с ним – Кирилл Владимировича. И солдаты, по-моему, друг в друга стрелять собираются!

Да, картина военных учений изменилась, да еще как! За разговором мы с подружкой не заметили, что барабаны смолкли, маршировка прекратилась, Парни разделились на две равные части, сняли ружья с плеч и поставили их каждый у ноги дулом вверх. Теперь потешные представляли из себя как бы пару враждующих армий, которые вот-вот сойдутся в битве. Одну группу возглавлял Черкасский. Рядом с ним находился Петр – по-прежнему с барабаном на груди. Впереди другого войска стоял князь Голицын. В стороне от обеих дружин выстроились рядами знакомые бадьи – некоторые из посуды еще остались почти полными. Их ярко-желтое содержимое так и сияло на солнце! Понятно, это пареная репа. В других ведрах было наложено что-то коричневатое – наверное, горох. Подумать только, потешные уже успели зарядить «боеприпасами» свои пищали, фузеи и мушкеты, а мы с Ковалевой, проболтав, этого не заметили! О, какая жуткая неприятность! В гуще вооруженных войск, ровно посередине между ними, торчал и возмущенно вопил что-то Иноземцев! На плече его сидел, нахохлившись, скворец. Ясно! Кирилл Владимирович уже, наверное, оставил попытки привести в чувство нашего друга и предоставил событиям идти своим чередом. Но почему, почему птица отступилась от Сани? Ведь гид всегда помогал нам в трудные моменты! Кое-кто из солдат, видимо, слышал крики нашего друга: некоторые парни, особенно из передних рядов, изумленно тарасились в сторону Иноземцева. Они его, разумеется, не могли видеть, но все же... Я схватила подружку за руку:

– Света, положение становится опасным. Похоже, Сашка совсем выпал из реальности. Бежим туда, иначе потешные его сейчас расстреляют – да еще вместе с Кириллом Владимировичем!

– Одно хорошо, – бормотала Ковалева, пока мы с ней неслись к глупому мальчишке с птицей на плече, – репа и горох, кажется, успели подостыть. Видишь, пар от них не валит? Значит, нас, по крайней мере, сильно не обожжет.

Солдаты – мне со страху показалось, что все до одного, потому что их лохматые головы дружно повернулись в нашу сторону – услышали шум шагов двух подбегающих девчонок. Многие зашевелили губами, шепча молитвы.

– Саня, ты что здесь делаешь? – прошептала Ковалева, тряхнув мальчишку за плечи. – Хочешь расстаться со здоровьем?

– О, девчонки! – дребезжаще рассмеялся Иноземцев. – Да тут же разворачиваются настоящие маневры. Вы понимаете, как мне повезло? Где и когда я еще увижу боевую стрельбу из положения стоя?!

– В том числе и по себе самому, – иронически заметила я.

– Да, да! – завизжал Сашка. – И пускай по мне шмоляют, пускай! Не только одному царьку – бычаре везучему – можно полководцем быть! Я тоже умею воевать, и не хуже его. Но кто мне разрешит, скажите, а? Почему жизнь так несправедлива: одному – все, другому – ничего? Только знай, ходи как примерный паинька, губки бантиком слепив, и не смей настоящим делом заниматься!

Под нашими ногами опять зашевелилась земля, в ней образовалась круглая ямка. Оттуда сверкнули два багровых огонька. «Интересно, – подумала я. – Надо взглянуть поближе». Но тут справа и слева послышались отрывистые команды. Солдаты вскинули ружья на плечи и прицелились.

– Пли!!! – рявкнули почти одновременно Голицын и Черкасский.

– П-пах! Плюх! У-ух! – послышались хлопки.

Репяной ком угодил мне в ухо. Светке гороховый заряд попал в плечо. Мы начали было отряхиваться. Но сразу поняли, насколько это бесполезное занятие при «овощном» бое – буквально за несколько секунд мы были густо заляпаны репой и горохом. В разыгравшейся баталлии и не могло остаться чистеньких! Я подтолкнула Светку, показав ей пальцем на происходящее у ворот Пресбурга. Солдаты, которым было приказано сторожить Шакловитого, отошли вместе с советником подальше, к бревенчатой стене. Понятно, что, исполняя повеление Петра, участвовать в бою они не имели права – но явно очень желали повоевать! Стиснув Федьку с двух сторон плечами, чтобы советник не мог двинуться, потешные увлеченно наблюдали за сражением. И вдруг оба, вскрикнув, схватились руками за глаза! – в лицо парням угодили полновесные овощные «заряды». Было видно, как солдаты, ругаясь, отплевываются. А Шакловитый, получив свободу, ужом скользит к воротам. Две секунды! – и ушлый боярин скрывается за ними, оставив своих охранников в дураках. Они, наконец проморгавшись, в ужасе оглядываются: Федьки нет! Парни, толкаясь, с воем бегут следом за Шакловитым из крепости... Но они опоздали. Снаружи доносится залихватский свист, ржание коней и стук колес отъезжающей кареты.

Мы с подружкой радостно вздохнули: советник спасся от расстрела! Двум потешным его, конечно, точно не догнать. А Петр в пылу боя не заметил побега «преступника» из-под стражи – не до того сейчас юному полководцу! Охранников, правда, жаль – попадет им за ротозейство...

– Посмотри на Санину улыбку! – буркнула Ковалева, пытаясь вытянуть пальцами из кудрей густое пюре. – Иноземцев точно не в себе, надо уводить его отсюда. А бедный Кирилл Владимирович уже еле держится за Сашкин пиджак, сейчас упадет вниз, и бедного гида стопчут солдаты. Они ведь, постреляв, наверняка пойдут врукопашную!

– Вот, вот, вот! – орал наш друг. Ухмылка его и правда была подозрительной, глупо-блаженной, как у пьяного. – Это битва так битва! А разве у нас во дворе можно серьезно поиграть в войну?! Да ни за что! Сразу папочки с мамочками выскочат, начнут бойцов разнимать. Менты приедут, солдат переписут, чтобы в школу сообщить и в детской комнате милиции на учет поставить. Не дадут провести сражение, хоть зарежься, а я тоже хочу-у-у...

Сашкин голос сорвался в тонкий фальцет. На испачканном овощной массой лице мальчишки были сейчас видны одни глаза – и они горели действительно сумасшедшим огнем, даже с каким-то красным отблеском... Внезапно поняв, что происходит, я перевела взгляд ниже, на живот Иноземцева. Так и есть! Я вскрикнула, толкнула Ковалеву и кивком показала ей на откинувшуюся полу пиджака нашего друга, из-под которой свисало до земли серое тело Зависти. Змея с хрустом выедала Санину печень, а он, не замечая гадину, продолжал, как одержимый, буйно завидовать Петру! Ну и дурачок! Позванивая стальными кольцами, змеюка содрогалась от наслаждения. Из огромной дыры на рубашке Иноземцева фонтанчиками брызгала кровь. Зрелище было одурачивающе-страшным. Мы со Светкой сначала застыли, не в силах сообразить: что же делать?! Да еще отвлекали потешные! Они снова перезарядили ружья и выпустили из них друг в друга (и в нас, соответственно!) целый град разноцветных комочков. Иноземцев не обращал внимания на липкие шлепки репы и гороха. Мальчишка, повернувшись к царю, пристально смотрел на него, что-то шептал и потрясал кулаками. Змеища, чавкая, бодро шевелила удлинившимся хвостом. Скворец на Сашкином плече, тоже ставший желто-коричневым, приоткрыл один глаз и укоризненно взглянул на меня и Ковалеву. И тогда мы опомнились! Подскочив к Иноземцеву, вместе ухватили Зависть за стальное тело и дернули его вниз. Но гадина, представьте себе, и с места не сдвинулась! Наоборот, она еще глубже ввинтилась мальчишке под ребро, а мы со Светкой получили от рептилии по головам тяжелым хвостом. Ох, какой это был удар! У меня даже в мозгу зазвенело, а перед глазами пошли круги. Светке тоже, конечно, было не лучше. Моя подружка, вся в пятнах разваренных овощей, похожая на свернутую в рулон географическую карту, со стоном терла затылок.

Но мы не собирались сдаваться! Я наступила змее на хвост, Ковалева сделала то же самое. Так, а теперь снова попробуем вырвать голову Зависти из Сашкиного тела. Опять не получилось! Наши пальцы только скользнули по гладкому железу, а жадная пасть рептилии проникла еще дальше в живот Иноземцева. Хвост змеи вырос под нашими ступнями и, чуть приподнявшись, легко выскочил из-под них. Мгновенно обвил мои и Светкины ноги, дернулся и опрокинул нас с Ковалевой вниз. Мы упали, больно стукнувшись лбами. Сашка не мог больше стоять. Хватая ртом воздух, мальчишка сполз на землю. Кирилл Владимирович с трудом удержался на его плече. Печально спрятал голову под крыло. Гадина, с комфортом расположившись на траве, продолжила свое подлое дело.

– Скоро она прогрызет Саню насквозь, – в отчаянье сказала я, – а мы с тобой только зря руками машем. Змея, получается, сильнее нас, его друзей! – и понятно почему. Вот если бы Иноземцев перестал завидовать Петру! Поверь, тварюга уже с позором катилась бы отсюда. Но нет! Ты видишь: Саня уже почти сознание потерял, а все равно продолжает губами шлепать, на царя злопыхать.

Плача, Ковалева сказала:

– Ты представь, Ир! Эта дрянь ползла за Иноземцевым почти с самого начала путешествия по Нелживии. Он не поддавался змее, да и мы его, помнится, вовремя выручали. А теперь вот Зависть Сашку настигла, вцепилась в его печень! Мстит Иноземцеву гадина. Еще и поэтому мы ее оторвать не можем. Змеюка, заметь, выглядит не лучше нас – мокрая, в жутких пятнах. Настоящий тигровый питон – такой есть у нас в Парке юннатов. А ведь ни за что не хочет от Сани отвязаться! Что делать?!

А я уже, кажется, придумала... Знаете, это просто здорово, что моя мама – историк и от нее мне многое известно о жизни Петра Великого. Иноземцеву сейчас нужна совершенно другая помощь! Я придвинулась к Сашке. Стараясь не смотреть на гадину, рвущую его тело – у меня от жалости к нашему другу перехватывало дыхание! – я обняла Иноземцева за плечи и сильно встряхнула. Мальчишка чуть приоткрыл налитые кровью глаза. Прошептал:

– Надо забрать у царя потешных и отдать мне!

– Саня, послушай! – крикнула я. – Не завидуй Петру, это глупо.

– Почему? – Иноземцев приподнял перемазанные репой брови.

– Потому что войско появилось у мальчишки не только по его желанию. Это было еще и решение Натальи Кирилловны.

– Чего-о? – недоверчиво, но – ура! – уже более осмысленно протянул Сашка. – Царица ведь женщина, ей-то зачем сдались потешные?

– А затем, что государыня хотела, во-первых, защитить своего сына от опасности, а во-вторых, воспитать его сильным и волевым человеком – настоящим Российским правителем.

Иноземцев скривил губы:

– Да какая этому мажору могла грозить опасность? Вон как мамочка над ним хлопочет, только что на ручках Петеньку не носит! А, знаю, что может случиться с Петрушенькой: вдруг он нечаянно объестся за обедом?

– Не только. Знай, Саня: три с половиной года назад, в мае 1682-го, в Москве произошло восстание стрельцов.

– И чего они хотели?

– Обычной справедливости. Дело в том, что после смерти отца Петра, царя Михаила Алексеевича, Наталья Кирилловна поставила управлять государством своих родственников – отца и братьев. А властвовали они по-разбойничьи! Крали из казны, вымогали у просителей взятки. Стрельцам и вовсе отказывались выдавать жалованье без того, чтобы те им заплатили за получение собственных денег. Стрелецкие начальники не отставали от чиновников. В жалобе, поданной войсковыми представителями в Дворцовый приказ, сказано: «Полковники

государевы деньги, и кафтанные, и пушкарские, и знаменные, и прочие, берут себе. А мы полковое имущество сами покупаем и через то разоряемся без остатка».

– Так, значит, правильно они восстали!

– Может быть. Но только, когда войска подступили к Кремлю, его жители поняли: дело плохо! Стрельцы, потрясая копьями, кричали, что, мол, по их сведениям, малолетнего Ивана Алексеевича задушили Нарышкины. Наталья Кирилловна вывела обоих царевичей на крыльцо, чтобы показать: все в порядке, мальчики живы и здоровы. Вместе с царским семейством вышли патриарх и несколько бояр. Но тут раздались выстрелы в толпу из дворца: у кого-то сдали нервы. И тогда вспыхнул настоящий бунт! Стрельцы поднялись на Красное крыльцо и сбросили князя Михаила Долгорукова на подставленные внизу копыя. Боярина закололи и изрубили бердышами на глазах у маленьких царевичей. Та уже участь постигла воспитателя Петра – Артамона Матвеева: он следом за Долгоруким погиб на остриях копий. Ворвавшись в покои, стрельцы бесчинствовали: грабили, бесновались, зарезали еще нескольких бояр, в том числе брата царицы Афанасия Нарышкина. И десятилетний Петр видел расправу над дядей своими глазами! На другой день стрельцы снова явились в Кремль, требуя выдачи им второго брата Натальи Кирилловны – Ивана Нарышкина. В противном случае бунтовщики угрожали погубить всех бояр. Царице пришлось отдать им брата, который был подвергнут беспощадной пытке, а потом казнен. Всего за время смуты было убито семнадцать человек! Три дня Наталья Кирилловна и Петр ждали смерти. И поверь, Саня, боялись они не напрасно! Историкам известен такой факт. Опасаясь за жизнь Ивана и Петра Алексеевичей, царица спрятала мальчиков в церкви Кремля. Скоро туда ворвались двое пьяных стрельцов. Они бросились на царскую семью с ножами. Но в этот момент кто-то крикнул, что нельзя проливать кровь у алтаря. Бунтовщики смутились, заспорили между собой. И Наталья Алексеевна успела увести сына и пасынка в задние покои дворца. То есть их всех спасла случайность! Может быть, это и есть, по-твоему, незаслуженное везение мажора?

– Э-э-э... – промышчал Иноземцев. – А ты не врешь, Костина? Петр и правда чуть не погиб? И видел убийства людей?

О, какая радость! Змеища, оставив в покое Сашкину печень, корчилась в бурьяне! Зависть покачивала плоской головой. Багровые зенки гадины уставились прямо мне в глаза. Я почувствовала дурноту и отвела взгляд. Светка подняла с земли лежащий рядом с нами пруттик и бесстрашно ударила им Зависть по железной морде! Змея, тренькнув кольцами, распласталась на траве. Скворец перепорхнул с Саниного плеча на мое, хрипло каркнул:

– О нет, Александр, девочка не врет. Ирина сообщила тебе подлинные воспоминания свидетелей тех событий.

– И все равно, – заупрямился Иноземцев, – этот Петруша – неженка. Пацану тринадцать лет, а мамочка с него пылинки сдувает! Заказывает ему к обеду особую кашку. Трясется, как бы деточка не переволновался, как бы ему ночью кошмары не приснились. Смехота!

Зависть приподняла из бурьяна голову, завозила хвостом и снова потянулась зубами к окровавленному боку нашего друга. Нет, гадина, ничего у тебя не выйдет! Я собралась с духом и сказала:

– Ну, во-первых, Санек, насчет каши. Она действительно очень вкусная и полезная – особенно для тех, кто хочет стать сильным и нарастить мускулы. Моя мама ее чудесно готовит. Это блюдо известно в кулинарии уже триста лет. Оно так и называется: «Каша Петра Первого». Когда вернемся домой, я тебя обязательно ей угощу. Уверю: кашка прекрасна, просто тает во рту!

Мальчишка изумленно захлопал ресницами. Зависть дернулась от злости и попыталась обвиться вокруг моей ноги. Но была схвачена за кончик хвоста бдительной Светкой и отброшена в сторону. Кстати, змеища приятно уменьшилась в размерах! Значит, я на правильном пути. Продолжу:

– Во-вторых, насчет изнеженности царя. Это неправда, Санек. Петр, в отличие от других монархов, никогда не боялся ни трудов, ни опасностей, ни голода, ни холода. А вот здоровье у него действительно слабое – во многом из-за того самого стрелецкого бунта. Жестокое убийства знакомых и родных, а также пережитый страх за свою жизнь не прошли для мальчика бесследно. Помнишь гримасы, которые строил Петр? Это нервный тик. А один иностранец, знавший Петра, писал, что царь во время припадков еще и вертел головой, кривил рот, заводил глаза, подергивал руками и плечами. Позже, в двадцатилетнем возрасте, государь начал трясти головой. Когда юноша был сильно раздосадован или взволнован, у него переставала слушаться правая рука, она непроизвольно дергалась. И заканчивался приступ только после полной потери сознания. Царица сейчас не зря переживает за сына: он боится спать один, не переносит больших помещений, тишины и высоких потолков. Как ты теперь считаешь, Саня: есть тут чему завидовать?

Иноземцем закашлялся. Глядя в сторону, пробубнил:

– Ну, ты картину нарисовала! Просто хоть желей его, несчастного пацана.

Ура, змеюка съезжилась до величины указки! Злобно светит на меня издали глазами-угольками и не решается напасть на Иноземцева. Но и не уползает, дрянь такая! Интересно, почему? Сашка вскинул голову:

– Вот, Костина, – спросил он дрогнувшим голосом, – ты говоришь: Петр пережил много страшного. И нервнобольной он, и все такое! Но ведь пацану доверили армию! Классно вооруженную и экипированную! Царь ей командует, и ходит в военные походы, и проводит учения. Да пацан уже считай что полководец! А я, а мне...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.